Эй, Всевышний!
А не пора ли мне в
ОТПУСК?!
Евгений Нетт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В период бурной молодости честно попал под грузовик, честно вышел в плюс по карме и честно устроился на работу ко Всевышнему, на должности старшего жреца по мелким поручениям отпахав во благо его двести с небольшим лет. И опять умер. Но не всё же мне работать — нужно когда-то и отдыхать, верно? Вот я и попросил у Всевышнего задарить мне ещё одну жизнь в качестве отпуска… Но с моими "плюс три" в карме и любящим издеваться надо всеми покровителем надеяться на спокойное существование? Не-эт, мой персональный бог такого цирка точно не упустит…

- Эй, Всевышний! А не пора ли мне в ОТПУСК?!
  - Пролог
  - Глава 1. Реинкарнация? Со всеми вытекающими, ага.
  - Глава 2. Был человек, а стал…?
  - Глава 3. Приключения? А, нет, показалось…
  - Глава 4. Пятый дан по косякам
  - Глава 5. От теории к практике!
  - Глава 6. Магическая аномалия?
  - Глава 7. А для разгребания последствий-то лопата нужна!
  - Глава 8. Плата всегда высока
  - Глава 9. От любви до ненависти…?
  - Глава 10. Они все такие разные!
  - Глава 11. Скромный подарок
  - Глава 12. Жадность… не застилает глаза?

Эй, Всевышний! А не пора ли мне в ОТПУСК?!

Пролог

— Эй, Всевышний! А не пора ли мне в отпуск?!

Нельзя сказать, что первая сказанная мною после второй смерти фраза сильно удивила Бога, на которого я работал после первой жизни, закончившейся… трагикомично, да. От трагедии — умер я молодым, только закончившим институт и полным желания менять мир под себя. От комедии — орудием убийства стал грузовик, который, — я готов поклясться! — наезжая на меня яростно лупал фарами-глазищами и кричал японское «Исека-а-а-ай»! Казалось бы — умер и умер, лежи себе спокойно и не отсвечивай. Вот только вышло так, что конец смертного тела — это не конец жизни, и я, за свою коротенькую жизнь набравший аж три плюсовых балла и всего один отрицательный, — таки есть в существовании безвольной амёбы свои плюсы, — заслужил право попасть в рабство к приглядывающему за нашим мирком божеству. Ну, как рабство: рождение в новом мире и служба на благо Всевышнего, выражающаяся в выполнении его заданий. Ни толковыми друзьями, ни семьей я там так и не обзавелся, так как работодатель порою посылал меня в такие дали с такими заданиями, что ввязывать в это кого-то дорогого мне было бы просто глупо. Но всему приходит конец, и я, боевой маг второй категории, — для первой в голове должен быть мозг, а не сено, как было у меня со слов учителей, — приставился от старости. Тут следовало бы сделать отступление о том, что оступиться и навернуться со скалы, моментально приложившись темечком об выступающий камень такая себе смерть от старости, но готов поспорить на что угодно: там, где седой старик оступится, молодой лось проскачет и не заметит опасности.

Впрочем, это уже прошлое, а с будущим только предстоит определиться.

— На самом деле заслужил. Вот расскажу своим, что мой старший жрец от усталости свернул шею, упав с пятиметрового валуна…

— Какой валун, Всевышний? То была гора высотой с… да с ту самую гору! И шагал я три дня и три ночи без сна и без пищи, на одной лишь воле…

— И чудесных таблетках, ага. Мне-то можешь не заливать, я сам всё прекрасно видел. И твоими глазами, и со стороны. Валун там был, а не скала!

— Нет, ну теперь я оскорблён в лучших чувствах! — Шутки шутками, а отдохнуть без необходимости денно и нощно решать

проблемы пантеона мне хотелось очень сильно. Сильно настолько, что я был готов подписаться и на роль похуже — но только после отпуска! — Так что там с отпуском?

— С каким отпуском? Да ладно, ладно, шучу я. Сам ведь подбил на такой стиль общения… И эти ваши мемы показал. Занятная у вас планета, право слово. Хоть и маленькая для такого числа живущих. — Восседающий на компьютерном кресле всевышний оттолкнулся ногами от стола и откатился в сторону, развернувшись ко мне лицом. Пыхнув забористым косяком, работодатель начал перечислять: — По отпуску есть варианты, и вариантов этих много. Сам-то куда хочешь?

— Туда, где у богов нет серьезного влияния. И что б живой, не загаженный мир. Средневековье там… Авантюристы, гильдии, монстры. Что б нескучно было!

Всевышний задумался на минутку, мысленно сортируя известные ему измерения. С каждой секундой лицо его мрачнело всё сильнее, пока он, наконец, не озвучил весь список…

— Есть подходящий тебе мир, но особо мощных способностей дать не смогу — другие боги денно и нощно бдят, чтобы сущности нашего уровня не вмешивались в происходящее. Разве что кусок системы пропихнуть получится, но и тут — варианты…

— Не надо систему… — Или всё-таки надо? — Или, хотя бы, пусть она будет не настолько мудрёной, как в прошлый раз? И было бы неплохо, что б она распространялась только на меня.

Иначе всё пойдёт по накатанной, и в стремлении «прокачать» себя за мной начнут охоту все сильные авантюристы мира сего. Система мира «Геймера», которую не так давно начали пользовать чуть ли не все боги — вещь интересная, но я всё равно где-то проколюсь, а проблем потом не оберёшься. Мне же проблем хватило и в уже закончившейся жизни. Мало кто любил магов, а магов на побегушках у богов — и того меньше.

— Огрызок системы? Есть у меня одна идейка… Не то, чтобы экспериментальная, но и не обкатанная особо. Тебе подойдёт идеально, так как твоей рунной магии в том мире нет.

— Как нет?

— Просто нет. Руны — только в артефактах, а с артефактами у тебя сам знаешь как.

«Знаешь» — мягко сказано, так как создание даже самых простых игрушек у меня выходило из рук вон плохо. И это при том, что рунная магия считается одной из лучших на поприще перемещения мистических сил на материальную основу. Всё-таки я ни разу не учёный и не артефактор. Так, боевик-исполнитель, которому хорошо, когда цель проста и понятна, а когда цели нет — ещё лучше, можно отдохнуть, занимаясь чем угодно. — Столь

нелюбимых тобой параметров с репутациями не будет и, в целом, мир под систему не подстраивается от слова совсем. Устраивает?

Мир, в котором система будет только у меня, и её наличие не будет фактически перекраивать реальность, с которой я взаимодействую? Дайте два!

— Полностью!

— Ну, тогда — адьос, проживи полноценную жизнь…

Меня засосало в бесконечное ничего, и последующих слов я уже не слышал.

— … и начни с пелёнок! А я посмотрю за тем, как ты обойдешься без няньки…

Глава 1. Реинкарнация? Со всеми вытекающими, ага.

Часть I.

Хотел бы я сказать, что всё прошло ровно, но при одной лишь мысли о моих первых трёх годах в новом мире хотелось рыдать навзрыд — до того сильно по мне ударила подстава, устроенная Всевышним, что б ему икалось. Сейчас ещё ладно, хотя бы ходить на своих двоих могу, читать кое-как выучился, да и от груди меня отлучили. Но в первый… нет — в первые два года это был самый настоящий ужас. Не приведи Всевышний вам когда-то оказаться в теле младенца, полностью осознавая всё происходящее, но не имея возможности что-то изменить. Толку от того, что я отчаянно дёргал крошечными конечностями, на мой взгляд не было совершенно, так как ползать я всё равно научился через год с небольшим. Ходить — в два с половиной, и это, насколько мне известно, довольно-таки поздно…

Но самый неприятный момент это, всё-таки, родители. Или правильнее будет сказать — моё к ним отношение? Двухсотлетний жрец в отпуске, оказавшийся в теле младенца, ну вот совсем никак полюбить своих новых родных не может. К такому выводу я пришёл к этому моменту, окончательно определившись с тем, что помимо признательности и уважения ни к Волану, ни к Клариссе я ничего не испытываю. Отец — самый обыкновенный алхимик неопределённого возраста, мать — авантюристка тридцати лет, со специализацией которой непонятно ровным счётом ничего. Доподлинно известно о наличии у обоих магического дара, стремления к спокойной жизни и абсолютного непринятия сколь-нибудь значительных опасностей. Иными словами, и Волан, и Кларисса не хотели, чтобы я становился авантюристом, воином, боевым магом или кем-то подобным.

Опасно, понимаешь! А мне что делать, если за прошлую жизнь я настолько свыкся с необходимостью регулярно биться насмерть, что нынешнее спокойствие отдаётся болезненным зудом в пятой точке? Не то, чтобы я был маньяком до битв, как небезызвестный Кенпачи, но подраться любил. В молодости за мной даже пара примечательных прозвищ ходила, покуда я был достаточно силён для того, чтобы буйствовать в эпицентре битвы. Теперь же взгляните на меня: маленький, пухлый и практически

бессильный! Дарованный Всевышним огрызок системы был именно огрызком, суть которого заключалась в возможности выбрать для себя ровно пять навыков, которые таковыми и вовсе не являлись. Например, [Магия], выбранная мною в возрасте полутора лет, не открыла во мне новых способностей и не одарила огромным мана-резервом. Вместо этого я просто знал, что и как мне нужно делать, чтобы подготовить духовное и астральное тела к эффективному использованию этой энергии. В дальнейшем мне обещались знания по базовой магии, освоив которую в совершенстве я открыл бы продвинутый её класс, но сверхсильным божественный дар действительно не был. Если и другие попаданцы вроде меня ограничены подобными силами, то всё, наверное, не так уж и плохо. Условия плюс-минус одинаковые, если не учитывать целую прорву нюансов вроде расы, опыта, положения в обществе, случайностей… Да кого я обманываю — равными условиями тут и не пахнет!

Но — не суть. Прямо сейчас я посреди ночи сижу и в свете простенького артефакта-сферы листаю толстенную книгу по географии и политике, половина слов в которой мне понятна постольку-поскольку даже несмотря на мой второй навык, [Языки и культуры]. И всё-таки, это была одна из немногих книг, рассказывающих о мире вне стен родного дома, из которого меня ну совсем не выпускали. Традиции, понимаешь — не положено дитю до пяти лет и носа казать из безопасного места. Вот и оставалось мне лишь поддерживать дружеские отношения с домашним питомцем — здоровенным котом, и под его присмотром тайком от родителей выбираться из кроватки, пробираясь в рабочий кабинет. В дни, когда я не делал коту подношений в виде ловко сброшенного кусочка мяса, эта пушистая зараза при малейшей попытке покинуть отведённую мне комнату посреди ночи орала так, что просыпались даже мертвецы. Пару раз обжёгшись на этом, выводы я сделал, и наладил с котом сотрудничество. Тем более, что этот миролюбивый с виду зверь в этом доме заменял сторожевую собаку, являясь каким-то видом дрессированных магических хищников. Каких именно мне ещё только предстояло выяснить ввиду отсутствия нужных книг, а пока можно было довольствоваться и географией.

Жил я где-то в людском королевстве Бригантии, но где именно сказать не мог. Никто и не думал на политической карте отмечать маленькие то ли города, то ли вообще сёла вроде моего. Сколько я ни искал, но сумел определить своё местоположение лишь приблизительно, ибо, со слов отца, «столичный регион на удивление требователен к деньгам, но ради будущего наших

детей можно и потерпеть». Тогда речь шла о ценах на всякое-разное, и на обучение в том числе. Так как я «обучался» чтению на глазах родителей, — а на самом деле — усваивал бесценные знания от навыка [Языки и культуры], - те вполне справедливо посчитали меня гениальным ребёнком, которому требовалось обеспечить наилучшее будущее. Но несмотря на то, что алхимики были уважаемыми членами общества и зарабатывали очень серьезные деньги, в одиночку отцу было трудно и обеспечивать семью, и откладывать внушительные суммы. Слушал я всё и всех, и потому быстро вник в то, что для начала меня своими силами «подтянут» по общим наукам, а после — выделят учителя по магическим дисциплинам. К мечу меня никто, естественно, допускать не собирался, так как у родителей не было даже мысли о том, что когда-нибудь я стану авантюристом или наёмным воином.

Из-за этого у меня то и дело мелькали мысли насчёт третьего по счёту навыка, но пока всё упиралось в физическую неспособность тренироваться. Во-первых, я мелкий и немощный. Во-вторых, обладающие всей полнотой власти надо мной родители категорически против всего опасного, следовательно — мне ещё долго капать им на мозги ради получения соответствующего разрешения. Как итог, пока я могу практиковаться только в магии, да разбираться с миром, который меня окружает.

А разбираться было с чем, ибо мирок оказался раз так в пять больше, чем земля. И это была не моя ошибка, а реальный факт, который я получил путём приравнивания местных измерительных величин к привычным мне. Опыт, как говорится, уже был, так как последние двести лет я расстояния измерял в метрах и километрах, вес — в граммах и килограммах, ну и всё такое прочее. Это было гораздо удобнее всего того, чем пользовались страны моего второго мира. В этом, третьем по счёту, система была не настолько печальна, но далека от кратного десяти идеала.

Возвращаясь к теме стран, людское королевство Бригантия занимало четверть одного из трёх материков, что по площади примерно равнялось моей самой-самой первой родине — России, страны, отличающейся выдающимися размерами. Соседями выступали растянувшиеся вдоль западной границы царства эльфов, — а их было чуть больше десятка, — южная империя зверолюдей — Зараши, а так же дикие земли востока, в которых разномастных стран было больше сотни, а занимали они где-то треть материка, включая в себя тончайший перешеек, являющийся единственным сухопутным путём, ведущим к

континенту демонов. Последний населяли, как несложно догадаться, демоны, в видах которых я не разбирался, а перечня стран в учебнике почему-то не было. Возможно, сие было следствием закончившейся всего полвека назад демонической войны, но точно судить было сложно…

— Зол, опять сбежал?! Гарро, а ты куда смотришь и почему молчишь?!

В ответ на неожиданно раздавшуюся из-за моей спины отповедь мамы гигантский кот что-то невнятно мяукнул, а после со скоростью молнии покинул комнату, избежав наказания. Я так сделать не мог, и потому мне пришлось прибегнуть к глубокопечальному взгляду, оттянувшему на себя всё внимание и позволившему мне безбоязненно упрятать горстку песка в щель между половиц. Магию я тренировал согласно наставлениям навыка, прямо сейчас находясь на этапе, когда этой горсти песчинок хватало и на отработку контроля, и на расширение мана-резерва. И если три месяца назад я добирался до дна резерва за сорок минут, то сейчас мне требовалось почти три часа, что как бы намекало на эффективность моих тренировок.

Рост более чем в четыре раза — это, как ни посмотри, прогресс.

— Золан, ещё раз застану тебя за чтением посреди ночи — буду запирать кабинет на замок! — Пф-ф, маменька, не делайте мне мозг! В этом доме дверей отродясь не водилось, а через месяцок-другой мне и замки помехой не будут, ибо пресловутый песок по моей воле мог и твёрдым стать, а там вскрыть простенькую средневековую поделку будет проще, чем тайком избавиться от салата на обед. Тем временем мама взяла меня на руки, возвысив на недосягаемую прежде высоту, после чего пробормотала: — Так, и что же ты читал сегодня? «Континенты и страны: Издание для авантюристов»? Зол! Почему не книги с нижней полки?

Родители кое-как свыклись с мыслью о том, что я уж очень охоч до чтения, и потому выделили мне целую полку, заставив её детскими же книгами, но я те игнорировал, предпочитая литературу посерьезнее. В конце концов, будущий гениальный маг я или где?

— Всё, пора спать! Идём!

Да я бы с радостью пошёл, если бы мог. Но отпускать меня никто не собирается, так что кроватки не избежать… Унижение, конечно, но у меня и так уже глаза слипаются. И это не я такой ленивый, а тело трёхлетнего ребёнка невыносливое. Восемь часов скачу, как козлик, а потом засыпаю в течении пятнадцати минут. Часов так шесть сна, и ещё восемь часов активности невзирая на

время суток. Нездоровый, конечно, график, но мне нормально, родители не беспокоятся — следовательно, всё о`кей. А вот и кроватка…

Дочитать бы завтра седьмой раздел, о стране дворфов…

Часть II.

А утром, очень ранним утром, меня разбудили, переодели в нарядную, с закосом под взрослую, одежду, и повели в гостиную, где меня дожидался мой первый учитель. И я был бы рад, окажись это миловидная девушка или женщина, но…

Древний, как сам мир, старик сидел за столом, в центре которого стоял массивный артефакт, знакомый мне по книгам. Оценивающий кристалл, способный не только определить способности к магии и резерв, но и выявить потенциал оцениваемого в использовании праны. Как именно он это делает мне неизвестно, так что не стоит даже думать о том, чтобы как-то подтасовать результаты.

— О-хо-хо, а ты, стало быть, Золан, верно? Иди сюда, не бойся. Ты ведь читал о магии?

Странно, но факт — родители просто наблюдали за мной и этим старичком со стороны, даже не пытаясь его мне представить.

— Да, читал. — И — да, я уже говорил, хоть и старался делать это пореже. Всё-таки три года, дети должны болтать без умолку и нести всякую чушь. Но актёр из меня откровенно никакой, потому и решил я говорить редко, но метко. Адекватно и, в определённых рамках, «по-взрослому», укрепляя пока ещё шаткую репутацию гения. — Это оценивающий кристалл?

— Именно. Знаешь, для чего он нужен?

— Для определения мана- и прана-потенциала авантюристов!

Да-да, у взрослого человека в теле ребёнка капать на мозги получается отменно, так что я нисколько не сомневался, что родители к моему семилетию сдадутся и позволят мне изучать боевые аспекты как минимум магии, а там и до меча недалеко. Таким образом, упоминание героев-авантюристов где можно и где нельзя было одним из основных рычагов давления, коим я беззастенчиво пользовался.

— Не только авантюристов, но, в целом, всё верно. Родители рассказывали тебе о роли маны в нашей жизни? — А вот этого точно не было, да и в детских книжках тема раскрывалась поверхностно, мол, мана это здорово, мана это классно, а куда, кто и зачем — догадывайся сам, трёхлетний засранец. В полном соответствии со своими мыслями я покачал головой. — Что ж, тогда это сделаю я. Мана — это магическая энергия, бывающая

индивидуальной и нейтральной. Индивидуальную ману разумные существа вырабатывают сами, и она же хранится в его резерве, в то время как нейтральная наполняет всё остальное, будь то трава, деревья, камни или просто воздух. Это понятно?

Вот что я тебе, дед, скажу — хрен бы обычный трёхлетний ребёнок понял то, что ты пытаешься объяснить! Но я не обычный и очень даже умный, так что…

— Понятно.

— Точно? Что ж, тогда слушай дальше. — Старик переложил трость в другую руку, после чего продолжил: — Помимо маны существует так же и прана, концентрированная жизненная энергия, существующая в любом обладающем разумом живом существе помимо тех, что использую ману. Таким образом, прана и мана взаимоисключающи. Тобишь, если в тебе есть мана и ты пользуешься магией, прана для тебя недоступна, и наоборот. Попытки нарушить этот основополагающий закон могут окончиться очень плохо, так что, Золан, ни в коем случае не пытайся их смешать. Понял?

— Понял. — Ну а что я ещё мог сказать? В учебниках ничего такого написано не было, и из-за этого все мои планы стать могучим воином-магом моментально улетели в тартарары. Навык [Магия] о столь незначительном моменте, как несовместимость маны и праны, известил меня только сейчас после прямого запроса… Вопросик, что ли, задать? — А если я уже пользуюсь магией, то прана мне больше никогда не будет доступна?

— Не совсем так. Существуют способы, за счёт которых можно очистить тело от маны и начать заполнять его праной, но это долго и не слишком эффективно. — Предполагаю, что улыбка на лице старика должна была выглядеть предельно добро и дружелюбно, но меня всё равно передёрнуло — примерно так улыбался один из моих заклятых врагов в прошлой двухсотлетней жизни. — Золан, ты пользуешься магией?

— Учусь пользоваться.

— Покажешь?

Мои ожидания не оправдались, и ни Волан, ни Кларисса ничем своего удивления не выдали. Или знали о том, чем их сын регулярно балуется? Вполне может быть, так как сенсорика местных вполне может отличаться от привычной мне, и там, где обычно требуется талант специально обученного человека, здесь может справиться и рядовой, не особо одарённый человек. Но тогда выходит, что мои попытки таиться были совершеннейшим образом бесполезны.

— Сейчас покажу.

Я спустился со стула, — с моим ростом — натуральный

подвиг, — и умчался на второй этаж, в кабинет, где и выпотрошил бесценные запасы тренировочного песка. На всё про всё ушло около двух минут, по истечении которых я вновь сидел в гостиной, высыпав горсть песчинок прямо на стол. Сосредотачиваюсь, читаю про себя простейшее заклинание обращения к стихии — и песок начинает плясать, полностью подчиняясь моей воле. Спустя примерно минуту, когда я перешёл от простых движений к более сложным элементам и фигурам, старик нервно хохотнул:

— Это удивительный талант. Господин Волан, госпожа Кларисса, я очень сожалею, но у меня нет опыта в обучении настолько молодых магов. — Старик посмотрел на меня, искренне улыбнувшись. — Золан, ты превосходно освоил начальный этап тренировки на контроль, но я очень тебя прошу — не экспериментируй со следующими этапами без присмотра. Это опасно, так как истощение резерва маны может привести к смерти.

— Я понимаю. Об этом было написано в книге, по которой я занимаюсь.

Естественно, я по диагонали прочитал наличествующие в доме книги по магии, дабы знать, что я мог найти, а что — нет. Тренировка с песком входила в этот перечень, и следующим должна была стать отработка пусть и простых, но полноценных заклинаний. Ах да, немаловажный момент — стихийных предрасположенностей в привычном понимании в этом мире не существовало в принципе, но каждая стихия требовала к себе особого подхода. Таким образом, я мог одинаково хорошо контролировать и землю, и воду, и воздух, и огонь, но с последними двумя элементами были проблемы. Если землю с водой я ещё мог найти и попрактиковаться с управлением оными, то доступа к открытому огню у меня не было, а воздух оказался слишком капризной стихией.

— Что ж… — Слово взял мой отец. — Господин Глассовер, но мы ведь можем рассчитывать на обучение Золана основополагающим наукам?

— Как и базовым основам магии. Принципиально, невербальный контроль над элементом не слишком отличается от использования простых заклинаний, и этому я обучить смогу. Но если вы хотите большего, то тут поможет или специалист, коих мало, или обучение в академии магии. Да хотя бы в том же Рилане, я сам там учился, и могу сказать, что преподаватели и подход к обучению там отменные.

— Это ваша рекомендация как наставника?

— Верно. — Кивнул старик Глассовер в ответ на вопрос

отца. — Думаю, младшая группа примет Золана в возрасте десяти лет. До этого же момента необходимо обеспечить ему хорошее образование. Я могу обучить мальчика математике, языкам, обществознанию, политике и культуре, но не этикету. Для этого вам придётся нанимать отдельного наставника.

— Спасибо за ваше участие, господин Глассовер. — Кларисса низко поклонилась, напомнив мне об обычаях страны восходящего солнца из моей первой жизни, а так же об обычаях восточных стран — из второго. Скорее всего, в этом гигантском мире тоже существуют похожие традиции. — Мы обязательно последуем вашим советам. Что ещё от нас требуется?

По крайней мере мамак относилась к словам этого старика с каким-то особым трепетом, что наводило на мысли о его особом привилегированном положении в обществе. Я сам тоже не мог сказать о Глассовере ничего плохого, так как тот показывал себя лишь с лучшей стороны: признался, что у него нет опыта обучения детей вроде меня, и дал свои рекомендации, которые, я надеюсь, родители проверят на стороне. Учиться у такого человека не зазорно, и я собирался приложить к тому все усилия.

— Чернила, перья, писчая бумага. — Перечислил старик, не сводя с меня взгляда. — Ну и обсудить график занятий, конечно же. Золан, сколько времени ты готов уделять урокам?

— Всё время… учитель.

И без того широкая улыбка старика стала ещё шире, заставив меня обратить внимание на белоснежные, полностью комплектные зубы — редкость в том возрасте, на который выглядел Глассовер. Сколько ему? Девяносто или даже больше? Или тут маги живут в разы дольше? Нет, это вряд ли — в книгах, которые мне довелось читать, не упоминалось ни об одном человеке-долгожителе. Грустно, но я и не рассчитывал на слишком долгую жизнь…

— Золан, учёба — это труд, а ты ещё слишком мал для того, чтобы посвящать ей всё время. Разве у тебя нет игрушек? — В ответ я скорчил непонимающее лицо, закрутив песок вокруг своих маленьких рук. Таким образом я как бы указывал на то, что заменило мне игрушки. — Госпожа Кларисса, чем обычно занимается ваш сын?

— М-м-м… — Мама задумалась ненадолго, словно бы не желая ничего упустить. — С самого детства Золана не интересовали игрушки, но притягивали книги. Днём, когда мы за ним присматриваем, он или читает, или изучает дом. Ночью же наш сын тайком пробирается в кабинет и опять читает, видимо, вдобавок практикуясь в магии…

— И всё? — Старик выглядел порядком удивленным. —

Больше никаких интересов?

— Когда вы об этом сказали, мне и самой это показалось странным… Дорогой?

Видимо, родители понимали друг друга с полуслова, так как в словах Клариссы явно отсутствовала часть вопроса.

— Нет. В последнее время я слишком редко бываю дома, и если провожу время с сыном, то рассказываю ему о тех или иных алхимических составах…

— Вол…?!

Возмущение матери с одной стороны было понятно — она-то искренне считала, что я нормальный ребёнок, пусть и не без странностей. Тут же выяснилось, что мои игрушки — это книги, а с отцом мы и вовсе понемногу заучиваем базовые для алхимика знания. Тут хочешь, не хочешь, а забеспокоишься.

Благо, продолжать разборки Кларисса не решилась, и причиной тому явно было присутствие в доме гостя и будущего наставника. Интересно, он местный или прибыл сюда по контракту? Я-то всё ещё не знаю даже, в каком поселении живу. Но, если поразмыслить логически, всё-таки в городе, ибо отец ходит на работу, а в селе, даже большом, столько зелий совершенно точно не надо.

Тем временем отец принялся оправдываться:

— А что я могу поделать, если остальное ему просто неинтересно? Зато алхимией Зол искренне интересуется и всё запоминает! Ну-ка, сынок, расскажи, как отличить низшее зелье регенерации от продвинутого?

— Откупоривать сосуд нельзя?

— Естественно.

— Тогда, первый способ, предназначенный для прозрачных сосудов — внешний осмотр на просвет. Качественное концентрированное зелье менее однородно, и содержит в себе остаточные частицы ингредиентов, что легко заметить. В случае с низшим зельем этих частиц будет меньше. Но если зелье не разбавлено, а изначально сварено плохо, то в нём будут присутствовать лишние частицы при том, что его эффект будет соответствовать низшему зелью. По этой причине оценку зелья на просвет совмещают с ещё двумя методами визуального определения…

Я вещал словно по учебнику или, вернее будет сказать, с завидной точностью пересказывал слова отца. Память у меня хорошая за счёт развитого астрального тела, плюс бонусы детского тела, в котором мозг настроен именно на скоростное усвоение информации. Заниматься, в свою очередь, мне особо нечем, и потому крупицы знаний, до которых удаётся дотянуться,

усваиваются мною от и до.

Но то, что мой рассказ поразил всех кроме отца — состоявшийся факт. Волан может и рассказывал маме о том, насколько я в этом хорош, но та, похоже, особо и не верила.

— Золан…

— Кхм.

Под конец моей речи мамы хватило только на имя, в то время как Глассовер лишь хмыкнул, утопив пальцы в густой, но аккуратно подстриженной бородке. Правильно, восхваляйте такого удивительного меня…!

— Позвольте спросить, какие книги читал ваш сын? Достаточно просто названия.

— М-м-м… Все из моего кабинета, предполагаю…? — Отвечал отец весьма неуверенно. — Справочники по алхимии, руководства по базовой магии, свод правил и законов нашей страны…

— Этой ночью я едва отобрала у Золана талмуд по политике и географии мира. До какого раздела ты успел дочитать?

— До седьмого. Про континент дворфов.

— Дворфов, значит… Скажи, Золан — сколько всего эльфийских королевств на нашем континенте, и с какими из них у царства людей общая граница? — Нет, дед, мы так точно не договаривались! Может, перечислить я их ещё могу, но про границы вопрос для меня слишком сложный. Вроде, Залийское Королевство с нами граничит, но и его я запомнил из-за того, что именно оно сейчас представляет интересы эльфов перед остальными державами. Ещё пять или шесть я уверенно не назову, только наугад… — Не знаешь?

— Не могу вспомнить, какие именно королевства с нами граничат. — Только сейчас заметил, что особо сложные слова я произношу не слишком внятно — влияние детского тела. — Залийское точно, а остальные… Но я могу все перечислить.

Таким образом, взрослые и ответственные люди на протяжении полутора часов пытали меня на предмет того, что я знаю, стремясь таким образом нащупать границы моих знаний и пределы — памяти. Но я был не так прост, и потому с составлением расписания на ближайший месяц мы закончили только ближе к вечеру, так как старик Глассовер был вынужден провести со мной первое, вступительное занятие, дабы определить, что мне известно, а что — нет.

И всё-таки, выглядеть гением в чужих глазах весьма и весьма приятно.

Часть III.

Трудно в учении — легко в бою. Так говорили в моём первом мире, так говорили во втором, так говорят и в третьем. Нет, мои занятия не походили на адские тренировки, о которых можно было подумать. Я бы даже сказал, что учиться было как-то слишком уж легко, ибо меня просто не желали перенапрягать, строго дозируя нагрузку и не позволяя тренироваться самостоятельно. Шесть часов с учителем и два-три — в одиночестве, шесть дней в неделю. На седьмой день я отдыхал и укладывал в голове все полученные знания, после чего с новыми силами приступал к учёбе. Зубрил, вникал, и думал о том, что в детстве я всё-таки был тем ещё раздолбаем, раз уж даже легчайшая школьная программа мною была осилена лишь отчасти. Во второй жизни меня тоже нельзя было назвать образцом прилежания, так как система и покровительство Всевышнего даже из отпетого лентяя способны вылепить терминатора. Так и получилось — я толком ничего не делал первые лет пятьдесят, но выживал за счёт плодоносящего роялями дерева. После, конечно, понабрался уму-разуму, стал капельку мудрее, но вот так, с нуля, учиться мне было нечему и незачем.

Зато теперь это сполна компенсировал огромный, интересный мир, в котором я намеревался прожить полноценную жизнь. Любить и ненавидеть тех, кого хочу я, а не Всевышний. Уничтожать и созидать согласно собственному желанию, а не по указке свыше. В конце концов, идти своей дорогой, не оглядываясь на требовательного в делах покровителя. Но двести лет… Такой срок не проходит бесследно, и меня постоянно преследует чувство, будто на пороге вот-вот появится очередная аватара с поручением для вашего покорного слуги и насмешкой ото Всевышнего. «А ты правда поверил в отпуск? Что ж, прости — тебе надо ещё восемьсот лет отпахать, не время расслабляться…».

Зная его лично и неоднократно общаясь с ним в неформальной обстановке, я мог с уверенностью сказать, что именно этот бог вполне на подобное способен. Более того, розыгрыши, зачастую жестокие, его специализация. Несмотря на то, что у знакомого мне Всевышнего нет абсолютного титула вроде Игрока, создавшего систему и распространившего её среди множества богов-последователей, он довольно-таки значимая фигура в своём обществе. Мне сильно повезло попасть к нему, так как он относился к немногочисленному лагерю божеств, считающих смертных не просто забавными куклами, с которыми можно делать что угодно, а полноценными личностями. Едва ли такой взгляд повысил в их глазах ценность жизни рядового

смертного, но вот ко мне, например, Всевышний относился вполне себе нормально. По крайней мере, не списал в утиль ни за первый провал, ни за десятый — пожурил, показал, как нужно было действовать, и дал следующее задание.

Но всё это — бессмысленные размышления, которые в любом случае ни к чему не приведут. Сейчас у меня было кое-что другое, на что требовалось обращать внимание. А именно — сегодня меня, на следующий после пятого дня рожденья день, брали с собой на некую церемонию. Несмотря на моё отношение к предстоящему, — а традиции мне было за что недолюбливать, — родители относились ко всему как-то даже слишком серьезно. Ну, церемония представления детей племени, ну, проводящаяся один раз в жизни, так что же — из-за этого варить какое-то стрёмное зелье из кучи всякой всячины и крови нас троих? Едва заметив отца за этим непритязательным с виду занятием, я попытался его расспросить о предназначении варева, но он ограничился общими «для церемонии» и «так заведено, дабы ты мог гордиться принадлежностью к иллити и моему роду». Учитывая тот факт, что ни о каких Иллити я до этого момента не слышал, это общество было очень невелико. Собственно, самих народов и известных рас(!) демонов или зверолюдей я мог перечислить сотни так полторы, а о трети от этого числа я даже кое-что знал — их склонность к магии или предпочитаемое оружие, например. Даже старик Глассовер ничего об этом не говорил, что указывало либо на просьбу родителей молчать, или на абсолютную незначительность моей принадлежности к этому роду-племени…

— Уже переоделся? Молодец! Пойдём, церемония скоро начнётся.

— А теперь я могу узнать, что там будет?

— Нельзя.

— Это магическое ограничение или традиция? И если второе, то обосновано ли это…?

— Золан! — Мама вспылила, до боли крепко сжав моё запястье. Несмотря на недурственные успехи в магии, физически я оставался простым мальчиком пяти лет. Но не успел я возмутиться, как по руке растеклось приятное тепло исцеляющего заклинания. — Прости. Это очень важная церемония, и я сильно волнуюсь…

— Потом расскажешь, почему?

— Вечером. И папа тоже расскажет свою часть истории. Хорошо?

— Конечно!

Энтузиазм в моём голосе был неподдельным. Со временем я проникся к родителям уважением и, в какой-то мере, любовью.

Трудно оказалось не проникнуться какими-то чувствами, в течении пяти лет день ото дня купаясь в доброте и заботе. Тем более, что я и сам, возможно, в тайне даже от самого себя мечтал обрести семью. Тех, чьи жизни не будут мне безразличны.

Разговор завершился, а спустя две с небольшим минуты я переступил порог родного дома, выйдя на улицу…

Не посёлок, но и не город — так я подумал, окинув взглядом ровные ряды аккуратных домов. Высотой те не превышали трёх этажей, и выглядели совершенно по-разному, различаясь материалом, окрасом и общей конструкцией. Не то, чтобы я был экспертом в строительстве, но для деревни, даже большой, такие дома в мире меча и магии — признак зажиточности. Я, конечно, понимал, что отец очень хорошо зарабатывает, но масштабы… Сколько же получают маги-наставники, раз уж моя семья не может себе позволить нанять кого-то серьезного? Глассовер, несмотря на все свои знания и возраст, не настоящий маг, так как ему покорился лишь продвинутый уровень, которого, с его слов, при надлежащем таланте и обучении достигают к девяти-десяти годам. А ему, для сравнения, уже семьдесят четыре, что для человека обыкновенного является концом жизни. И каково, интересно, им умирать, ничего не зная о том, что находится за гранью? Первый раз я умер, будучи молодым, не раздумывая о смерти и уж точно не дожидаясь её. Там раз — и всё, уже стою на приёме у Всевышнего с рабочим контрактом в руках. М-да. Куда-то не туда мои мысли унесло, однако — вон, вокруг травка шуршит, птички, — посчитаем таковой воющего вдали петуха, — поют, люди бродят. Красота? Красота.

Маму проявление мною заинтересованности удовлетворило, так что дальнейший путь мы преодолели молча. Я целиком ударился в наблюдение, стараясь почерпнуть об окружающем мире побольше информации чисто на всякий случай, а мама витала в своих мыслях ровно до того момента, как мы встретились с отцом. Тот дожидался нас непосредственно на месте, рядом со здоровенными деревянными воротами, являющимися частью каменной, почти крепостной стены. Обычно четырехметровыми заборами обносят деревню целиком в качестве кое-какой защиты от хищников и бандитов, но тут царила своя атмосфера. Область внутри деревни, окруженная такими стенами, на мой взгляд тонкий намёк на толстые обстоятельства, тобишь — на существование клана, рода или гильдии. Нужное подчеркну чуть позже, когда наконец узнаю, в чём тут дело.

— Там уже всё готово.

— Мы ведь не опоздали? — Мама всерьез обеспокоилась словами на удивление серьезного отца, но тот покачал

головой. — Слава Богу…

— Смотри не сболтни того же внутри, дорогая. В моей семье далеко не все настолько терпимо относятся к упоминанию чужого божества…

— Хорошо, дорогой. — Мама присела на корточки и обхватила мою голову руками. — Зол, что бы ни случилось, помни — это нормально. Если что-то пойдёт не так, тебя предупредят. Понял, малыш?

— Да.

Не говорить же, что их разговор, а так же слова матери, обращенные ко мне, пропитаны опасностью? Мне как-то резко перехотелось удовлетворять желания родителей и участвовать в этой подозрительной церемонии… Но кто всерьез будет спрашивать пятилетнего ребёнка? Может, мама ещё и прислушается, но отец — глава семьи, и спорить с его словами меня отучили ремнём. Обиду я запомнил и вознамерился отомстить, но для этого мне надо подрасти ещё хотя бы на три-четыре головы, иначе всё опять окончится наименее желанным образом.

— Золан… — Отец взял слово. — Ничего не бойся и ни перед кем не склоняй головы.

— Н…

Мама попыталась было сказать что-то, но брошенный отцом взгляд заставил её замолчать. Временами Волан бывает на удивление властным, что даже для мастера-алхимика несколько странно.

— Идём.

Отец только начал разворачиваться к воротам, а те уже начинали открываться. Двое привратников, вручную распахнувших вход, склонились под углом в девяносто градусов, чем-то напомнив мне рыцарей востока из второго мира, и японцев — из первого. Неужто тут даже люди с европеоидным типом внешности прониклись такими традициями? Если так, то на знатных приёмах мне показываться противопоказано. Никогда не понимал слепого уважения по отношению к старшим, которые, порою, в своём развитии недалеко уходили от коровьей лепёшки.

Ну, по крайней мере, архитектура за стенами всё та же, привычная, без восточных ноток. Как и облачения встречающихся тут и там людей, на которые одежда меня и отца ни капли не походила. А экипировали меня в миниатюрную «алхимическую» мантию с длинными, но не болтающимися рукавами, запахивающейся грудью и полами, защищающими даже ступни от попадания любых жидкостей. Для полного комплекта не хватало только специальной обуви, — а вы что хотели — алхимия далеко

не так безопасна, как кажется! — и маски, специальным образом зачарованной. Здесь же все носили классические городские костюмы вроде моего домашнего. И чего, спрашивается, мы так вырядились? Или это специфическое требование для участия в церемонии? Маловероятно, так как вон тот мелкий пи… кхм, мальчишка, с брезгливостью на меня взирающий, одет нормально. Сопровождающие его родители недалеко ушли, но в основном они одаривали снисходительными взглядами моих родителей. Как же хочется подпалить им зады, но — увы, это родственники отца, и вот так вступать с ними конфронтацию нежелательно.

— Амстер.

— Волан.

Поздоровавшись таким образом с мужчиной — сопровождающим пацанёнка, отец замер перед дверью, ведущей в недра то ли склада, то ли просто на него похожего большого прямоугольного здания.

— Вижу, твой сын здоров. Поздравляю.

— Спасибо.

А это к чему сказано? Плюс один вопрос в копилку того, что будет произнесено вечером. Но взгляды местных «родичей» меня определённо начинают раздражать. Как там пелось — я на позитиве, а мне всё пофиг? Во-от, как шуганулись, родные — стоило только улыбнуться во все не-совсем-тридцать-два зуба и скорчить страшную рожу. Благодарите небеса за то, что я ПОКА такой немощный. Иначе простой гримаской всё бы не обошлось.

— Что говорят старейшины?

А вот теперь вопрос задал отец, которого, казалось, бросаемые на нас взгляды смешили. Но того же нельзя было сказать о маме, которая будто бы стала на полголовы ниже даже несмотря на то, что отец держал её за руку. Может ли быть, что она — причина ссоры отца с родными? Например, что те не одобрили его брак…?

— Сомневаются в… ты сам знаешь в чём. Не планируешь возвращаться?

— А я могу? — Горькая усмешка вкупе с практически незаметно скользнувшими в нашу сторону глазами всё сказала сама за себя, и я окончательно убедился в том, что причина раздора — мы. Будь на моём месте обычный умный ребёнок, способный делать выводы, и такое отношение любимого отца могло бы послужить причиной психической травмы. — Старейшины ни за что не согласятся с моими условиями.

— Но хотя бы его ты можешь доверить роду, если всё пройдёт успешно.

— Не если, а когда, брат. — О! Дядька обнаружился! И ведь даже в гости не заходил ни разу на моей памяти, родственничек. — И даже так я не отдам его роду, что бы те ни говорили и какие бы доводы не приводили. В моих силах дать ему всё, что необходимо.

— Второй круг не допускают до обучения молодёжи не просто так, Волан. Подумай, как следует, прежде чем принимать решение.

— Решение уже принято.

Амстер посмотрел на меня печальным взглядом, после чего тяжело выдохнул — и резко повернулся к распахнувшейся двери.

— Я искренне желаю ему удачи, брат.

— Верю. И за это я благодарен.

С таким невесёлым настроением мы шагнули в недра здания, отведённого для проведения таинственной церемонии. Самое интересное только начиналось…

Глава 2. Был человек, а стал…?

Часть I.

Оккультная секта. Первое впечатление, по крайней мере, у меня было именно таким, так как стоящие и сидящие в полумраке люди, будто бы скрывающие свои лица, выглядели пугающе. Особого шарма добавлял хорошо освещённый артефактами центр огромного помещения, в котором возвышался обелиск, окруженный медленно вращающимися прямоугольными бумажками. Определённо, это были руны, нанесённые на материальный носитель. Но какую роль они играли сейчас? Это мне предстоит узнать с минуты на минуту, так как я и сын дяди были последними, кого тут ждали. Дверь уже запечатали и выставили охрану, а на небольшой постамент чуть в стороне от освещённого пространства взобрался мужчина лет сорока. Выглядел он серьезно и капельку тщеславно, прямо-таки фоня властью. Такие люди, как правило, вызывают у окружающих желание преклонить колено, но на меня это не действовало совершенно. Я ведь со Всевышним на ты, так о каких смертных властителях речь?

— Сегодня мы собрались здесь, дабы провести обряд посвящения в силу рода! Гериан, сын Амстера и Вильи! Золан, сын Волана и Клариссы! Кселана, дочь Варгарда и Меллы! Каждый иллити, будь он мужчиной или женщиной, воином или ремесленником, повелевающий праной или маной, обязан пройти через церемонию обращения к предкам, сделав мощь их крови своей мощью, а их слабость — своей слабостью! Да, вы не ослышались! Наследие рода — это не только сила, но и слабость, ибо магия всегда следовала и будет следовать принципу равноценного обмена! Покажите, чего вы стоите, и позвольте нашим общим прославленным предкам одарить вас! Гериан, шаг вперёд!

Я проводил спину вышедшего в центр зала, — и где тут шаг, спрашивается? — пацанёнка, сосредоточившись на монолите и вращающихся вокруг печатях. Этот мир был так устроен, что магия здесь была несколько ограниченной. Например, сенсорика заметно отличалась от привычной мне. Маг не мог вот так взять — и определить уровень сил стоящего перед ним человека. Единственным вариантом реализовать сенсорику в сколь-нибудь похожем на привычный мне виде, это напитать маной некую область, как в случае с мамой и нашим домом. После этого маг

начинал ощущать магические всплески на подконтрольной ему территории. Определение магической силы даже при таком подходе требовало серьезных приготовлений, что, в моём случае, являлось практически бесполезным. Зачем матери скрываться от собственного ребёнка, если она может просто арендовать оценивающий кристалл и проверить мои запасы маны?

С одной стороны, из-за этого мага весьма сложно выявить, но с другой я сам не смогу сказать, кто стоит передо мной: маг или воин, или вообще обыкновенный безобидный человек. Таким образом, я понятия не имел о том, насколько сильны собравшиеся на церемонию старейшины…

— Магия или меч, Гериан?

— Магия!

— Покажи, на что ты способен, и уничтожь столько мишеней, сколько сумеешь! И да помогут тебе предки сейчас и после!

От ритуальных разговоров всё как-то слишком быстро перешло к действу, но в чём-то даже изящную волну пламени, созданную посредством короткого заклинания, я не заметить не мог. Откровенно говоря, Гериан весьма неплохо управлялся с этим огнём, выжигая печати и демонстрируя свой контроль над элементом. А ведь это стихия, считающаяся одной из самых сложных в освоении. Я, конечно, тоже так смогу через пару месяцев тренировок, но мне и не пять лет. Талантливый засранец этот мой двоюродный братишка…

Тем временем за несколько секунд его огонь сжёг штук так пятьдесят печатей, после чего окончательно развеялся. Последнюю бумажку парень сжигал настолько маленьким язычком пламени, что мне даже показалось, будто та сгорит лишь наполовину. Но вот второе заклинание ему сотворить не позволили даже несмотря на то, что маны у Гериана должно было оставаться ещё очень много. Не с собой сравниваю, а с описаниями, предоставленными Глассовером. Даже без обучения таких огоньков ребёнок в возрасте от пяти до восьми лет может создать штуки три-четыре, а такого талантливого мальца точно тренировали. Собственно, разброс в возрасте образовался из-за того, что обычно смышлёных детей начинают учить магии с восьми лет. В этом мире считается, будто именно в этом возрасте человек обретает полноценный разум и закаляет волю до уровня, достаточного для тренировок.

Но это всё мелочи, так как у меня назревает, что б её, проблема. Одно заклинание. Всего одно. Если это правило для всех стихий, то мне нельзя будет использовать ничего простого. Просто из-за того, что ни земля, ни вода, являющиеся моими основными элементами, на начальном уровне не имеют

достаточного направленно-рассредоточенного разрушительного потенциала. А продвинутый мне пока не даётся… Так что делать в таком случае? Уничтожить пять-десять печатей против пятидесяти у переполненного гордыней ребёнка? Да я себе такого позора ни за что не прощу! Из этого следует, что мне нужно как-то увеличить потенциал заклинаний низшего ранга. Допустим, я раздую объем вливаемой маны. Вдвое тут будет мало, а вдесятеро — придётся читать заклинание вслух, как какому-то бесталанному ребёнку. Что получится в таком случае? Каменный снаряд просто разрастётся до размеров ядра царь-пушки, а вот с водой всё не так однозначно. Вряд ли эти бумажки размокнут, так как их даже огонь не сразу брал. Будь печати живыми, и мне было бы достаточно их заморозить, но это могут и не засчитать. Значит, клинок, сотканный из воды? Но один точно не заденет больше двадцати печатей. В принципе, если одно заклинание читать вслух, а второе использовать невербально, то я смогу ударить «одним» водяным… пусть будет крестом. Итак, водяной крест заденет вдвое больше целей, и от того, как я его позиционирую, зависит очень многое. Шансы на успех не стопроцентные, так что мне придётся постараться…

Тем временем в центре зала начались какие-то нездоровые шевеления. А именно — обелиск охватил ярко-алый свет, а в следующее мгновение в пацанёнка выстрелил такого же оттенка луч. Но тот не помер и даже удержался на ногах, но вот его одежда обратилась в ничто, открыв всем желающим тщедушное детское тело. Я, конечно, не слишком стеснителен, но голышом бегать перед полусотней человек мне ещё не доводилось…

Стоп, что?!

Пока я мысленно издевался над непонятными ритуалами, у Гериана разошлась кожа на лбу. Брызнула кровь, и наружу показался алый, как сама кровь, небольшой, но заметный кристалл, заставивший всех присутствующих возбуждённо зашептаться. Отец, думая, что я не вижу, искренне поздравил Амстера, похлопав того по плечу. А его брат, так же считая, что все отвлеклись на его сына, ободряюще улыбнулся моему отцу! Не снисходительно, но словно извиняясь… Не за меня ли? Ну, едва ли я расстроюсь, если у меня во лбу не вырастет кристалл. Это как плакат «Я ДЕМОН, НЕНАВИДЬТЕ МЕНЯ, ЧЕЛОВЕКИ!». Ведь люди всегда недолюбливали демонов, а после войны пятидесятилетней давности нелюбовь переросла в лютую ненависть. Демонов гнали изо всех городов, и какие-то шансы выжить среди людей у них был лишь в далёких посёлках или резервациях. Возможно, я — один из таких демонов? Или всё-таки полудемон? Мама-то у меня, похоже, человек, а если ненависть

между людьми и демонами взаимна, то отношение родни становится вполне понятным. Хорошо, что от отца не отвернулся брат, так как его предательство могло ударить по нему сильнее всего…

Счастливому, едва не прыгающими от радости Гериану повязали на лоб какую-то повязку и увели из зала, а после — вызвали меня.

— Золан, шаг вперёд!

Я, встрепенувшись, горделиво приподнял подбородок и, уняв дрожь, — и это совершенно точно влияние детского тела, а не моё собственное волнение! Именно так! — встал на то же место, что и Гериан. И каково было моё удивление, когда свет будто бы преломился, осветив лица всех присутствующих. При пацанёнке такого не было… Но никто не подаёт виду, что что-то произошло. Возможно, только я вижу их лица? Часть церемонии? Если так, то зачем это нужно? Ну, рассмотрел я холодное презрение на лице местного тамады. Ну, решил набить ему морду при случае. Но для этого, похоже, хватило бы и личной встречи.

Впрочем, глубокий смысл искать мне не дала стремительность происходящего.

— Магия или меч?

— Магия.

— Покажи, на что ты способен, и уничтожь столько мишеней, сколько сумеешь! И да помогут тебе предки сейчас и после!

Я пошевелил пальцами — основными проводниками моей магической энергии, после чего моментально перешёл в боевую готовность. Есть цель, которую необходимо уничтожить. Есть средства и план, который надо всего лишь реализовать. И больше ничего. Ни зрителей, ни эмоций. Я — и цель…

Руки взметнулись вперёд, и я принялся зачитывать совершенно детское полотно заклинания. Оглядывался бы — заметил бы удивление на лице отца, привыкшего к невербальной магии в моём исполнении, но этого я не видел, будучи полностью сосредоточенным на задаче.

— Правящий везде и всюду хозяин морей и звёзд, обрати на меня свой взор и одари благословлением. Позволь мне направлять твоё величие, позволь разить твоим мечом и защищаться твоим щитом. Прими мою верность, разреши сразить то, на что укажет мой перст! — Кажется, из носа от перенапряжения пошла кровь. Вполне резонно, учитывая, что эту же стену текста я впервые дублировал мысленно, готовясь запустить разом два заклинания начального уровня. Все шло настолько гладко, что я решился на небольшую импровизацию. И в мыслях, и вслух прозвучало измененное финальное слово,

одновременно с которым моя магия вырвалась наружу. — Перекрёстная Волна…!

Кажется, с количеством маны я всё-таки переборщил. Такая мысль у меня промелькнула, когда две скрещенные волны просто пронеслись вперёд, обратив в ничто чёрт знает сколько печатей. И если центр, кхм, перекрёстной волны, распался от столкновения с монолитом, то его четыре отделившиеся части полетели дальше, угрожая превратить зрителей в шашлык. Я и не подумал о такой возможности, но, к счастью, моё заклинание сумели перехватить, испарив все волны направленными сгустками пламени.

Ну, предки, выносите свой вердикт. Я ведь старался, даже капилляры в носу полопались…

Если в братишку монолит стрельнул красным лучом, то я удостоился ярко-голубого. В одно мгновение мой собственный резерв раздуло, словно воздушный шарик. Если минуту назад я мог использовать четыре перекрёстных волны подряд, то сейчас, по беглой оценке, маны у меня было на все… сто двадцать? Что, б…лин? Да мне такой резерв не светил даже к пятидесяти! Или всё дело в том, что я демон? Тогда — да, они исконно магическая раса, а не обретённая, как люди, и резервы у них в среднем вдвое больше.

Спасибо, предки! Удружили так удружили! Я глубоко поклонился монолиту, черканув по полу крыльями.

Упс…?

Начав активно мотать головой, я сделал два вывода. Во-первых, я похудел. Это было особенно заметно, так как я стоял в центре зала голышом, а обтянутые кожей кости как-то сразу бросались в глаза. Во-вторых, у меня из спины торчала пара матово-чёрных крыльев, не то как у летучей мыши, не то как у дракона. Но стоило мне только наивно пожелать, как они с хрустом скрылись в спине, заставив меня пискнуть от боли. План на будущее — обзавестись обезболивающим и принимать его перед тем, как баловаться с неведомо как во мне помещающимися крыльями. Ну и в-третьих, повторюсь, мой резерв маны достиг взрослых значений. Даже если это нижняя планка по палате среди демонов, я доволен. Это ж какая имба! Но тренировать резерв теперь будет стократ сложнее, так как незаметно слить на заклинания такие объемы будет трудно. Устное чтение заклинаний выматывает меньше, чем невербальное, но даже так из-за нагрузки на тело я под конец своего резерва ощущал лёгкую слабость. И это — от растраты в тридцать раз меньшего объема сил. Что же будет теперь? Смогу ли я вообще в ближайшие годы высушить свои запасы, дабы стимулировать их рост…?

Тем временем в центр зала выбежал, — именно выбежал, а не

вышел, — отец, опустившийся передо мной на колено и принявшийся за осмотр. По толпе пошли волнения, но вслух ничего нехорошего не прозвучало. Вместо этого ко мне подошла миловидная женщина-целитель со своим ассистентом, мужчиной, которому на вид было лет так сорок. Но он был именно что ассистентом, подчиняясь каждой команде целительницы. Меня осматривали с изрядным волнением, будто бы опасаясь чего-то. Но спустя четверть часа, когда я уже собирался лично прекратить бессмысленное действо, женщина сбросила капюшон:

— Золан полностью здоров и полон сил. Вдобавок, он обрёл благословление Генерала.

— Король и Генерал в один год…!

— Генерал…!

— Что же, быть может, дочь Варгарда и Меллы станет Ворожеей…?

Я слышал всё, но едва ли понимал, о чём они говорят. О`кей, допустим, меня благословил какой-то Генерал. Тогда братишка отхватил благословление Короля? Но Король, по логике, лучше Генерала! Я правда продул пятилетнему пацану…?

— Сын, поздравляю. — Наконец-то сообразивший закутать меня в свою мантию, отец сжал меня в объятиях. Из его глаз текли слёзы, но отражали они не боль и не грусть, а радость. — Ты сделал даже больше, чем я ожидал.

— Подробности вечером, да?

— Да. Нам многое придётся обсудить…

Таким образом, я поучаствовал в церемонии, оказавшейся куда как более важной, чем предполагалось. Знал бы — выучил бы что-то более разрушительное!

Часть II.

К сожалению для всего рода иллити, Кселана оказалась самым обычным гением, и особого благословления древних демонов не заслужила. Просто получила по «стандартной» татуировке на обе руки, спину и часть груди, увеличив свой резерв и обзавёдшись значительно более высокими физическими характеристиками. И это было именно то благословление, которого удостаивалось девяносто девять процентов Иллити. Ещё процент приходился на кого-то вроде меня и Гериана, тех, кто удостаивался внимания одного из семнадцати «первых Иллити». По факту, Король, Генерал, Властитель, Ворожея и прочие легендарные демоны были всего лишь выдающимися личностями, возглавившими отколовшихся от уничтоженной людьми расы Ференгдаров предателей, позже провозгласивших себя отдельной

расой и, одновременно, родом — Иллити. Меня не особо устраивала принадлежность к расе, прославившейся предательством, но выбирать не приходилось. Тем более, что свой попаданческий рояль я получил именно от такого родства…

— Сын. Ты должен знать, что я, твой отец, принадлежу к главной ветви нашего рода. Я был первым наследником до того, как встретил твою маму. Из-за неодобрения старейшин и отца, я был вынужден покинуть род, но это не касается тебя. Любой иллити, даже полукровка, получивший благословление, считается полноправным членом рода. Ты сделал даже больше, чем я желал — стал Генералом, прямо как твой дедушка. — Отец грустно улыбнулся. Было видно, что слова о семье, что отказалась от него, давались ему очень нелегко. — У тебя есть что-то, что ты хочешь узнать?

Вот такой диалог, походящий на таковой между двумя взрослыми людьми, меня полностью устраивал. Всё-таки не зря я повсюду демонстрировал свои интеллект и зрелость. Именно за счёт этого отец и учитель старались относиться ко мне как к равному.

— Этот род иллити не одобряет браки с другими расами?

— Да. Обычно, решившийся на такое изгоняется из рода и лишается имени иллити, но мне, как наследнику и сыну Генерала, сделали послабление. Была велика вероятность, что ты, даже являясь полукровкой, сумеешь достичь бОльших результатов, чем я когда-то. Это называется наследственностью. Кровь главной ветви всегда была сильна.

— Сила, что я получил… Тот старейшина говорил, что это ещё и слабость. В чём она заключается в моём случае?

— Обычный, рядовой иллити, с получением татуировки достигает своего пика в плане резерва маны или праны, и заметно теряет в контроле. Генерал же, со слов твоего деда, так же не может наращивать резерв свыше полученного на церемонии, но контроль у него остаётся на прежнем уровне. Крылья в какой-то момент позволят тебе летать, но в воздухе ты будешь крайне заметен и уязвим. Что до слабостей, то тут всё очень серьезно. Слушай меня внимательно, Золан, и делай выводы. Хорошо?

Я кивнул. Раз уж Волан просит об этом в таком тоне, значит всё действительно может полететь в тартарары, окажись я недостаточно внимательным. Да и мама сидит бледнее мела — видимо, ей уже всё известно. Но оно и неудивительно, учитывая тот факт, что она вот уже пятнадцать лет жила с отцом, первым наследником насчитывающего семь тысяч разумных рода иллити. Тут хочешь — не хочешь, а специфических знаний наберёшься.

— Да, отец.

— Во-первых, ты должен знать о концепции телесных и духовных энергий. Глассовер рассказывал тебе об этом?

— Естественно. Это был один из первых уроков, так как от баланса двух первоначальных энергий зависит очень многое. У меня он, насколько я знаю, одинаков — один к одному.

Таки да, я не только выслушал урок Глассовера, но и прочитал запрошенную у мамы литературу по теме. Если в двух словах, то телесная энергия отвечала за здоровье и физический потенциал. Например, у воинов на пике силы соотношение телесной и духовной энергии — четыре к одному. Восемьдесят процентов силы, двадцать процентов ума. Таким образом, пользователи праны были сильны и выносливы, но «мозги» у них варили довольно посредственно, что можно было компенсировать лишь развитием астрального тела. Духовная энергия, в свою очередь, отвечала за эффективность преобразования маны в заклинания и интеллект. Маги, забросившие развитие тела и не справившиеся с удержанием баланса, заметно теряли в здоровье и умирали гораздо раньше своих коллег-воинов. Буквально, перекос уровня четыре к одному, как в случае с телесной энергией, гарантировал простому человеку смерть не в восемьдесят, а в сорок лет. С демонами и прочими расами схема выглядела аналогично, но вот Вечные, или бессмертные, как их ещё называют, существа, могли свободно злоупотреблять перекосами, доводя соотношение до девяти к одному в пользу духовной энергии. При сравнительно небольших объемах маны, они тратили её в разы эффективнее, что превращало их в неубиваемых чудовищ, относящихся к отдельному классу опасности — Апокалипсис. Снести город одним заклинанием? Вполне себе реально. Превратить горы в равнины и наоборот? Тут уже придётся попотеть, но ничего невозможного. По крайней мере, так описывали их в книгах, до которых я смог дотянуться. Ну и, соответственно, бессмертные пользователи праны тоже обладали абсурдными силами. Кто-то мог выжить, уснув в лаве, кто-то разрубал само время и нарушал своими ударами законы мироздания, а кто-то, не обладая особым боевым потенциалом, был буквально бессмертным. Одного из таких утопили где-то в океане, запечатав предварительно нарубленные части его тела в специальных гробах. В итоге, этот демон-император вроде как жив, но ничего поделать уже не может, обречённый всю ближайшую вечность куковать на дне морском одновременно в нескольких местах. Но, возвращаясь к разговору с семьёй, отец меня огорошил:

— Теперь соотношение духовной и телесной энергии у тебя — три к одному, сын.

Не материться, ману держать под контролем, а эмоции — в руках… Всё нормально. Всё хорошо. Я и так должен жить сильно долго, да и перекос этот можно исправить. Можно же?

— Я могу скорректировать этот перекос?

— Тренируя своё тело и ограниченно пользуясь магией — можешь. Так как тебе для становления сильным магом больше не надо развивать резерв, это более чем реально. Мой отец, твой дедушка, предложил выделить наставника рода для того, чтобы помочь тебе с этим.

— И на какое соотношение я смогу рассчитывать?

— Твой дедушка, к нынешнему моменту, достиг двух к одному. — Я ещё не успел задать вопроса, как отец продолжил. — Ему сто тридцать лет.

— И… Сколько обычно мы живём?

Я уже развернул окно системы, принявшись перебирать предлагаемые ею варианты навыков. Мне нужно было что-то, что позволит начать коррекцию как можно скорее

— В среднем, двести семьдесят лет. Долгожители и мечники высоких рангов дотягивают до трёхсот тридцати-четырёхсот лет.

Настало время распаковывать мой личный рояль, прикрываясь благословлением! Слава огрызку системы, позволяющему откопать нужный навык!

— Отец, а что же о знании Генерала? Нужно ли мне ему следовать?

— Что? — Конечно же, ты не знаешь, ведь это «знание Генерала» — навык, который я только что выбрал. [Путь к Идеалу], практика, не имеющая ничего общего с боевыми искусствами, не включающая в себя боевых приёмов, но способная выправить мой перекос в кратчайшие сроки. Думаю, один к одному через семьдесят лет — вполне реальный план, а рекорд деда будет мною покорён годам к двадцати. Ну и физическая форма, конечно, у меня будет превосходной, без учёта необходимости учиться драться в ближнем бою без праны. Читай — страдать. — О чём ты?

— Ну, вместе с тем лучом в моей голове появилось знание о том, как нужно тренироваться Генералу. Возможно, это поможет исправить перекос? Генерал ведь не был воином?

— Он был магом, да… — Волан подзавис, но относительно быстро взял себя в руки. — Ты можешь показать эти тренировки?

Три слота навыка из пяти доступных я уже заполнил, но непосредственно в голове они разархивируются только после сна. Слегка переиначив, о том я и сообщил отцу. Тот согласился, и беседа перешла в русло планов на будущее.

— Чем ты хочешь заниматься в будущем, Зол?

— Я хочу стать авантюристом. Да, мама, именно авантюристом. — Я пристально посмотрел на маму, не сумевшую сдержать испуганный вздох. Но вот она скрыла лицо в ладонях — и тихо заплакала. — Я долго думал об этом. Я хочу посмотреть мир, хочу стать сильным, способным защитить себя и тех, кто мне дорог. Тебя, мам, и отца.

— Как…?

— Исходя из этого желания, я должен быть крепким физически, умелым магом и многое знать о мире вокруг…

В соответствии с этикетом, бегло изученном под присмотром Глассовера, я склонил голову.

— … и потому я прошу оставить Глассовера в качестве моего учителя общих наук. Пусть не магии, но я хочу учиться у него. От меня он никогда не узнает о благословлении.

Как-то так. С учителем я проводил гораздо больше времени, чем с родителями, и потому привязался к нему, перестав в какой-то момент воспринимать его как оплачиваемый источник знаний. Старик, насколько я могу судить, тоже видел во мне не очередного ученика, а… внука, может? Своих детей у него не было, и этим он удивительно походил на меня в прошлой жизни. Правда, я не связывал себя отношениями из-за службы Всевышнему, а вот о причинах Глассовера мне оставалось только гадать.

— Кланяться перед родителями тебя тоже он научил, а, Зол?

— Поклон — это жест, подкрепляющий просьбу, отец.

— Глассовер пусть и умён, но он всего лишь человек. Род может дать тебе во всех смыслах лучшего наставника. Он будет старше, опытнее и умнее. Ты понимаешь это?

— Да. Но так же я понимаю, что доводы разума не всегда верны. И… мне не нравятся иллити, отец. Среди всех только Амстер хорошо отнёсся к нам. Даже старейшины смотрели на меня как на ничтожество до того момента, как меня благословили предки.

Волан хмыкнул, после чего кивнул задумчиво:

— Зная тебя, я предполагал, что так оно и будет. То, какими глазами ты смотрел на этих застарелых снобов…

— Дорогой!

— Прости. Зол, забудь о том, что старейшины — ископаемые, слепо верующие в чистоту крови! — Слова, произнесённые отцом под упрекающим взглядом мамы, были полной противоположностью того, что она хотела услышать. Но таков был Волан, неспособный принимать компромиссы. — А если серьезно, сын, то я тобой горжусь. И твоё отношение к роду полностью понимаю… и принимаю. В конце концов, пятнадцать

лет назад я с такими же мыслями ушёл вместе с твоей мамой.

— И всё-таки, что насчёт моего обучения магии? — Как ни посмотри, а мне нужно было прикрытие моим знаниям. Свалить всё на книги вряд ли получится, так как магия — вещь опасная, а в глазах окружающих я просто слишком умный пятилетний пацан, на которого свалилась огромная сила. Спасибо, что не ответственность. Ведь так как я сын изгнанного из клана иллити, да ещё и полукровка, никаких обязательств по отношению к роду у меня нет. Возможно, предложенные дедом наставники — способ привязать меня к «семье», но мне не нужен ни наставник по общим наукам, ни по боевым искусствам. Идеально будет, если удастся найти мага-учителя со стороны. Тогда я смогу в любой ситуации послать горе-родственников и не прослыть предателем. — Я не хочу учиться у наставника рода, но могу предложить самостоятельное обучение. У меня есть хорошая база, и по меньшей мере продвинутого уровня я могу достичь самостоятельно.

— Твоя уверенность в своих силах похвальна, но совсем без наставника… — Отец покосился на маму, что-то высматривая в её глазах. Но она всё ещё находилась в подвешанном состоянии после моего заявления, и потому никак не ответила. — Думаю, мы с твоей мамой сможем за тобой присмотреть. Пусть даже твои основные элементы отличаются от моих, но нужные книги всегда можно заказать из столицы.

— У нас хватит на это денег?

— Это не тот вопрос, который должен тебя сейчас волновать, сын. — Волан заботливо потрепал меня по волосам и ободряюще улыбнулся. — Подождёшь несколько минут?

Ну конечно же, моя мама — маг и бывший авантюрист. А кто сможет помочь мне с подготовкой лучше, чем маг-авантюрист? Знания-то я получу, но с их применением на практике навык ничем не поможет. Но состояние, в котором она оказалась из-за моих слов… Мне казалось, что за последние годы я как следует приготовил почву, и ничего такого не должно было произойти. Человек предполагает, бог располагает — так, кажется, говорят…

— Конечно.

Волан обхватил маму за плечи и увёл её из гостиной на второй этаж, оставив меня в гордом одиночестве. Подумать было над чем, но почему-то в голове царил застой. Неужто я просто вымотался? Но ведь в своё время я даже после знатной драки с Князем тьмы и, по совместительству, ставленником другого бога, пошёл не отдыхать и зализывать раны, а пить в ближайший, чудом уцелевший кабак. Как простенькая церемония и последующий разговор с семьёй довели меня до такого

состояния? Неужто столь сильно влияют именно эмоции? Если так, то мне нужно многое переосмыслить.

И вот как-то так я, развалившись на диване в гостиной, я уснул крепким сном в конец вымотавшегося ребёнка. И весь график, бережно выстраиваемый на протяжении года, улетел в тартарары…

Глава 3. Приключения? А, нет, показалось…

Часть I.

— Золан.

— Мама.

Улыбку на лице даже не надо было изображать, так как присутствие здесь Клариссы в, похоже, полевых одеждах, указывало лишь на то, что она решилась меня обучать. Усиленные кожаными накладками брюки и куртка с длинными рукавами не выглядели особенно презентабельно, но от экипировки авантюриста ничего такого и не требовалось. Множество креплений и карманов, пояс с парой отделений для алхимии по бокам, перечеркивающая грудь перевязь, потёртые, но крепкие перчатки, странного вида обувь с сантиметровым каблуком и, наконец, плащ с капюшоном, в «развёрнутом» положении скрывающем всю фигуру целиком, а сейчас закрывающий лишь спину. Если бы я когда-то с таким же вниманием подходил к выбору вещей, мог бы избежать стольких проблем…

— Скажу откровенно, сынок: я не рада тому, какой путь ты решил избрать. Жизнь авантюриста полна лишений, боли и страданий. — Что же произошло с тобой в прошлом, мама, что ты так относишься к профессии, воспеваемой разумными всех рас? — Но это не значит, что я не буду тебя учить. В своё время моим наставником был экс-авантюрист, маг А-ранга, специализирующийся на исцелении и воде, что передалось и мне. К первому у меня был талант, коего у тебя, к сожалению, нет, а второе я выбрала из соображений совместимости с исцеляющей магией и необходимости самозащиты. И в первую очередь работать мы будем с водой. Тебе ведь она нравится, Зол?

Стал бы я выбирать что-то, что мне не нравится! Тем более, что вода свободно превращается в лёд, существенно расширяя и без того внушительный арсенал. Помимо этого, вода как элемент — универсальный боец. Эффективные атака и защита, плюс ведущая роль в деле управления погодой. Из воды проистекает и молния, но, к сожалению, природная. Тобишь, чтобы вдарить смертоносным разрядом по оппоненту, мне нужно нагнать туч и обеспечить разницу в потенциалах… Что сделать не так-то просто, особенно если вы как я, с физикой на вы.

— Да. Я хочу сделать воду своей основной стихией, а землю — второстепенной.

— Землю тебе придётся осваивать самостоятельно, а вот с водой я помогу. Что тебе уже известно?

— Вся магия воды начального уровня из учебников, где-то половина — земли, и, видимо, комбинированные заклинания…

— О чём ты?

— Перекрёстная волна, мам. На церемонии я одновременно читал вслух и невербально заклинание для обычной режущей волны, изменив финальное слово. Таким образом, технически, я использовал два заклинания, а не одно.

На несколько секунд мама, так сказать, «повисла», уйдя в себя и не торопясь возвращаться обратно. Возможно, подобная практика не особо распространена в этом мире? Хотя, на самом деле, это довольно очевидно для любого мага, способного использовать невербальную магию. Точно как и то, что можно читать вслух одно заклинание, а на деле применять другое — противник, приготовившийся уклоняться от каменной дроби, вряд ли переживет разверзнувшийся у него под ногами огненный ад.

И всё-таки, что, если это неестественная способность? Маловероятно, конечно, так как моё физическое, астральное и духовное тело целиком и полностью принадлежат этому миру. Ничего, кроме ограниченной в своих возможностях системы. Соответственно, то, на что способен я, может повторить любой разумный, раскрывший свой магический потенциал. Правда ведь…?

Но ничто не вечно. Кларисса вышла из ступора, первым делом сжав меня в крепких объятьях. Крепких настолько, что я, со своим-то тщедушным ныне тельцем, побоялся остаться инвалидом, и потому аккуратно вывернулся из рук мамы.

— Мам, что случилось?

— Ты применил комбинированные чары в таком возрасте! Это… Это даже не талант, а благословление Клавана! — А ведь дома мама не упоминала имя бога, в которого верит, так как отец очень критично к этому относился. Как он говорил раньше — в его семье боги под запретом. Как всё обстояло на самом деле — таково было отношение к вопросу всех иллити. Их род просто не верил в богов, компенсируя это верой в себя и в достоинство предков. Вот такие, почти племенные, устои. — Когда и где ты тренировался с ними? Кто тебя учил? Глассовер?

— Нет. Я сам додумался. Считал, что это естественно.

— Сынок. — Мама поравняла своё лицо с моим, опустившись на одно колено и слегка сгорбившись. Всё-таки пока я был очень

невысок. — Я горжусь твоими талантами, но постарайся не распространяться об этом умении. Мир далеко не настолько доброе и дружелюбное время, как ты думаешь. Детей… Особенно одарённых детей… Их похищают, Золан. А после продают на чёрных невольничьих рынках тем, кто готов заплатить за возможность вырастить послушного, сильного раба. Мы с твоим папой сделаем всё, чтобы тебя защитить, но даже нас может быть недостаточно.

— Понимаю. — Мне стоило и самому подумать о такой возможности. Всё-таки не первый век живу, всякого дерьма повидал, но почему-то воспринимал этот мир… не совсем в тех тонах, в каких следовало бы. К слову говоря, общаться с посторонними следует с осторожностью, так как это лишь мои родители могут считать нормальной взрослую манеру общения. Для остальных же пятилетний ребёнок, составляющий ветвистые предложения и использующий сложные термины, может показаться кем угодно, но точно не нормальным существом. — Что касается начального уровня магии воды, то я действительно выучил всё, что только мог.

Не стоит говорить о том, что мои умения несколько шире. В частности, благодаря навыку я освоил много интересных заклинаний того же ранга, не попавших в доступные мне учебники или арсенал Глассовера. Например, Мелькающая капля, которую, в основном, использовали в качестве скальпеля для срочных полевых операций. Я же разглядел в этом заклинании эффективное оружие последнего шанса, которым можно воспользоваться в крайнем случае, когда враг уже подошёл на расстояние удара мечом. Обычные маги, неспособные использовать невербальные чары, с таким планом пролетают, как фанера над Парижем, так как заклинание активации Мелькающей капли слишком уж длинное для использования в реальном бою. Но я, будучи «гением», а на деле взрослым в теле ребёнка, мог активировать этот киндер-сюрприз за, примерно, половину секунды. А там уже капля срывается с пальцев, и в теле нападающего прибавляется пара лишних дыр или аккуратных разрезов. Практически все доспехи посредственно защищают шею, так как голове необходима подвижность, а кольчугу или даже тонкий металл капля в моём исполнении должна весьма неплохо резать. Не как масло, но вкладываемой в заклинание маны хватало, чтобы оставить на мною же созданном камне царапину глубиной в три-четыре сантиметра или сквозную дыру в случае, когда в качестве мишени используется куб со сторонами в пятнадцать сантиметров, и «снаряд» входит под прямым углом.

С защитой, к сожалению, всё было на порядок хуже, так как в

этом мире привычные мне руны заменяло какое-то недоразумение, назвавшееся тем же именем. По сути, руны стали уделом артефакторов и только артефакторов, ибо для их эффективного использования требовалось время и ресурсы. Как итог, из-под рук рунных магов выходили всякие светящиеся шары, свитки, оружие, доспехи, бытовые магические приборы… Создать можно было многое, но точно не во время боя. Даже начни я их изучать, автономная защита всё равно выйдет совершенно нежизнеспособной, а это значит — привычная тактика идёт лесом, и я остаюсь с голым задом, но с ружьем в лице атакующей магии. Я могу застрелить такого же папуаса, но и он может проделать со мной то же самое, даже будучи заметно слабее, и это пугает до дрожи в коленях. Мне нужен боевой опыт, но получить его на занятиях с мамой просто нереально. Уж кто-кто, а она всерьез меня избивать гарантированно не будет. Значит, через пару лет, когда я слегка окрепну и проверю действенность [Путь к Идеалу]. Сейчас я даже двигаюсь с трудом, а боевому магу без подвижности дорога одна — в гроб. Если от него вообще останется что-то, что туда можно положить…

— Я проверю твои знания и, если всё обстоит так, как ты говоришь, то мы начнём работать над контролем и подготовкой к переходу на продвинутый уровень. Сосредоточимся на одном элементе, оставив землю на потом.

Отказ всё равно не принимался, так что я просто кивнул. Поочерёдное освоение стихий было нормой для этого мира, а разница в сроках в сравнении с параллельным отсутствовала. А это значит, что возражать смысла нет.

— Итак, начнём мы с водной пули…

Часть II.

За полтора месяца, уделяя «базовой подготовке авантюриста» по три часа в день, я успел продемонстрировать маме весь свой арсенал, получив тонну наставлений по поводу того, что и как можно использовать в разных условиях. Таким образом, я как будто узнал ещё полторы сотни новых чар — до того странными, но эффективными были способы использования совершенно банальных вещей. Навык ни о чём таком не рассказывал, что было очевидно, ибо его предназначение — просто дать знание. А уж об использовании этого знания человеку следовало заботиться самостоятельно. Но если вы подумали, что этим наши тренировки и ограничились, то вы жестоко, очень жестоко ошибаетесь!

В кратчайшие сроки мною был пройден курс юного средневекового пионера, на котором я научился, реально

научился, а не сделал вид, решать так много возникающих у каждого авантюриста проблем, что становилось дурно. Как вести себя в гильдии, выбирая задание? На что обратить внимание? Как прокладывать путь от точки к точке, не имея на руках даже карты? А как разбить лагерь рядом с трактом, чтобы не проснуться от бодрящего ощущения фунта стали в брюхе? Где брать воду в длительном походе? Чем питаться? Каких людей опасаться, а каким — наоборот, доверять?

Разобравшись со всем этим, я понял, насколько ошибочными были мои представления о жизни авантюриста. Рубить монстров днями напролёт? Зачищать подземелья? Ха! Ха! Ха! В реальной жизни большую часть времени отнимала проклятущая бытовуха, а не приключения. Монстры, как и подземелья, водились разве что на окраинах страны, в провинциях, где концентрация авантюристов не столь высока. А было «нашего брата», как оказалось, не очень много. Если обобщить, то получалось что-то около одного авантюриста на тысячу человек. Из-за этого для нашего села пары авантюристов, одного B, а другого — C ранга, было уже много, а в столице людей, к примеру, на постоянной основе находилось всего шесть команд численностью от трёх до пятнадцати членов, плюс эдак под сотню человек проездом. Что естественно, далеко не все маги, воины и просто сильные люди состояли в гильдии авантюристов. Например, иллити почти поголовно являлись отличными магами, но приключенцами становились немногие, да и те почти сразу покидали родные пенаты. Особо почётным считалось поступить на службу к дворянину, занимающему высокое положение, или добиться возможности обучать отпрысков знати. Даже армейских магов, на самом деле, в обществе ценили больше, чем неприкаянных авантюристов, ибо туда шли или зелёные новички, или изгои, которым не было места где-то ещё. Исключения случались и были весьма заметны, но они скорее подтверждали правило, нежели опровергали его.

Наверное, всё вышеперечисленное оправдывало тот двоякий статус, что имели авантюристы. С одной стороны, они были полезными, сильными членами общества, способными решать широкий спектр задач. Но с другой, потолком большей части авантюристов навсегда становился B-ранг, а это — просто уровень хорошего мага или воина, использующего прану. Специфичные знания и подход позволяли авантюристам держаться «на коне» и не терять своих позиций, но в мире не существовало ничего, с чем могли разобраться только они. Многофункциональные наёмники на любой вкус — вот, кем были авантюристы.

И никакой романтики, что б её!

Поменял ли я своё мнение относительно будущей профессии? Определённо, нет. Я не хотел ни прислуживать напыщенным снобам, ни служить в рядах доблестной армии. Да и кто меня туда возьмёт-то, демона-иллити? Это если только на демонический континент переезжать, чего мне не очень-то и хочется. Из-за этого гильдия авантюристов становилась единственным подходящим под мои запросы работодателем, так что план на будущее оставался всё тем же с небольшими исключениями. А именно — я решил получить высшее магическое образование, отучившись в одной из разбросанных по континенту академий. Не сразу, но годам к семнадцати-восемнадцати карьера авантюриста должна принести мне достаточно денег, чтобы я сумел не только оплатить учёбу, — это вообще собирался сделать отец, с которым я всё обсудил в первую очередь, — но и нормально жить в дорогом городе. Дорогом потому, что магические академии не строили где попало, и города, удостоившиеся такой чести, в плане проживания были как бы не дороже столицы. Моя семья считалась обеспеченной, но даже так лучшим, на что я мог рассчитывать в будущем, была комната в общежитии и строго ограниченные расходы. А ведь у меня в ближайшие месяцы ещё и брат или сестра появятся, и их тоже нужно где-то учить…

— Золан, не отставай!

Встрепенувшись, я взглядом отыскал маму в толпе среди торговых лавок. Обычный поход за покупками, но даже его мне пришлось добиваться всеми правдами и неправдами. Меня просто боялись отпускать в город, и всё из-за нехорошей родни, расстроенной моим к ним отношением. Подумаешь — отказался учиться у наставников рода и, пару недель назад, отказался переезжать на его же территорию. Будто мне для полного счастья наблюдателей не хватило, от которых я в первую свою прогулку так и не смог отделаться, и из-за этого же получил запрет на выходы в город без присмотра матери или отца. Столько планов из-за этого накрылось — не передать!

Зато теперь такая прогулка для меня сродни глотку свежего воздуха в жаркий день. Я искренне наслаждался и издаваемым толпой гамом, и не всегда приятными запахами средневековой улицы. Тут хоть помои из окон не выливали, но домашняя скотина, в особенности — ходящие прямо по улицам лошади, благоухала так, что с непривычки и помереть можно. Забавно, но факт — в прошлом мире противные запахи не были такими яркими, будто боги и с этим что-то сделали, пытаясь привести «арену» к подходящему виду. Здесь же я сполна насладился смесью ароматов свежевыпеченной мясной булки, к которой

примешалась вонь отрыжки ужранного в стельку жирного торговца, валяющегося в стороне. Столько пить вредно и для здоровья, и для кошелька, что к моменту моего появления уже доказали местные воришки, обобравшие алкоголика и стянувшие с него даже обувь.

Одним словом, посёлок цвёл и пах, пронизывая всё и всех своей непередаваемой атмосферой города-перекрёстка, стоящего на пересечении сразу трёх торговых трактов. Не торговый город, но нечто близкое в меньшем масштабе — вот, чем был Рокстоун, в котором я родился и в котором жил.

В очередной раз задумавшись, я пришёл в себя лишь в момент, когда мама окончательно скрылась из виду, а догнать я её не смог из-за целой вереницы повозок и всадников, тянущейся у меня перед носом. Когда последний из этого табора освободил проход, светлых волос Клариссы в округе я не обнаружил, даже взобравшись на груду пустых ящиков под забористые маты лавочника, которому этот хлам принадлежал. Не заметила, что я отстал, или подумала, что меня утянуло в другую сторону? Кричать бесполезно, но на такой случай у меня есть предельно понятная инструкция: своими силами добираться до дома. Благо, схему нашего большого села я, не без помощи вечно беспокоящейся зазря мамы, изучил неплохо, и ориентировался здесь как у себя дома. Но просто так уйти домой… Разве это не будет как-то слишком скучно? Но если посмотреть на вопрос с другой стороны, то ослушайся я сейчас — и после мне могут просто не довериться. Сейчас родители относятся ко мне как к ответственному подростку, но всё может поменяться в момент. Достаточно лишь дать повод.

Значит, всё-таки домой. И когда я уже подрасту…?

Но ничто не мешало мне наслаждаться видами по дороге обратно, чем я и занимался. Архитектура, люди, продукты, просто всякая мелочёвка — после продолжительного заточения в четырёх стенах меня интересовало буквально всё, так что к дому я шёл около получаса, прибыв на место с карамелькой на палочке, врученной мне умилившейся продавщицей. Всё-таки неплохо быть мелким и милым, да простят меня боги брутальности и мужественности…

Неожиданно, но я заметил колесо. От телеги. Большое, деревянное, оббитое металлом и несущееся по нашей улице на внушительной скорости. Оно находилось далеко, времени — закачаешься, можно даже вербально применить пару заклинаний и или закрыться каменной стеной, или просто остановить десятикилограммовую деталь. В конце концов, можно было просто отойти в сторону, избежав столкновения. Но так всё

выглядело лишь в моих глазах. Я привык к большим скоростям, и, хоть моё фактическое восприятие не поспевало за разогнанным сознанием, видел я на порядок больше и лучше обычного человека. Незнакомый мне мужчина, за руку ведущий крохотную девочку, не походил ни на мага, ни на воина, и не реагировал даже на испуганные выкрики за своей спиной, издаваемые теми, мимо кого проносилось колесо. Ребёнок так вообще вовсю наслаждался прогулкой, что ему какие-то выкрики? Всего пять секунд отделяло кого-то из этих двоих от травмы или, что куда вероятнее, смерти. Колеса, слетевшего с оси и набравшего такую скорость, сполна хватит на хрупкие человеческие тела…

Возведу каменную или ледяную стену, и колесо отскочит в сторону, рискуя прибить кого-то из прохожих, которых вокруг подозрительно много. Нужно именно его зафиксировать, и заморозить его в полёте я едва ли смогу. Каменная или ледяная тюрьмы тоже отпадают, так как быстро их возвести я не смогу, а медленно в таких обстоятельствах не получится. Действенный вариант нашёлся быстро, но до столкновения оставалось немногим больше трёх секунд.

Первым делом я поднял правую руку и сделал два шага в сторону, дабы набрать нужный угол и, заодно, обезопасить себя на случай неудачи. Второй шаг — вычисление места, в которое нужно направить заклинание. Секунда, и шип, — пришлось извращаться, и именно шип был тем заклинанием, которое мне подходило, — диаметром в пять сантиметров выстрелил из-под моих ног, в последнее мгновение попав в цель и перебив одну из спиц колеса, импульс которого заставил его ещё несколько раз прокрутиться на получившейся оси. Глаза, которыми на меня смотрели мужик и его дочь, надо было видеть. Особенно до того, как они обернулись и поняли, что именно я сделал. А поначалу, стало быть, всё выглядело так, будто я их убить хотел? Ну да, ну да — больше мне заняться нечем, как боевыми заклинаниями в черте поселения разбрасываться…

Всё так же невербально я втянул шип обратно в землю, выровнял вздыбившуюся мостовую и быстро скрылся за дверью своего дома, проигнорировав аплодисменты прохожих. Я им что, клоун? Никогда не любил лишнего внимания и, похоже, зря я именно в доме укрылся, а не попытался запутать следы. Ведь несмотря на то, что сам я оперативно добрался до своей комнаты и стук в дверь игнорировал, отец набравшего скорость меня заметил, и, естественно, пошёл проверять, кого принесла нелёгкая.

Вот, казалось бы, чего стоило тому мужику просто пойти дальше по своим делам? Чего ему от меня надо? Спасибо сказать?

Так я и без спасибо как со спасибо, а какую-то награду мне принять совесть не позволит. Вот если бы я спасал по заказу — тогда да, плата необходима, а это всего лишь жест моей доброй воли. Как там — за свою улётность денег не беру, да?

Раздался стук в дверь.

— Золан, спустись вниз. С тобой хотят поговорить.

Часть III.

Естественно, спасённый хотел поблагодарить меня лично. Естественно, он и свою дочь на это подбил при том, что кто-кто, а вот уж она точно едва ли что-то поняла. Таким образом, я был вынужден стойко принимать благодарность лицом к лицу со спасёнными. Не то, что это было бы для меня в новинку, но я придерживался такого принципа: помогать — только за плату, ибо забесплатно могут и на шею сесть, ножки свесив. Вот только пятилетнему мне пока просто нечего было требовать, и в прошедшей беседе я делал вот вообще всё, чтобы больше никогда не встретиться с этим назойливым мужиком.

Жаль, что мои потуги, скорее всего, тщетны, ибо спасённый оказался коллегой отца. Алхимиком, если говорить прямо. Не мастером, конечно, но тоже вполне себе способным зельеваром, вместе с подмастерьями обеспечивающим проезжающих самыми разными составами…

— Зол, Кристофа я послушал, но хочу услышать и твою версию произошедшего.

— Шёл, упал, очнулся — гипс. — Сурово сказал я, но под пристальным взглядом отца быстро сдался: — Отстал от мамы, решил вернуться домой, но у самой калитки заметил, как по улице летит колесо, а этот Кристофер с дочкой его совершенно не замечают. Было нелегко, но я справился так, чтобы никто не пострадал… — Ну и подробное описание моих гениальных действий, позволивших избежать лишних жертв и нежелательных разрушений. — Вопросы? Замечания? Нет? Тогда я пойду?

— Что-то с тобой сегодня не то, сын. — Волан оперся локтями на стол, обеими руками подперев подбородок. — Переволновался?

— Скорее, всем соседям продемонстрировал свои таланты. — Сколько там человек было? Полсотни? И все увидели мою способность к невербальной магии. А наблюдатели от деда, что б ему икалось, наверняка сделали куда как больше выводов. — В остальном всё в порядке.

— Нет ничего плохого в том, чтобы демонстрировать силу. Даже если тебе всего пять лет.

— Мама запретила мне демонстрировать невербальную и комбинированную магию, а в будущем и физические способности. Я не хочу, чтобы на нашу семью кто-то нацелился.

Отец ухмыльнулся и, помолчав пару секунд, неестественно быстро сгрёб меня в охапку и посадил себе на колени. А за этим последовало то, что Волан Иллити называл воспитанием отпрыска. Иными словами — промывка мозгов на предмет решений, которые по жизни приходится принимать.

— Понимаешь, Зол, в нашем мире всё далеко не так однозначно, как нам хотелось бы. Например, если бы ты испугался тогда, и решил не помогать Кристофу и Ангелине, то кого-то из них просто убило бы. А смерть — это навсегда. Это вечное забвение, исчезновение из мира. Скорее всего, досталось бы девочке, так как в этом возрасте она совершенно беззащитна. И если для неё все закончилось бы быстро, то её отец и мать утонули бы в беспросветном горе. Для них она, их дочь и маленькая радость, исчезла бы, оставив после себя только воспоминания, вызывающие боль в сердцах родителей. Тебе, Зол, ведь не хотелось бы, чтобы исчезла мама или я?

— Не хотелось бы. — Возможно, настоящий ребёнок отреагировал бы более эмоционально, но лишний раз разводить театр одного актёра я не хотел. Кто знает, когда мне понадобится отбросить маску, и не снимут ли её с меня насильно? В моём прошлом мире были люди, способные видеть фальшь в словах и действиях людей, так почему бы им не оказаться и тут тоже? — Я бы очень расстроился.

— Вот. Поэтому никогда не стоит слепо следовать правилам, сынок. Всегда, запомни — всегда думай о том, к чему приведёт твое действие… и бездействие. Все мы люди, все мы ошибаемся. Нет ничего плохого в том, чтобы ошибиться. Главное — сделать вывод, чтобы в будущем не попадаться на те же грабли. А теперь пойдём, покажешь свои тренировки тела. Хоть посмотрю, чему ты уже успел научиться.

— Да!

В последнее время отец действительно задерживался на работе, порою пропадая там сутками. Контроль над моим обучением практически полностью лёг на плечи Глассовера и мамы, и Волан был этому совершеннейшим образом не рад. Он с гордостью говорил, как будет учить меня всему, что знает сам. Говорил и мне, и маме, и своему брату. А сейчас получалось, что из-за работы у него просто нет времени ни на что, кроме сна и таких вот редких часов, которые мы можем провести вместе.

— Притворись, будто меня тут нет, и ты тренируешься как обычно.

С этими словами Волан поднял над моим личным небольшим полигоном, расположенном на заднем дворе, барьер. За него пришлось много заплатить, но так мы были уверены в том, что происходящее надежно сокрыто от чужих взглядов. Собственно, он даже не был заметен со стороны, просто для всех наблюдателей во дворе никого не было. Эдакая цикличная запись, на которую можно залипать часами, так и не поняв, что что-то не так. Единственное — существовало всего около двадцати шаблонов, которые требовалось переключать вручную. Например, безоблачная погода, вечер, осень — это один вид, а дождь в летний полдень уже совсем другой. Собственно, это спасало от случайных взглядов, и при правильной настройке барьера мимокрокодилы даже не заметят подвоха. Ну а постоянные наблюдатели смогут определить несоответствия, но у них не выйдет прорваться сквозь барьер без нарушения сигнализации.

Я стянул с себя рубаху и жилетку, вышел в центр площадки и, мазнув по отцу взглядом, закрыл глаза. Вдох, выдох — и из спины с тихим шелестом показываются крылья. На землю срывается несколько капель крови, но на боль я стараюсь не обращать внимания. Получается плохо, и уголки глаз слегка увлажняются. Слишком уж яркие ощущения от того, как твою кожу изнутри разрывают острые шипы-наконечники. И так ведь будет всегда, буквально до самой смерти, ибо сконцентрировать такой объем маны вне тела решительно невозможно. Потому-то и формируются крылья в моей спине, по мере своего создания вырываясь наружу. Зато выглядит брутально и, чуточку, стрёмно. Встретишь ребёнка вроде меня ночью в переулке, выпустит он крылья — и кондратий гарантирован, сердце встанет как вкопанное…

Ну, хватит посторонних мыслей. Тело уже встало в требуемую стойку, сокращения мышц принялись разгонять кровь, и мой долг — помочь им разогреться.

Больше всего тренировка [Пути к Идеалу] походила на танец. Странный, хищный, быстрый танец, даже в моём исполнении выглядящий внушительно. Я перетекал из одной стойки в другую, выкручивался под нереальными углами… Крылья нисколько не мешали, и даже более того — они органично вплелись в общую картину, закрывая те направления, до которых я не мог дотянуться руками. Первый, и, собственно, единственный комплекс учения [Пути к Идеалу] был целиком направлен на защиту и движение, предполагая активное использование магии и необходимость блокирования атак с любых направлений. Так как проводником силы мага обычно были руки и, изредка, ноги, то и защищаться предстояло, выставляя на пути угрозы формирующую

заклинание конечность. Мой случай был по-своему уникален, так как крылья и ноги как проводники маны совершенно не сочетались. Я или творил магию руками и ногами, или руками и крыльями — третьего не дано. При этом крылья, целиком состоящие из моей воплощенной маны, проводили её вообще безо всякого сопротивления, и я уже сейчас мог, в теории, устроить такой бадабум, что всякие красноглазые маги будут завидовать в сторонке. Правда, сказать, как на почти моментальное излияние всего резерва отреагирует тело, я не мог, а экспериментировать не решался. Стану инвалидом — и что тогда? Навык магии-то знания мне поставляет исправно, но пока он охватывает только начальный уровень. Для того, чтобы углубить свои знания и получить возможность самостоятельно обучаться продвинутым заклинаниям, я должен выполнить определённые условия и достигнуть пятидесятого уровня [Магии]. Сейчас у меня, к слову, тридцать седьмой, а тренируюсь я разве что не с пелёнок. Такими темпами до следующего ранга мне пилить ещё пару лет, и это только продвинутая магия! Стать, простите, всенагибающей имбой к двадцати годам мне точно не светит, ибо к этому возрасту мне очень повезёт, если я доберусь до Экспертного ранга, а о Королевском или Императорском даже мечтать не стоит.

Тем временем я начал выдыхаться. Всего пять минут, а продолжать я уже не могу, и вряд ли сумею активно передвигаться в ближайшие несколько часов. Ноги подкосились, и я повалился на землю, в качестве финального аккорда втянув крылья на место. Так сказать, пережил все неприятные моменты сразу, не откладывая ничего на потом. Отец, прежде не видевший моих тренировок, подбежал ко мне и попытался было поставить меня на ноги, но я качнул головой:

— Всё в порядке. Это такая тренировка — за считанные минуты превращает всё тело в кисель.

— И… так всегда?

— В первый раз я и половины комплекса не сделал, продержавшись тридцать секунд. Полтора месяца — и уже пять минут.

Я говорил чистую правду, и физическому развитию в моей жизни действительно уделялись какие-то жаркие минуты. Но этого, что удивительно, хватало. Я не становился сильнее, но росли мои ловкость и гибкость. Тело изменялось под воздействием странной тренировки, позволяющей мне ничем не жертвовать. Я занимался с Глассовером, практиковал магию, познавал науку авантюриста — и тратил на это очень много времени. Нормальным физическим тренировкам в моей жизни

просто не нашлось бы места, но таким, болезненным и взрывным — вполне себе.

— Не знаю. Нужно время, чтобы появился какой-то результат.

— А… Да, что же это я. — Отец неловко улыбнулся. — Иногда я забываю о том, что тебе всего пять лет. Идти можешь?

— Всё не настолько плохо. — Кое-как поднявшись на ноги, я ободряюще улыбнулся. — Домой? И, кстати, разве мама уже не должна была вернуться?

— И правда. Иди в свою комнату и почитай, а я пока её поищу.

И я отправился к себе, не морально, но физически раздавленный. Обычно я тренируюсь вечером, перед сном, но сейчас до заката оставалось ещё что-то около четырёх часов, судя по положению солнца. А сил и желания чем-то заниматься, между тем, практически не осталось. Значит, что? Буду прокрастинировать, рассматривая потолок и обдумывая всё то, что требует обдумывания! Хороший ведь план, правда?

Но на сердце отчего-то было неспокойно, и я всё чаще ловил себя на том, что я неотрывно смотрю в окно, выходящее на улицу…

Глава 4. Пятый дан по косякам

Часть I.

Солнце скрылось за горизонтом, но ни отец, ни мама домой так и не вернулись. За это время я успел вздремнуть, почитать, прогнать пытающуюся пробраться в окно птицу типа ворон обыкновенный, и, конечно же, перебрать в уме столько вариантов произошедшего, что даже побитому жизнью ветерану, многое повидавшему на своём веку, стало бы дурно. Я предполагал всё, начиная от похищения и заканчивая вторжением в город какого-нибудь дерьма вроде диких демонов-зверей, которые пусть и нечасто, но забредали и в такие далёкие от опасных земель места вроде нашего посёлка. Что могло произойти с алхимиком и недурственным магом — моим отцом, и бывшей авантюристкой, владеющей магией на продвинутом уровне? В поселении, расположенном на пересечении торговых путей, и оттого полном стражи? Я подозревал всех: Иллити, людей, варваров-зверолюдей, работорговцев или просто тех, кто всё-таки прознал обо мне, и решил добыть ценного раба любой ценой. Они могли выйти на Глассовера, выпытать из него всё, что тому известно. Мог проболтаться кто-то из старейшин иллити или тех, кто присутствовал на церемонии. Недоброжелатели у полукровки вроде меня тоже гарантированно должны быть. Да хотя бы те же охранники, какими бы доверенными они ни были, могли банально напиться в баре и сболтнуть лишнего! Пятилетний Генерал, живущий с родителями в ремесленном районе — идеальная мишень, разве не так? По сравнению с моим братишкой, окружённом десятками высокоранговых магов и воинов так уж точно.

Суки! Если они что-то сделали с моей семьей, с единственными людьми, любящими меня просто за то, что я есть, с людьми, за эти годы крепко засевшими в моём сердце… Я не знаю, что я с ними сделаю. Убить их будет мало, а в пытках я ничего не смыслю. Придётся учиться… на примерах.

В руке хрустнула кружка, и кипяток вперемешку с моей кровью стёк на пол. Боль отрезвила сознание, и я, чертыхнувшись, отбросил осколки керамики, временно окружив порезы слоем воды. Зная, где находится аптечка, нетрудно было достать оттуда бинты и туго перевязать не такие уж и глубокие раны. Но сам факт того, что я так себя накрутил, говорил о многом.

И всё-таки, что мне делать? Друзей у родителей здесь нет, а

из родных — только иллити, которые будут только рады исчезновению отца и уж тем более мамы. Вот только покидать хоть как-то защищенный дом, отправляясь туда и рискуя попасть в руки к тем, кто разобрался с отцом? Я, конечно, хорош и дюже талантлив, но сразить даже мага продвинутого уровня смогу лишь за счет эффекта неожиданности. Есть у меня пара подарков для тех, кто слишком много о себе мнит и смотрит на детей свысока. Вот только с какой вероятностью нацелившиеся на талантливого ребёнка-мага, Генерала, способного творить заклинания невербально, его недооценят? Вот именно, что с невысокой.

Значит, единственное, что я могу сейчас сделать — это окопаться в доме, подготовив всё для встречи возможных гостей. Помощь, возможно, и прибудет, но только в том случае, если я достаточно нашумлю и продержусь. Те же наблюдатели от рода должны что-то уметь, верно? Да пусть они даже гонцы-слабосилки, отсюда и до района иллити пешком идти не дольше семи-восьми минут, а бегом это расстояние преодолевается и того быстрее. В худшем случае поднятые по тревоге маги прибудут сюда за пять минут, в течении которых мне нужно будет как-то развлекать потенциальных врагов.

Но это не «Один дома», где для победы хватит утюга и паяльника. У меня нет ни артефактов, ни оружия, а противостоять мне будут не домушники, а маги. Я сам — личинка чародея и авантюриста, могу рассчитывать лишь на эффект неожиданности… и родные стены. Верно. Мама ведь не просто так напитывала весь дом своей маной. Она превращала его в свою крепость. И пусть я не настолько опытен и подходящих заклинаний не знаю, можно взять объемом. Моя мана родственна манне родителей, а это значит, что вытеснить её будет гораздо легче. Зачаток плана есть, осталось добавить деталей — и молиться о том, чтобы эти приготовления стали лишними.

Первым делом я, терпя боль и слабость во всём теле, выпустил крылья, сходу начав через них вливать ману в стены, пол и потолок у входа в дом. Плавно, стараясь не навредить себе, я «окучил» весь коридор и приступил к домашней лаборатории отца, в которой не было нормальных окон и царил вечный полумрак, если не включать артефактные светильники. Их я аккуратно поломал, отрезав от накопителей, так что включить их удастся только после ремонта. Гостиная и прочие комнаты мне не подходили по причине излишней открытости, сейчас играющей против меня, но лаборатория идеально мне подходила, располагаясь в самом конце коридора и защищенная активируемым барьером. Все нужнее команды я знал, так как

отец и не думал их от меня скрывать…

Управиться удалось в рекордные сроки. Всего пятнадцать минут, а коридор и лаборатория уже разве что не светились от наполняющей их моей маны, которой в резерве ещё было столько, что хватило бы и какой-нибудь небольшой дворец захватить, не то, что наш двухэтажный домик в триста жилых квадратов. И я собрался уже переключиться на подготовку второго этажа, как вдруг почувствовал, что на моей территории — посторонние.

И это точно не мать и не отец. Приехали…

Секунда — и я скрываюсь в лаборатории, оставляя ведущую туда дверь настежь распахнутой. На лбу выступила испарина, а пальцы начала бить мелкая дрожь — сказывалось перенапряжение. Вдоль обеих рук закрутились Мелькающие капли, готовые в любой момент разорвать рукава рубахи и лишить моих врагов их жизней, а крылья совершенно по-хищному притаились за спиной. Шипы, венчающие кости, тоже оружие, которым можно было убивать. Пренебрегать хоть чем-то в моей ситуации я не мог, ибо на кону — жизнь, свобода и моё собственное достоинство.

С треском слетела с петель входная дверь, и в дом вошёл один человек. Он прекрасно здесь ориентировался, не делая лишних движений, распахивая закрытые двери и осматривая комнаты. Даже укрытие за шкафом в коридоре, которое мне показывал отец, проверил. Мне же оставалось только терпеть, удерживая сразу два непростых заклинания под контролем, да прислушиваться к ощущениям своей территории, по которой разгуливал готовый к бою чужак. Всем своим естеством я ощущал, что вокруг того вьется его дикая, совершенно незнакомая, пугающая мана. Мои шансы в противостоянии с таким монстром невелики, но я хотя бы сделаю, что смогу.

Шаг, ещё один — и враг входит в лабораторию, в первую очередь устремляя взгляд на активный перегонный куб, в который я залил воду и напитал маной именно для того, чтобы он свечением и шумом привлекал внимание любого входящего в помещение человека.

Пора.

Не особо церемонясь, я вынырнул из-за двери и выбросил вперёд обе руки, одной бросив в лицо вошедшей в комнату блондинки колбу с огнеопасным составом, а второй — направив обе капли к её горлу и глазам. Сразу после этого я крыльями зацепился за дверные косяки, подняв в воздух взвесь мелких частиц песка и буквально выбросив себя в коридор. Мысленная команда, подкреплённая всплеском маны — и комната изолируется барьером, ибо блондинку я ни убить, ни ранить не

смог. Обе капли она просто растворила каким-то заклинанием, а веры в то, что бомбы для неё хватило, у меня не было. Теперь — бежать, как никогда раньше. Или всё-таки лететь? Так я привлеку внимание и раскрою себя, но сейчас это даже в плюс. Мне не сейчас не до жиру, быть бы живу…

В момент, когда я уже вылетал на улицу, перебирая ногами и помогая себе крыльями, барьер лаборатории схлопнулся, выпустив на свободу эту разъяренную фурию, за какие-то доли секунды преодолевшую половину разделявшего нас расстояния. Защита лаборатории задержала её всего на две секунды, хоть и была рассчитана на детонацию взрывчатки, которой и для крепостной стены бы хватило с лихвой. Ситуация — полная, беспросветная задница, из которой, кажется, и выходов-то нет. Что ещё предпринять? Задержать магией и попытаться улететь? Собьют, как пить дать, собьют… Но если держаться ближе к крышам, то что-то может выгореть.

— Стена! Стена! Стена! Стена!

Разогнавшись единожды, я не расслаблялся до сего момента, с головой бросившись в омут и начав выращивать каменные стены и вербальным, и невербальным методом. Когда число наслоившихся друг на друга стен превысило все разумные и неразумные пределы, я оттолкнулся от земли и отчаянно замахал крыльями, взлетев в воздух. В качестве финального штриха я создал центнер воды и тут же обратил его в пар, моментально распространившийся по округе. А ведь мог и в доме так же сделать, а ориентироваться по ощущениям.

Все мы сильны задним умом…

Десять метров, двадцать, тридцать — всё, на таком расстоянии меня достать будет непросто, ибо ни демоны, ни люди обычно летать неспособны. Есть какие-то проблемы с магией воздуха, из-за которых самолевитация фактически невозможна, так что мои крылья в своём роде уникальны.

Курс же я взял на район иллити. Выбора у меня более не оставалось.

Часть II.

Падая перед тем самым складом для церемоний и видя тянущийся по небу след серого, непроглядного марева, я был доволен собой. Если кто-то что-то и увидел с земли, то только неясный, исходящий паром силуэт, который вряд ли свяжут со мной. Идея пришла ко мне в момент, когда я, едва вылетев из первого облака пара, пролетел над дымящей трубой. Довольно тёмным осенним вечером меня и так было трудно заметить, а в

пару задача переходила в разряд невозможных, чем я и воспользовался, к этому моменту практически иссушив свой резерв маны.

Как оказалось, заклинания, формируемые невербально и через крылья, пожирают раз так в десять больше маны, чем обычно. «Бонусом» шло ещё и поддержание полёта, умения, которое я приобрел вместе с благословлением Генерала. Летал-то я на голых инстинктах, но мана утекала как вода из сита. Полторы минуты в небе и под два десятка паровых облаков превратили меня в разумный овощ, который сейчас отпаивал один из подоспевших ко мне иллити-стражей. Если подумать, то выглядеть я должен паршиво. Физическое истощение, порезы на руке, ожоги от пара, который я в первый раз создал прямо рядом с собой, особо не подумав о том, что у меня вышла паровая бомба. Паниковал, чего уж тут. А под конец полёта ещё и навернулся с нескольких метров, невольно развеяв крылья и чуть-чуть не дотянув до поверхности. И это после того, как я отверг все предложения рода, посчитав себя самостоятельным. Хоть книгу пиши — «Как растоптать своё достоинство. Руководство от идиота для чайников».

— Держись в сознании. Что произошло?

Вычленив взглядом размытое, шевелящееся пятно, я пришёл к выводу о том, что это таки голова моего спасителя, напоившего меня укрепляющим зельем. По вкусу точь-в-точь как те, что выходят из-под рук отца.

— Родители пропали. Потом… в дом ворвалась женщина, маг. Убить не смог, сбежал. Полностью истощён.

Говорить получалось лишь односложными, простыми предложениями, но я был рад и тому, что я всё ещё нахожусь в сознании. Теперь иллити хотя бы знают о том, что именно произошло, а значит — шансы на то, что родителям помогут, стали чуточку выше. Не могут же мои родичи быть такими сволочами, верно? Не бросят же они сына главы рода и его жену в беде…?

— Ты молодец, Генерал. Спи, мы со всем разберёмся.

Я хотел было вякнуть хоть что-то, но сделать мне этого не дало накатившее чувство вселенской усталости, моментально погрузившей меня в сон. Как тумблером щёлкнули, ей-богу…

В то же время иллити, первым заметивший приближающееся облако и поймавший выпавшего оттуда родича-Генерала, подхватил ребёнка на руки и практически бегом направился к посту, на котором остались его напарники. Ничего, похожего на лазарет, во владениях рода не было, но на посту охраны хотя бы

имелась полноценная аптечка. Одного лишь общеукрепляющего зелья, пусть и концентрата, было явно недостаточно.

— Кто бы ни сделал этого с тобой, малец, живым он далеко не уйдёт…

Я плыл посреди бесконечного океана жидкой тьмы, будучи не в силах даже пошевелиться. Вдалеке где тускло, а где и ярко сияли звёзды, пролетали кометы, вращались планеты и бесшумно летел космический мусор. Я мог обратить свой взор на что угодно, и что угодно же раскрывалось передо мной во всей своей красе. Одного взгляда хватало, чтобы узнать об интересующем меня объекте всё, что только мог осознать человек… Это состояние не продлилось долго, ибо в какой-то момент я почувствовал, как бескрайняя бездна меня выталкивает, а после я не проснулся, но вынырнул на поверхность, сразу наткнувшись на берег.

С трудом, но мне удалось выкарабкаться из «воды» на чёрно-белый, вперемешку, песок, устлавший землю от горизонта до горизонта. Позади меня плескался океан космической тьмы, а впереди простиралась безжизненная, мёртвая пустыня ничего. Эта неестественная пустота и безжизненность пугали меня, и спустя несколько минут ожидания неведомо чего я сделал шаг вперёд, невольно чего-то пожелав. Я и сам не понял, чего захотел, но в одно мгновение песок почернел и обратился почвой, а после покрылся густой зелёной травой. Выросли деревья, появились камни и цветы, запели птицы, а чёрное небо обрело привычный голубой оттенок. Даже облака, словно повинуясь воле какого-то сбрендившего мага, в спешке разбрелись по своим местам, приняв самые разные формы.

Находиться здесь стало приятнее, но чувство неестественной пустоты никуда не ушло. Я словно развесил гирлянды на пепелище, посыпал обгоревшие трупы блёстками и лицемерно делал вид, что всё в порядке. Странное чувство, которого я никогда прежде не испытывал.

— Всевышний, твоих рук дело? — Тишина. Нет ответа, нет знаков. Ничего. Это правда не он? — Если ты думаешь, что я забуду о твоих приколах, то ты сильно ошибаешься!

Опять ничего, только кролик по полянке пробежал, лапкой подёргал и скрылся в неизвестном направлении, оставив меня залипать на странной расцветки бабочку, перелетающую с цветка на цветок. Уж не помер ли я? Это, конечно, вряд ли, но у каждого мира свои правила о посмертии. Может, это место — отстойник навроде чистилища? Осмотреться бы, да толку от того — пшик. Кроме этого леса… Который, кстати, пропал вместе с небом,

стоило только мне захотеть… Тут не было ничего, кроме океана и пустыни. Хоть иди, хоть беги, даже летать могу, но понимание того, что тут нигде и ничего нет, никак не отпускает. Эдакая песочница, где я полноправный хозяин. И, в принципе, единственное живое существо. Не хотел бы я остаться здесь вечность коротать, но вариантов пока не видно. Или…

От груди по телу распространилась волна тепла, и мир вокруг поплыл, начал размываться, принимая дюже странные очертания. Именно в этот момент я услышал шёпот…

И проснулся.

— Приснится же… — Произнёс вроде бы чётко, но пересохшие язык и горло выдали только какое-то невнятное бормотание. Секунда — и губ коснулся сосуд с, ни с чем не перепутаю, травяным настоем, которым меня отпаивали во время первой и единственной моей простуды. Горькая, противная дрянь, вынуждающая пациента выздоравливать просто ради того, чтобы никогда больше её не то, что не пить, а не нюхать и не видеть. — Кхм. Спасибо…

Как-то резко пришло осознание того, что я не узнаю очертаний комнаты, в которой нахожусь, а следом я вспомнил всё, предшествующее отрубу и страшно-реалистичному приходу. Чем меня тут накачали, что я поймал такие реалистичные глюки?

— Где я? Что с мамой и отцом?

— Вы в безопасности, юный господин. Прошу, подождите, и господин ответит на все ваши вопросы. Я его позову.

Совершенно мне незнакомая старушка почтительно поклонилась и вышла из комнаты, оставив меня наедине с куда как более молодой девушкой, хранившей молчание и буравившей меня взглядом. Я решил тоже помолчать, отдав предпочтение оценке своего состояния, которое было куда как более удовлетворительным, нежели перед моим отрубом. Во-первых, порезанная и обожжённая рука практически не болела. Так, новая кожа слегка тянула, но не более. Вдобавок все неприятные ощущения от физического и мана-истощения пропали, словно их и не было. В целом, я был здоров, как бык, но даже магу-целителю в случае с ребёнком не добиться такого результата за день или два. Слишком мало резервов организма, перекошенного в сторону духовной энергии. Раны на мне должны зарастать долго, так что провалялся я, наверняка, прилично.

Но вот единственная ведущая в занимаемую мною комнату дверь распахнулась, и в комнату вошёл человек, которого мне подробно описывал отец. Действующий глава рода иллити и, по совместительству, мой дед. Высокий, статный мужчина, которому нельзя было дать и сорока. Чёрные, зачёсанные назад волосы, на

затылке собранные в хвост; чёткие скулы, вечно хмурые, стальные серые глаза, тонкая линия губ и по-аристократичному ровный нос. Одежды практически не отличались от таковых у ушедшей старушки или сидящей в стороне девушки, разве что фасон был мужской, но ткани оставались теми же. Украшений и прочих свидетельств власти так же видно не было, но пара необычной формы мечей на правом боку как-бы намекали на неординарность своего хозяина. Генерал, как я. Опытный, могущественный правитель, провёдший род через человеко-демоническую войну и выбивший для иллити право жить на этих землях. Маг уровня Императора, безо всякой праны представляющий в ближнем бою серьезную опасность. Вот, кем был Зар`та Иллити.

— Мне передали, что ты очнулся. Как себя чувствуешь?

— По ощущениям, я полностью здоров, господин Зар`та.

Деду подобное обращение не понравилось, но он сдержал свой взрывной темперамент, плавно опустившись на размещенный рядом с моей кроватью стул. Одновременно с тем витающая вокруг него подавляющая аура слегка ослабла, а я, совершенно неожиданно для самого себя, сумел разглядеть в Зар`та те его черты, которые им тщательно скрывались. Дед предстал передо мной сейчас волевым, но уставшим, перенервничавшим человеком, искренне за меня волновавшемся.

— Сто четырнадцать умножить на семь.

— Семьсот девяноста восемь. — Ответил я практически моментально, чем заслужил одобрительный кивок. — К чему это?

— Лучший способ проверить, в норме ли ты. Да и мне было интересно, так ли ты смышлён, как рассказывал Амстер со слов твоего отца. Амстер — это мой второй сын.

Добавил, видимо, для того, чтобы я не чувствовал себя неуютно из-за своей неосведомлённости.

— Я знаю. Отец мне многое рассказывал. Об иллити, о ваших порядках, о его семье…

— О наших порядках, внук, и о нашей семье. Пусть я когда-то и изгнал твоего отца, но и он, и ты остаётесь моими потомками, сыном и внуком. Вы отказались от рода, но род от вас — нет.

— Разве изгнание не приравнивается к этому? И… что с моими родителями?

— С этими олухами всё в полном порядке, но увидеться с ними ты не сможешь ещё по меньшей мере два месяца. Молчи, дай договорить. — Моя попытка возмутиться услышанному была жёстко подавлена самым обычным предложением, сказанном самым обычным тоном. Но почему-то моя животная часть восприняла их как приказ, ослушаться которого смерти подобно. — Думаю, тебе интересно, что случилось в тот день. Как

тот, кто выслушал всех, выступивших в этом театре абсурда, я расскажу всё с самого начала…

Сначала было слово, и… Нет, это не совсем то «самое начало», о котором мне поведал дед. В его рассказе началось всё с мамы, а именно — с того, что она потеряла меня на рынке и собралась было возвращаться домой, как неожиданно наткнулась на своих давних товарищей-авантюристов, оказавшихся в Рокстоуне и как раз идущих к нам домой. Встреча отвлекла её на какое-то время, после чего она спохватилась и попыталась покинуть товарищей, но некто Гер, обладающий способностью вызывать и управлять зверьми, предложил проверить, всё ли со мной в порядке при помощи одного из своих питомцев. Ворон, которому я так и не открыл окна, удостоверился в том, что я дома и занят своими делами, — на тот момент я пытался забыться в чтении, — и отрапортовал о том хозяину, санкционировав тем самым грандиозную попойку по случаю встречи старых друзей. К тому моменту туда и отец подтянулся, с радостью приняв такое предложение. Правильно — Золан ведь такой смышлёный, и волноваться точно не будет…

Ага, трижды. По истечении неведомо какого по счёту часа я наверняка уже был на взводе, напридумывал себе чёрт пойми чего — и принялся превращать родной дом в цитадель имени великого себя, вытесняя ману мамы и заменяя её своей. Естественно, мама это ощутила. Естественно, испугалась и подняла панику. Не слишком естественно, но в качестве авангарда выступила зверолюдка по имени Вастиш, являющаяся магом А-ранга и матёрым авантюристом. Превосходная физическая форма и специфическая магия позволили этой женщине первой достигнуть нашего дома, где она и угодила в ловушку, растерялась — и упустила меня, побоявшись ранить ребёнка, который с этим делом и сам неплохо справился, обзаведшись всеми видами истощения, ранами и ожогами. В своё оправдание я сказал деду, что пытался защититься ото что-то сделавшего с моими родителями врага, и в ход пошли все доступные средства. Тот по достоинству оценил перечисленные мною средства, похвалив за широкие познания в алхимии, — а выбрать среди сотен склянок именно ту, что может сдетонировать при неосторожном обращении, дилетант точно не смог бы, — посоветовав в будущем учитывать и вполне реальную с моими запасами маны возможность закопаться глубоко под землю, где обнаружить человека, не зная, где искать, просто нереально. Но несмотря на ободряющие слова, под конец разбора полётов я был совершенно разбит. Это надо же — перепугал всех, кого мог, чуть не ранил подругу мамы, разрушил улицу перед домом… и пересёк черту,

из-за которой можно и не вернуться.

Что такое благословление иллити? Для рядового члена рода, это дар ото всех предков разом, в который каждый из семнадцати вкладывает некое количество своей силы. «Вес» благословления выражается в количестве татуировок, а кто именно вложил бОльшую часть сил можно понять по остальным свойствам, будь то внушительный резерв маны, увеличение физических способностей, перекос тела в сторону духовной или телесной энергии и прочая, прочая. Например, Судья одаривал приглянувшихся ему иллити глазами, что видели подлинную суть вещей, а сила Архитектора позволяла с лёгкостью творить действительно масштабные заклинания наивысших рангов. Благословления каждого из семнадцати предков были по-настоящему уникальны, а их смешения были крайне редким явлением, из-за чего только обладатель такого коктейля мог в них разобраться.

К чему я веду? Да к тому, что помимо Генерала во мне успел отметиться кто-то ещё. И под «отметиться» дед подразумевал не какую-то жалкую крупицу силы, а вливание, практически равное таковому от Генерала. Именно из-за этого я не мог одновременно использовать для формирования заклинаний и руки с ногами, и крылья, а мои ныне фиксированные запасы маны вполовину уступали таковым у деда. Генерал во мне раскрылся где-то на шестьдесят процентов, а ещё сорок занял другой предок, на время запечатавший свой дар для того, чтобы я не перегорел. Но если речь идёт обо мне, то можно гарантировать, что всё будет развиваться по наихудшему сценарию, читай — через жопу.

Своими неразумными действиями я совершил невозможное, сломив печать на второй половине благословления… и тем самым разделив свою душу на две неравные части, одна из которых, грубо говоря, принадлежала Генералу, а другая кому-то ещё. Это, конечно, был не раскол, которого я и врагу бы не пожелал, но тоже ничего приятного. Подозреваю, что пойманный ранее приход являлся следствием этого разделения, но точно пока сказать нельзя. Требовалось время и на то, чтобы я полностью восстановился, наведя мосты между обеими частями души, и на то, чтобы можно было разобраться с новыми способностями.

— К сожалению, в роду крайне редко появляются иллити, благословленные одновременно не одним и не множеством, а двумя предками. Из-за этого мне сложно сказать, чего тебе стоит ожидать.

— Но способ выяснить это есть?

— Есть. Вот только каждый случай слияния сил предков

уникален, наша история не помнит повторений. Известно только, что неспособный совладать с обеими частями своей силы иллити… преждевременно гибнет.

— И… сколько у меня времени?

— От нескольких дней до десятков лет. — Ну да, случай-то уникальный, етить его за ногу. Ну ничего, работа с тонкими материями почти моя специальность, ведь я двести лет впахивал главным жрецом Всевышнего. На уровне принеси-подай-убей-и-закопай, конечно, но хоть какой-то опыт явно лучше его полного отсутствия. — Ты сам не чувствуешь в себе никаких изменений?

— Отсутствие боли в моём случае — уже изменение. Спасибо, дедушка.

— Рано благодарить, внук. — Так сразу и не скажешь, но Зар`та буквально светился от счастья, стараясь всеми способами это скрыть. — На основе рассказов твоих родителей у меня есть предположения по поводу второго из семнадцати, одарившего тебя, но их ещё нужно проверить. Чем раньше — тем лучше.

— Я готов. — Разворачиваюсь, стягивая ноги с кровати, и понимаю, что для начала было бы неплохо одеться. Или завернуться в простыню на манер римской тоги? — Мне бы одежду…

— Файя, помоги Золану с вещами и проводи его к закрытому полигону. И, внук, Файя с этого момента — твоя личная служанка. Привыкай.

Дед весьма резво для своих ста семидесяти лет встал со стула и скрылся за дверью, оставив меня наедине с, по-видимому, служанкой. Впрочем, плевать на её статус, одеваться я точно буду сам и в гордом одиночестве. Не хватало ещё голым задом светить перед девушкой, которая, будь я чуть-чуть, лет так на десять, постарше, за счёт одних лишь внешних данных могла бы попасть в мою зону интересов.

— Я буду благодарен вам, если вы просто выдадите мне одежду и позволите одеться в одиночестве. — Девушка на пару секунд зависла, нахмурилась, но после кивнула, вручив мне аккуратный свёрток, всё это время лежавший у неё на коленях. И только после того, как Файя покинула комнату, я приступил к инспекции выданных вещей, среди которых не обнаружилось ничего из того, что я ненавидел всем сердцем. А именно — проклятых фраков, дьявольских галстуков и изобретённых шайтаном брюк. Зато в свёртке нашлось нижнее бельё, приличные штаны из плотной ткани с парой карманов и петлями в районе ремня, предназначенными для крепления разнообразной мелочёвки, свободная рубаха без карманов, плотная жилетка без рукавов, а так же нечто навроде мантии отца. Практически то же

самое, что я привык носить, но мантия была не алхимической, а универсальной. Её можно было скомпоновать так, что она оставляла открытой весь перед, но закрывала спину и тянулась аж до ступней, каким-то образом не мешая ногам. Похоже на ненавистный фрак, но удобнее и не столь чопорно. Плюс всегда можно трансформировать её в одеяния какого-то культиста, оставив открытым одну лишь голову, и защитив тем самым всё тело. Ткань-то непростая, явно получше той, что в своих лабораториях регулярно жгут алхимики.

Но деду спасибо за то, что не заставил носить принятые в роду одежды. Их женский вариант ещё вполне себе ничего, всё нужное подчеркивает, а недостатки скрывает, но мужской способен довести до инфаркта любого человека с чувством стиля. Мешковатое убожество, может, и было дюже удобно в быту, но явно не подразумевало выходов в свет. Я бы, честно говоря, даже на улицу в таком выйти постеснялся бы — слишком уж уродливо.

— Файя, я готов… — Передо мной предстала крайне пикантная ситуация, позволившая оценить изящные черты ножек Файи. И я был бы вполне доволен, не задирай её платье какой-то индивидуум явно против воли самой девушки. — Мужик, у тебя яйца, часом, не лишние?

— Чего?

— Я говорю: тебе ходить удобно? А то я могу поспособствовать облегчению твоей ноши…

Вот оно, то самое выражение на лице! Непонимание, перешедшее в осознание, а следом — в гнев! Парень отстал от Файи, сделал шаг в мою сторону и начал заносить руку. Ну, выгляжу я как ребёнок без подтверждающих принадлежность к иллити одежд, читай — чужак, но даже детей чужаков бить нельзя. Могут и сожрать-с.

Позади послышался звук рвущейся ткани — это показались мои крылья, при виде которых в глазах насильника зародилась паника. В то же время, с самого начала этой сцены растущая боль в глазах перевалила за все разумные пределы, и я…

Увидел.

Как Бенефит Иллити, подающий надежды маг продвинутого ранга, зажимал в нелюдимых уголках служанок одного с ним рода, пользовался авторитетом своей семьи и делал с ними всё, что желал. Как ночами он выходил в город и похищал человеческих девушек и женщин, а после — насиловал и жестоко их убивал, упиваясь чужими страданиями. Как избивал и унижал тех, кого считал слабее себя и ниже по положению. Как наслаждался вседозволенностью, благодаря за это предков, что взирали на него с осуждением и ненавистью. Сила развратила

Бенефита, и он не оправдал надежд семнадцати.

— Приговор вынесен. Бенефит Иллити приговаривается к смерти.

Слова, против моей воли сорвавшиеся с моих уст, вывели насильника из оцепенения, и он отчаянно, сделав пару шагов назад и уткнувшись в стену спиной, начал произнесение укороченного заклинания стихии огня. Я, только сейчас целиком осознав происходящее, метнулся в сторону, каким-то образом едва не проломив собой стену, сложенную из добротного камня. Струя жидкого пламени с воем пролетела над местом, где я совсем недавно стоял, и ударила в стену, моментально оплавив камень и спалив какой-то невезучий гобелен. Второй залп я заблокировал, выбросив навстречу поток льда, щедро приправленного маной, а третий Бенефит просто не успел завершить. Я, воспользовавшись порядком возросшими силой, скоростью и крепостью, просто впечатался в него на манер снаряда, вдавив его тщедушную тушку в многострадальную, покрытую инеем стену. И я хотел уже на этом закончить, но чужая Воля набатом зазвенела в голове, требуя умертвить отступника самым жестоким образом.

Сформировав в руке ледяной меч, я замахнулся и, подпрыгнув, опустил его на правую руку мага. Во все стороны брызнули осколки льда — оружие разбилось, не выдержав столкновения. Но своей цели я достиг, и рука осуждённого упала на каменный пол. Следом за ней последовала вторая, а закончить пытку Воля посоветовала отсечением головы.

— П-пожалуйста, нет…

— Приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

Будучи полностью сконцентрированным на цели и занося руку с зажатым в ней мечом, я не заметил появления в коридоре нового действующего лица — деда, без лишних слов попытавшегося меня остановить. Ледяной меч преломился у самой рукояти, а меня самого отбросило к стене, где надёжно зафиксировало стальными оковами, преобразованными из всё того же камня. Казалось бы — это конец, но стоило мне только пересечься с Зар`та взглядами, как тот побледнел, а по сдерживающему меня металлу прошли трещины. Я лишь слегка дернулся вперёд, а металл уже рассыпался по полу.

— Глава, что вы…?!

— Замолчи, ублюдок. — Хлынувшая от деда волна презрения с ног до головы окатила истекающего кровью Бенефита, готового с секунды на секунду отдать богу душу безо всякой помощи с моей стороны. — Золан, делай, что должно.

И снова в правой руке зажат ледяной клинок, и снова я

отталкиваюсь от земли, компенсируя прыжком разницу в росте. Взмах — и голова осуждённого слетела с его плеч, а я испытал необычайное удовлетворение. Чувство хорошо сделанной работы, помноженное на устремившуюся в тело силу могло помутить рассудок ребёнка, но я справился, быстро взяв себя в руки и отыскав глазами сначала Файю, которая, к счастью, не пострадала во время нашей скоротечной битвы, а после и деда, на лице которого застыло совершенно нечитаемое выражение.

Я убил человека. Убил не за то, что он прикоснулся к моей прислуге, а потому, что меня опять накрыло, показав то ли прошлое, то ли вымысел. И лучше бы это было первое, ибо в противном случае у меня наклёвываются недурственные такие проблемы. Шиза, подкреплённая моими способностями, это потенциальная угроза всему миру, ибо я и сам пока не знаю, на что способен слетевший с катушек Генерал.

Не знаю, что отразилось на моём лице, но вынырнувший из омута своих мыслей дед быстро подошёл ко мне и подхватил на руки, принявшись вроде как успокаивающе гладить по волосам, приговаривая что-то, что должно было привести убившего человека ребёнка в норму. Но есть ли вообще слова, способные на такое? Я-то, понятно, не ребёнок, и психологическую травму в принципе заработать не могу, но на что рассчитывает Зар`та…?

Но чует мой зад, что это всё неспроста. Словно я опять стал чьей-то пешкой, но в этот раз покровительствует мне кто-то послабее бога, ибо Всевышний посторонних своего уровня ко мне просто не пустил бы. Да и условились мы, что мир — без богов, а обещаний мой работодатель никогда не нарушал. Так какого тогда чёрта мною рулила непонятная Воля, которой я просто не мог сопротивляться…?

Часть III.

Как оказалось, увиденного для деда оказалось достаточно, чтобы вынести свой вердикт. Я, Золан Иллити, Генерал… и Палач. Одно из самых неоднозначных благословлений, которое, с одной стороны, превращает меня в ещё более опасную машину для убийств, позволяя каким-то образом направлять ману на усиление своего тела безо всяких заклинаний-посредников, а с другой — обременяет глазами, при активации вытягивающими на поверхность самые страшные грехи того, на кого я смотрю. Цена этой силы — часть моей памяти, пропадающая в никуда с каждым вынесенным приговором. Это могло быть как что-то совершенно незначительное, вроде встречи с торговцем на рынке, так и нечто действительно важное. В моих силах было активировать их когда

и сколько угодно, но раз в год казнь должна проходить в обязательном порядке. Если я сам не найду, кого осудить, то глаза активируются самопроизвольно, прямо как сейчас, и тогда у меня не будет выбора. Я буду обязан лишить жизни того, кого благословление Палача выбрало в качестве цели.

Страшная дрянь, это благословление. Даёт всего ничего, — невербальное усиление я и сам бы когда-нибудь освоил, — а требует… Что, если я постепенно забуду, кто я есть? Утрачу воспоминания о том злополучном грузовике и о семье, что осталось в прошлом длиною в двести лет? Благословление единственного из семнадцати, требующее платы — и, конечно, оно выпало именно мне, и я уже даже разменял часть своей памяти на раскрытие грехов того сукина сына. Что я забыл? Что-то важное или незначительное? Что, если у меня был брат или сестра, память о которых бесследно исчезла в этот злополучный день? Или любимый человек, которого я никогда больше не вспомню? Какое-то важное событие в жизни, сформировавшее мой характер?

Я не знал, и никогда уже не смогу узнать. Благословление остаётся с иллити до конца его жизни, что бы он ни делал. Даже легендарные предатели рода не лишались своих сил, так что творить безумства было бесполезно. Генерал-Палач — это навсегда.

— Золан, бросай витать в облаках. — К моменту, когда мы добрались-таки до полигона, дед уже определил свою поведенческую линию. Он решил сделать вид, что всё в полном порядке, и вытеснить неприятное воспоминание новыми впечатлениями. Похвалой, тренировками, знакомствами — для того он и притащил сюда моего двоюродного брата, за которым увязался Амстер. Не то, чтобы я не желал пообщаться с братом отца, единственным, кто поддерживал общение с ним, но сейчас у меня не было настроения для задушевных бесед. Чего уж там, я и отца бы послал, реши он залезть ко мне в душу. А ведь его я всецело уважаю и доверяю ему, в отличии от пока практически посторонних людей. — Как у тебя обстоят дела с огненной стихией?

— Базовый начальный уровень. Я делаю упор на воду и землю.

— И что тебя на это сподвигло? Расскажи, как ты выбирал себе элемент.

Дед сел прямо на песок полигона, приглашающее кивнув на место напротив. К моменту, когда я его занял, Гериан с Амстером уселись по правую и левую руку от деда соответственно. Таким образом, получилось что-то вроде квадрата, в котором все

одновременно видели всех. Только я всё равно решительно не понимал, каким боком дядя и брат относятся к моим тренировкам…

— Я хочу стать авантюристом, и элемент я выбирал исходя из этого желания. Огонь не универсален, он только уничтожает, но не защищает и никак не раскрывается в тактическом плане. Воздух нетребователен к мане, так как он есть везде и его не нужно материализовывать, но он слишком капризен и плохо откликается на мои команды. По этим причинам я ограничил изучение магии огня и воздуха базовыми приёмами. Земля и её производные так же, как и воздух, встречаются повсюду, и они изначально были очень послушны моей воле, а спектр применения этого элемента не ограничивается одними только сражениями. Польза от земли в быту авантюриста неоспорима, что позволило ей встать на второе место после воды, которая, как и земля, прекрасно мне подчиняется. О её универсальности и эффективности и говорить не стоит, а возможность изменения агрегатного состояния и влияния на погоду я считаю неоценимым преимуществом.

— Почему, в таком случае, ты не полностью забросил изучение огня и воздуха?

Хм, кажется, я показал себя достаточно умным, чтобы мне не задавали настолько глупые вопросы. Но ответить нетрудно, тем более, что мне интересно посмотреть, чего дед хочет добиться.

— Ну, например, без воздуха и огня ни о каком эффективном контроле погоды не идёт и речи. Мой учитель, Глассовер, доступно объяснил мне базовые принципы, позволяющие создавать облака и тучи, а так же управлять их передвижением с минимальными затратами маны. — Видя сомнения на лице Гериана, честно пытающегося вникнуть в мою речь, я решился на дополнительные пояснения: — Заклинания позволяют и безо всяких лишних знаний вызывать грозу или наоборот, рассеивать её, но это грубые, и оттого чрезмерно затратные методы. Тогда я ещё не знал о том, что я иллити, считал себя человеком и предполагал, что мой резерв ещё долго будет расти до достаточного уровня.

— И какой уровень ты посчитал достаточным?

— Бесконечный. — Брови деда приподнялись в удивлении. — Это глупый вопрос, дедушка. Маны никогда не будет достаточно, но можно достичь уровня, при котором её объема будет хватать для решения повседневных задач. Среди авантюристов принято считать, что хороший объем маны это тот, что позволяет создать одно заклинание королевского уровня или десяток — экспертного.

— С какого возраста ты начал читать, Золан?

Вопрос последовал от Амстера, которого мои слова и познания порядком удивили. Сравнивает со своим сыном? Что ж, тогда он быстро поймёт, что я — несравненный, великий и, как положено добросовестному попаданцу, скромный!

— С двух лет.

— Кхм. Волан говорил об этом, но я считал, что он преувеличивает. — Дед прикоснулся к металлической пластине, болтающейся у него на груди, и ему в руки упала какая-то книга. — Прочитай несколько страниц, а после перескажи содержимое. Да, я хочу оценить твою память и скорость чтения, чтобы грамотно составить программу обучения.

— Я планировал обучаться дома…

— Брось это, внук. — Жёстко отрезал дед. Впрочем, продолжил он уже куда как более мягко. — Мы… помирились с твоим отцом. И приняли его обратно.

— А маму?

— И твою мать тоже, на правах полноценного члена рода. Я был вынужден на это пойти, так как эти разгильдяи просто угробили бы тебя во время очередной своей попойки.

Ну да. Насколько я себя помню, ни одна студенческая тусовка моей молодости не заканчивалась такими разрушениями, которые я устроил из-за банального недоразумения. Но это, определённо, не значит, что Волан и Кларисса безответственные! Просто я сам приучил их к тому, что умом я на несколько лет старше, вот они и доверились моему благоразумию.

— Тогда… я согласен, дедушка.

— Я рад. — И совершенно искренняя улыбка. Всё-таки я слишком жесток был в своих суждениях касательно иллити. Они вполне нормальные, если опустить некоторые моменты. — Читай.

И я прочитал. С десяток страниц внушительных размеров, заполненных мелким шрифтом. За полторы минуты. А после пересказал содержимое практически слово в слово. Как и в случае с родителями, я сразу заявил о своей гениальности, дабы избежать проблем и лишних вопросов в будущем. Ну, гений — так и братишка мой не дурак, раз уж добился таких успехов в магии огня. А он, я уверен, не единственный способный ребёнок в роду. В конце концов, это мир меча и магии, а тут дети или быстро взрослеют, или не доживают до совершеннолетия.

Единственным, кто выказал своё удивление, оказался Гериан, не повершивший в то, что кто-то в нашем возрасте обладает такой памятью, но его быстро упокоил Амстер, разумно не став сравнивать его со мной. Конечно, пацан сам может назначить меня своим соперником, так как в роду не так уж и много

одногодок, равных ему по положению, — мы оба — внуки главы, — и, приблизительно, по силе. Приблизительно потому, что если я еду на рояле и роялем погоняю, то в случае с Гериано всё не так однозначно. Мне нужно с ним получше познакомиться и провести побольше времени, чтобы оценить его потенциал в изучении магии.

Но то, что род иллити из своих магов в первую очередь готовит боевиков — факт. Для того, чтобы сказать об этом, достаточно было просто понаблюдать за дедом, отцом и дядей.

— Золан, как так?!

— Много практики, братишка. — Как-то само собой так вышло, что я горделиво задрал нос, скрестив руки на груди. — Очень много. Я перечитал почти всю домашнюю библиотеку!

А ещё больше десятка тысяч книг за обе предыдущие жизни, но это так, мелочь. Пока Гериан продолжал возмущаться, Амстер чуть наклонился к деду и тихо, очень тихо спросил:

— Отец, ты уже говорил с Золаном по поводу его силы?

Я явно не должен был этого слышать, но почему-то слышал. А спустя секунду обнаружилась и причина в лице инстинктивно активируемого усиления физических возможностей Палача. Заметив, что дядя что-то говорит, я тут же направил ману к органам чувств. Ощущение… интересное, полностью отличное от магии, коей я пользовался двести лет.

— Он убил человека в пять лет, сын. И никто не знает, что увидел этими проклятыми глазами. — Вот как? Получается, благословление Палача даже среди иллити считается, мягко говоря, посредственным даром? — Нужно отгородить его от этих воспоминаний.

— И ты не придумал ничего лучше составления графика тренировок? Брат в курсе?

— Я послал за ним, но не думаю, что он прибудет сегодня.

— Количество заказов не падает?

— Даже растёт. Наши алхимики трудятся посменно, спят по шесть часов в сутки, но даже так мы не можем удовлетворить всех потребностей восточных границ.

Гериану я, по правде говоря, отвечал на автомате что-то совершенно незначимое, так как разговор деда с дядей был намного интереснее обсуждения простеньких заклинаний начального ранга. Но я сильно недооценил старших родственников, что и вскрылось буквально спустя пару секунд.

— Золан, подслушивать — нехорошо.

— Простите. Оно само получилось, а потом мне стало интересно.

— …

Дед промолчал. Видимо, пытался понять, как много я успел услышать. Но наблюдать за его моральными терзаниями мне было неприятно, и потому я решил расставить все точки над i. В конце концов, я ценю хорошие битвы, и сражаться для меня уже лет через семь будет так же естественно, как дышать. А следом за сражением идёт смерть, держащаяся свою косу наготове.

— Дедушка, не беспокойся о произошедшем. Бенефит заслужил смерть, и я горжусь тем, что именно мне выпала возможность его казнить.

И побольше искренности в глазах. Во-о-о, хорошо пошло, дед аж в осадок выпал — нечасто, видимо, ему внуки признаются в любви к убийствам. Но вот с дядей всё совсем по-другому. Услышав мои слова он не повел и бровью, но при этом умудрился перехватить инициативу в разговоре у деда, просто положив руку тому на плечо. Так и выглядит крылатое выражение — «подавился словами».

— Золан, ты ясно осознаешь, что от твоей руки погиб человек? Лишился жизни?

— Да.

— Зная это, как в твоих глазах выглядит убийство? — Мужчина был предельно серьезен, что ощущалось и в его словах, и во взгляде. Его нельзя было назвать ни холодным, ни жёстким, ибо в глазах этих плескалось пламя. Гибкое, текучее и изменчивое, полная противоположность непоколебимому металлу. — Хорошенько подумай, прежде чем ответить.

Дед с осуждением посмотрел на своего сына, но возразить не решился, понимая, что раздрай среди взрослых в первую очередь бьет по ребёнку, прислушивающемуся к словам авторитетных для него людей.

Вот только чего, блин, ожидает Амстер, задавая такой вопрос? Я так похож на ветерана человеко-демонической войны, чтобы рассуждать о концепции убийства? Или… от меня требуется что-то более приземлённое и детское? Без проблем, организую, но чур потом не жаловаться!

— Убийство… полезно. — Напряглись? Так я того и добивался, на самом деле. — Такие, как Бенефит, не должны жить. Я сомневаюсь, что его можно было исправить или хотя бы вызвать чувство вины за содеянное.

Показанное мне глазами Палача напоминало скорее лютую смесь хоррора и триллера от первого лица, где ты — в лице маньяка, наблюдаешь, но ничего не можешь изменить. Палачи практически все поголовно считались психами, у которых от крыши дай Всевышний если стропила остались. Но попробуй остаться в здравом уме, если твои собственные глаза каждый год,

начиная с пяти лет, вынуждают тебя примерять шкуру отпетых мерзавцев, переживая всё, что они ощущали, переступая черту. Я-то ещё не до конца отошёл от десятков изнасилований, зачастую заканчивающихся жестоким убийством, что говорить о детях, чьё мировоззрение только формируется? Девушки, женщины, даже одной малюткой, смеском эльфа и человека, эта сука не побрезговала. Мог бы — оставил бы его в живых, чтобы после передать в руки профессиональных палачей. Чтобы те ввергли его в состояние нежизни, и продержали на грани так долго, как только возможно. Но даже таких страданий для него было бы недостаточно. За то, что он сделал, наказать могут только в Аду.

Как же я хочу, чтобы он существовал в этом мире в своей изначальной концепции! Ведь в чистилище душа даже не осознаёт того, что её «обнуляют» до изначального состояния. А без осознания, не добиться раскаяния…

— Лишение жизни — не единственный выход, Золан. Может быть, правильный, но единственный. Любое общество осуждает убийц, даже если все знают, за что и почему тот убивает. Твой второй дар, дар Палача, подобен проклятью. Я уверен, что дедушка уже говорил об этом, но всё-таки повторюсь: не используй эти глаза чаще, чем необходимо.

— Дядя, если вы думаете, что переживать десятки и сотни… — Я покосился в сторону братишки. Пожалуй, сейчас мне стоит аккуратнее подбирать слова, чтобы не травмировать нежную детскую психику настоящего ребёнка, а не подделки вроде меня. — … преступлений в шкуре преступника, наблюдать за всем его глазами и ощущать всё, что ощущает он, так приятно, то я поспешу вас в этом разубедить. Знаете, если бы я мог, я бы сохранил Бенефиту жизнь. Правда, сохранил бы. Но только для того, чтобы он сполна отплатил за всю причинённую людям боль, а не сбежал в мир иной.

Никто ничего не говорил, ибо каждый присутствующий, — может, даже Гериан, — понимал, что слова сейчас не столько бесполезны, сколько опасны. И мы могли бы долго так сидеть, если бы на полигон не прибыл отец, на лице которого не отражалось даже тени беспокойства. Видимо, его просто сюда пригласили, без посвящения в детали.

Теперь ещё и с ним объясняться, однако…

Глава 5. От теории к практике!

Часть I.

— Ба-а-а-анкай!

Вокруг закрутились потоки воды вперемешку с «жидким» камнем, спустя три секунды обрушившимися на землю полигона. Вызванный этим грохот привлёк внимание Амстера, вместе с Гериаком практикующегося чуть в стороне, и тот не упустил возможности высказаться.

— Золан, бросай дурачиться! Или ты уже закончил со своим заданием?

Закончишь тут, когда меня «ведут» по программе, рассчитанной не на мои нынешние шесть с небольшим лет, а на все двенадцать. Вроде я, по факту, и взрослый человек, но даже мне непросто вытягивать такие нагрузки. Из плюсов — до момента, когда я смогу получить статус мага продвинутого ранга, оставалось немного. По субъективным ощущениям я вот-вот использую магию воды соответствующего уровня, но по прикидкам системы мне нужно набрать ещё семь уровней [Магии], что не так-то просто. Я ведь, по сути, не уровни набираю, а знания и навыки оттачиваю, и уже они отражаются в виде цифр в минималистичном окне статуса. Получается, что до уровня подавляющего большинства боевых магов мне ещё пилить и пилить… Но в шесть лет! Вот уж не знаю, уникумы ли иллити в магическом плане, или своё влияние оказывают огромные для детей резервы маны, но тот же Гериан отстаёт от меня всего на два условных года учёбы. Тобишь, если я изучаю программу двенадцати лет, то он — десяти. Вундеркинд, или всему виной возможность оттачивать навыки сутками напролёт?

Вопрос, ответ на который я получу лишь покинув родные пенаты.

Но то, что за счёт своих врождённых бонусов я, после всего лишь одного года усиленных тренировок, могу в ноль раскатать не слишком опытного мага продвинутого ранга — факт. Прошлый «бой» с Бенефитом я благоразумно не учитывал, так как маньяк тогда был в ужасе от, во-первых, того, что его противником выступал пусть мелкий, но Генерал и внук главы рода, а во-вторых этот же Генерал оказался и Палачом, моментально вынесшим вердикт. Ну и то, что эта пародия на боевого мага не была способна использовать невербальную магию, тоже на многое повлияло, ибо избежать глубокой прожарки я смог лишь услышав

и определив заклинание. А потом ещё люди спрашивают — зачем, понимаешь, учить заклинания, которыми ты не пользуешься сейчас и не будешь пользоваться потом? Да вот именно за этим, чтобы не превратиться в головёшку, не сумев распознать какие-нибудь Петляющие стрелы элемента огня…

— Так, и ты туда же? Хорошо, сами напросились…

Кажется, Гериан решил подхватить эстафету, чем вывел из себя крайне трепетно относящегося к тренировкам Амстера. Предполагаю, что это опять будет дуэль вида двое на одного без возможности победить. Куда нам против мага, освоившего, перечисляю, огонь — на королевском уровне, воздух и землю — на экспертном, и воду — на продвинутом. И дядя мой не был благословлён, как я или братишка. Он добивался всего сам, имея в своём распоряжении довольно средние эффекты от церемонии.

— … пятнадцать минут вам на отдых и моральную подготовку, а я пока кое-кого приведу.

С этими словами дядя оперативно скрылся в ближайшем здании, предоставив нам самим себе.

— Ни выдохнуть уже. Надоело! Как их… каникул хочу! Отдыха!

— В могиле отдохнёшь, лет через триста. — Делано равнодушно заявляю, преобразовав песок в мягкую почву. — На чём застопорился?

Особая черта характера Гериана — это неуёмная, почти бесконечная энергия, которая резко исчезает в никуда, стоит только ему перестать прогрессировать. Знал я таких людей, как знал и то, что совсем немногие из них добились в жизни чего-то значимого. Ступор в любом деле неминуем, и неумение преодолевать подобные жизненные испытания — не то, чего я желал для брата. Соответственно, я в меру сил старался приучить его не унывать при первой же неудаче, а пытаться до, так сказать, конечной.

— Параллельное создание двух заклинаний. Пока в вербальном и невербальном вариантах, но у меня даже так ничего не получается.

— И давно?

— Второй день.

В этом весь Гериан. У меня, с моим опытом, едва пупок тогда не развязался — два заклинания в одно объединить, а он хочет освоить такой приём сходу. Стремление похвальное, но малореальное.

— Это не тот навык, который можно вот так просто постичь.

— Но ты это сделал год назад. Скажешь не сравнивать тебя с собой?

— Почему? Не скажу. Но ты учитывай, что ты работаешь с огнём и воздухом, самой непослушной парой стихий, а я использую их полную противоположность. — Именно так дела и обстояли даже несмотря на то, что у всех поголовно иллити особые отношения с огнём и воздухом. — Да ты хотя бы вот так сможешь?

Я вытянул руку вверх, и вокруг неё тут же закружился текучий, словно вода, камень, сформировавший вокруг моей руки лёгкую и одновременно прочную перчатку. Пальцами шевелить в такой было сложно, конечно, но с физическим усилением я древесину крошил только в путь, а на металле оставлял вмятины. Следом я сосредоточился на элементе воды, добавив поверх камня слой послушной моей воле влаги, с которой можно было делать почти что угодно. Хочешь — клинок, как у ассасинов, только изо льда, формируй, а хочешь — стрелы запускай, благо, на близких дистанциях они вполне себе эффективны. Пока меня хватало на осознанный контроль только такой перчатки от кончиков пальцев до плеча, в то время как продвинутый ранг этого заклинания требовал создания полного доспеха. И это была явно не та магия, с помощью которой люди добивались признания их продвинутыми рангами — слишком сложная, требующая примерно одинакового уровня для двух подконтрольных стихий, а не одной.

— Издеваешься, да? — Пробурчал Гериан обиженно. — Я только на прошлой неделе от ожогов избавился, а ты меня опять на то же самое подбиваешь?

— Ну, в тот раз я тебя отговаривал…

— Плохо старался, раз я всё равно зал сжёг!

— Ну да, ну да. Что ты там говорил? «Добавить больше силы — и всё пучком?». — Но полыхнуло тогда знатно, да. Мне понравилось, но рассказывать об этом ни брату, ни родителям я не решился. Первый захочет подвиг повторить, а от родителей я даже не знаю, чего ожидать. Тогда пронесло, так как я оперативно всё затушил, когда Гериан окончательно провалился, выпустив огонь из-под контроля, но повторение того же самого может и на моём заду сказаться. А ремнём, да чуть пониже спины, это в любом возрасте больно. — Хотя тут ты можешь смело экспериментировать. Гореть, кроме тебя, тут нечему.

— А ты что, не горючий, хочешь сказать?

В ответ я окружил себя хорошим таким слоем воды. Внушительным, но против направленного заклинания бесполезным. Зато по пожарам можно лазить — никакой скафандр не нужен, обновляй только нагревающуюся воду, что б не вскипеть ненароком, да и всё.

— Как я мог забыть… Хочешь шутку?

— Если только хорошую.

— Тебе понравится. — Брат прокашлялся. — Наткнулся я как-то на поле битвы магов воды и земли. Шикарное болото!

И вот такое вот пользуется популярностью среди иллити! Адепты огня, понимаешь! И пожалеть меня некому, кроме мамы — единственного человека в моём окружении, специализирующегося на воде. Жаль только, что я скоро её в этом деле перегоню, и совета получить будет не от куда. Я уже думал о том, что мне делать после приближения моих навыков в управлении водой и землёй к экспертному уровню, и пока видел только один вариант.

Покинуть родной город и род, направившись в какую-нибудь академию. Территориально и политически мне подходили только две, — демона-то не везде готовы принять, а скрыть свою принадлежность к иллити попросту нереально, — так что выбора считай что и не было. Континент демонов отпадал просто потому, что там, по рассказам деда, царила форменная анархия и всеобщий каюк. Магические монстры бродят под стенами редких городов, кланы и расы воюют беспрерывно, политическая грызня за титул Владыки Демонов с момента смерти последнего его обладателя не утихает ни на миг…

Вроде бы и место это — самый сок для кого-то вроде меня, не видящего жизни без хорошей драки, но я в последнее время не особо стремлюсь убивать. Придётся, конечно, прирезать на днях одного грешника, доставку которого мне вызвался обеспечить дед для ежегодного пробуждения Палача, но это — так, не считается. Жить в нормальной, любящей семье оказалось на удивление приятно, а мой собственный рост как мага заставлял меня чувствовать нечто, не встречаемое мною ранее. Вот уж чего-чего, а такой отдачи от собственного труда я точно не ожидал. Ну и признание, конечно же — в роду, да и в городе, собственно, уже не осталось никого, кто бы не знал о гениальных братьях, «поколении гениев». Это совсем не то же самое, что и титул «шавки Бога» или «монаха сражений», носимых мною в прошлой жизни. И там, и там я вообще ничего не сделал для обретения силы, довольствуясь подачками Всевышнего.

Но теперь всё иначе. Я — Золан Иллити, и у меня в течении этой жизни нет никаких обязательств перед истинно-бессмертными существами.

— И вот так вы готовитесь?

— Отдых — лучшая подготовк… Ай! За что?! — Расслабленно покачивающий ногой Гериан вскочил на ноги, а после я ощутил, как его настрой сменился. — Здравствуйте. Прошу меня извинить

за неподобающее поведение.

Ну не-е-эт, кого к нам Амстер притащил? В целом всё равно, но реакция брата говорит о том, что придётся вспоминать уроки этикета, которые я в гробу видал и в нужном направлении ускорения придавал. Самая бесполезная, высосанная из пальца наука, крайне активно вдалбливаемая в мою несчастную голову весь последний год. Я и так с теми, кто того заслуживает, веду себя вполне культурно, казалось бы — чего ещё желать? Но «высокое» общество думало иначе, и я даже кивать должен верным, отработанным движением, а ходить, придерживаясь строго определённой схемы…

Тем не менее, я встал, развернулся, окинул собеседницу заинтересованным взглядом… и на рефлексах приветственно кивнул, как равный — равному.

— Рад лично вас лицезреть, миледи. Моё имя — Золан Иллити.

Совершенно нейтральное приветствие, и никакие извинения в нашем случае не нужны. Ведь встреча произошла на полигоне, в месте, где люди тренируются, не следя за своим внешним видом.

— Меня зовут Целестия Иллити, и я тоже рада личному знакомству с тобой.

Ну и замечательно, на ты мне общаться нравится гораздо больше. Тем более, если собеседница — миленькая девочка примерно четырнадцати-пятнадцати лет, невысокая, стройная, с короткими чёрно-белыми, вперемешку, волосами, и глазами двух различных цветов. Левый — ярко-голубой, а правый ближе к изумрудному, но чуть светлее. Грудь — уверенная двойка, — в её-то возрасте! — да и нижние будущие девяносто не подкачали, что было отлично видно. Ведь в отличии от подавляющего большинства девушек и женщин рода, Целестия общепринятым одеяниям предпочла нечто весьма и весьма необычное. Не то, чтобы я был таким уж знатоком моды этого мира, но кое-что уже повидать успел, так что и открывшуюся картину оценил как подобает — пробежавшись глазами по всей фигуре девушки, от макушки до пяток. Свободная белая футболка и чёрная курточка с длинными рукавами и скрытыми, но не использующимися застёжками, практически не оставляла пространства для воображения, а короткие, намного выше колена, шортики, заставили меня задуматься над тем, а не является ли эта девушка попаданкой. Такой наряд в её возрасте даже для дома был чем-то слишком откровенным, а на тренировки и вовсе полагалось надевать что-то максимально закрытое — вроде моего текущего облачения. Но нельзя не признать, что уже сейчас подобная манера одеваться должна действовать на парней в радиусе сотни

метров получше любого магнита. Братишка вон, как нахохлился, и это при том, что ему о том самом думать не положено ещё столько же лет, сколько он уже прожил. А Амстер… Женат он, бедняга. Сорок лет как женат…

Между прочим, взросление иллити серьезно замедляется уже в шестнадцать, фиксируя внешний облик на долгие годы, так что внешность Целестии останется с ней ещё о-очень надолго. Вон, тётя, жена дяди Амстера, в свои шестьдесят выглядит в худшем случае на двадцать, а так её можно и моей старшей сестрой назвать.

Приятно, чёрт возьми, быть демоном!

— Итак. — Амстер похлопал в ладоши, привлекая наше внимание. — Как вы уже догадались, сейчас у вас будет спарринг двое на одного. Но в этот раз против вас, Золан, Гериан, выступит Целестия. Ей четырнадцать, и она — сильный маг экспертного ранга. Расклад по стихиям пока пусть останется в тайне.

— Степень контакта?

— Полный. Вот эти предметы сегодня обеспечат вашу безопасность. Целестия уже знакома с их использованием, но для вас мы проведём демонстрацию. — Амстер перебросил девушке одну из безделушек, коих у него в руках была целая связка, после чего быстро набрал расстояние, расположившись так, чтобы мы не оказались на линии огня. Заволновался я в тот момент, когда в отведённой за спину руке дяди из яркого, белоснежного пламени соткалось копье — экспертное заклинание огромной силы, но весьма посредственной скорости. Излюбленный приём огневиков-авантюристов, которым так просто было насквозь прошибать шкуры неповоротливых монстров всех степеней защищенности. Против людей и прочих мелких и маневренных целей применение копья считалось неэффективным, так как, повторюсь, уклониться можно было и с десяти метров. Больно неторопливо то двигалось к цели, во всех спектрах извещая цель о своём приближении. Вот только чудовищный снаряд сорвался в полёт, а Целестия, с подвешенной на шею побрякушкой и горделиво выпяченной грудью, и не думала уклоняться. В такие сроки сообразить хоть что-то, способное остановить копье, я не мог, и потому мне оставалось просто уповать на благоразумие дяди и самой девушки. Но яй… кхм, воля у неё стальная. Даже обладая абсолютной защитой вот так стоять, глядя на приближающееся заклинание, потенциально способное не просто убить, а обратить тебя в ничто, морально должно быть невероятно сложно.

Но Целестия справлялась, и в момент, когда копье коснулось беззащитной груди магессы, я нашёл в себе силы оставить глаза широко распахнутыми. И не зря, ибо способ, которым

побрякушка-артефакт обеспечивала защиту, оказался несколько странным. Копье просто исчезло, но перед этим некая волна прошлась по всему полигону, на мгновение продемонстрировав присыпанные песком рунические письмена. Вот! Вот оно! То, что не давало мне покоя — тайный элемент полигона, несущий в себе ещё и такую функцию! Какие ещё сюрпризы мне принесёт этот мир в магическом плане? И почему я не слышал ни о каких ловушках подобного типа? Ведь это так удобно — обороняться в месте, где все атаки по тебе не проходят…

— Объясняю. Эти амулеты — часть нашего родового тренировочного комплекса. Работают они только в том случае, если носители находятся на территории полигона, и на всех участников спарринга надето по одному экземпляру. — Амстер выудил из-за пазухи аналогичный амулет, остановив тем самым мой поток мыслей, ринувшийся совсем не в ту сторону. — Запасы маны на предотвращение вреда ничем не ограничены, так как полигон поглощает значительную часть вкладываемой в заклинания силы. Тренироваться с амулетами вы можете постоянно, но только при условии соблюдения всех мер предосторожности. И первая мера — это присутствие в боевой зоне только тех, на ком надет амулет. Проверяется это очень просто, нужно лишь надавить большим пальцем на этот элемент артефакта. — Дядя на своём примере показал, куда нужно нажимать, и в глуби мутного полупрозрачного камня, являющегося основой амулета, появилось две цифры — два и два. Нетрудно догадаться, что первое и второе числа обозначают число находящихся в периметре полигона людей с и без амулета соответственно. — Перед каждым боем вы обязаны это проделывать во избежание лишних жертв. После такой проверки вокруг полигона поднимается барьер. Проницаемый, но информирующий всех входящих о возможной опасности. Это понятно?

— Понятно.

— Понятно.

Ответили мы синхронно, но я особо не заострял на этом внимание. Выходило-то у нас что? А то, что я теперь могу хоть сутками безо всяких ограничений сражаться в дуэлях! Полноценных, максимально приближенным к реальности! Никакого сдерживания, делающего практику почти бесполезной! Никаких полумер! Бить лица от души, и безо всякого риска навредить! Слава артефакторам и магической науке! Ура-а-а~!

Что-то такое, видимо, отразилось на моём лице, и потому дядя не преминул добавить:

— Но доступ к этим артефактам будет сохраняться за вами

только в том случае, если меня и вашего дедушку будет устраивать ваш прогресс. Защитить себя и близких нужно уметь, но битвы — отнюдь не самое важное в жизни. Надевайте.

Я и Гериан приняли амулеты, тут же натянув их на шеи, после чего — проведя ту самую, показанную проверку. Рано, но это всего лишь повод задать пару уточняющих вопросов.

— Дядя, как долго после активации действует оповещающий барьер? И нивелируются ли эффекты от чисто физических атак?

— Барьер активен с момента проведения проверки и до того, как один из участников не снимет с себя амулет. Физические атаки значительно теряют в убойности, но не поглощаются полностью, как заклинания. Ещё вопросы? Гериан?

— Всё ясно.

— Тогда — набирайте дистанцию и покажите, чему научились.

Даже интересно, как мы должны что-то показывать, если именно бою меня разве что мама учила, и то — по остаточному принципу. Может, это у иллити традиция такая, бросать необученных детей против кого-то вдвое старше и заведомо сильнее? Я наслышан о Целестии, чай, уже год как в роду обретаюсь, и то, что она благословлена Миротворцем, для меня не секрет. Единственная сильная сторона и отсутствие явных слабостей даже при прочих равных делали сражение с этой особой аналогом русской рулетки, в которой или повезёт, или нет. Шутка ли — контроль над энергией в любой её форме и любом проявлении? Удастся ударить так, что она не успеет среагировать, и победа в кармане; в противном случае все атаки будут уходить в никуда, а ответный удар вряд ли заставит себя долго ждать. Предок из семнадцати, оставивший это благословление для потомков, не любил сражения. Соответственно, и его идейный наследник должен хоть капельку ему в этом соответствовать.

— Будьте помягче со мной, ладно, мальчики?

Говорит одно, а смотрит как на политый соусом кусок жареного мяса. Ну, зато сейчас можно будет подтвердить или опровергнуть теорию о соответствии характеров благословлённых их силам. Правда, эта предвкушающее улыбающаяся стервочка не особо на миротворца подходит, но ладно — проверю в бою, чай, не насмерть бьемся…

— Начали!

Отмашка дана, Амстер набрал дистанцию для наблюдения, а я тут же распахнул крылья и взмыл в воздух, справедливо решив, что в противном случае продержусь я недолго. Тренировочный матч начался, Генерал и Король — против Миротворца…

Часть II.

Иллити — это яростное, всепоглощающее пламя, которое невероятно трудно остановить. Братишке хватило ума не пытаться перехватить контроль над стихией у Целестии, но на сколь-нибудь эффективный обманный манёвр его уже не хватило. Тщетная попытка нагнать дыму и скрыть свои передвижения была прервана пронёсшимся мимо меня вихрем. Естественно, — для практически всего моего окружения, — девушка владела невербальной магией, и потому иначе как магическим пулемётом я её назвать не мог. Я едва успел уклониться от шквального зенитного огня, выраженного в граде мелких кусков магмы, и прикрыть Гериана, отвлёкшегося на что-то масштабное. Увы, но сработанности в нас было ни на грош, и он прервал формирование заклинания, тоже выстроив защитный барьер — стену пламени, лишившую меня всякой возможности видеть, что с ним происходит…

Волей-неволей, но мне пришлось отбросить всякие мысли о командной работе, сосредоточившись на противнике. Оттянуть как можно больше её внимания на себя, подарив Гериану хотя бы призрачный шанс как следует вдарить — вот мой новый план, состряпанный на коленке за считанные доли секунды. И ведь мой опыт в магических противостояниях ничто иное, как полное дерьмо, ибо в бытность жрецом я руководствовался иными принципами и имел совершенно другие сильные стороны.

Ну и плевать. Сделаю, что смогу, а там будем посмотреть, что потребуется исправлять в первую очередь. Времени у меня — вагон и маленькая тележка, а в плане усердия я любому стахановцу нос утру.

Стремясь реализовать своё главное боевое преимущество, я применил одно из самых масштабных заклинаний земли, мною освоенных — малый каменный лес. Океан маны, ринувшийся к земле, за считанные мгновения растёкся по полигону, после чего обрёл форму прочных столбов диаметром в метр, а высотой от пяти до десяти. Такие уже не снесёшь каким-то там ветерком, а помимо ограничения обзора и образования естественных укрытий, моих укрытий, они и схватку переводят в трёхмерную плоскость, что для меня является неоспоримым видовым преимуществом. Как-никак, в воздухе я куда как более уязвим, и если ничего не предпринять, то недолго мне бороздить небеса…

Ответ от Целестии, впрочем, последовал незамедлительно. Не успели ещё дальние столбы встать на своё место, а эта миловидная девушка уже бежала ко мне, ловко перепрыгивая с одного препятствия на другое. А что это у неё в руках? Копья…?

Нет! Не копья!

— Совсем не копья-я-я!

Снимаю шляпу: я недооценил юную мисс, и общее физическое усиление она освоила на невероятном уровне. Я как мог несся вперёд, петляя меж столбов в тщетной надежде сбить прицел этой ведьмы, но она не только за мной поспевала на своих двоих, но и крушила камень огненными колунами на огненных же цепях. Неизвестное мне заклинание из разряда поддерживаемого оружия явно относилось к экспертному рангу, так что не было ничего удивительного в том, что я слегка растерялся. Ну, самую малость, что стоило мне где-то половины каменного леса и изрядной порции нервов. Почему я ничем не отвечал? Ну, в двух словах — подавляющая мощь. Целестия имела возможность давить голой силой, преследовать меня и развеивать любые прямые атакующие чары, чем сполна пользовалась. Так же, как я пользовался крыльями, без которых мною бы уже давно вытерли пол.

Рывок в сторону — и попавший под удар столб разлетается острой шрапнелью. Спину ощутимо припекает, но я практически подготовил сцену для перехвата инициативы. Ещё секунда…

Выстреливший в небо столб воды, в который я беззастенчиво влетел на полной скорости, покрылся коркой льда быстрее, чем я успел что-то сообразить. Огнём я рисковал себя вскипятить, и потому пошёл другим путём: вдарил внушительным потоком энергии, перехватывая у Целестии контроль над частью воды и пробивая тем самым себе путь на свободу. Выходить я решил через «потолок» водяного цилиндра, предварительно слив захваченную воду на обстрел всего в округе градом ледяных шипов, и не прогадал — девушка если и предполагала, что я пойду длинным путём, то на перехват не успела, а после ей помешало моё заклинание, которое та отбила потоком всё той же воды. Филигранный контроль при том, что иллити, обычно, специализируются на огне и воздухе. Не может же Целестия быть экспертом в трех или даже четырех элементах? Или может, и у меня нет вообще никаких шансов…?

В полёте развернувшись лицом к противнице, я решил спародировать шиноби и с обеих рук послал вперёд струю воды, одними губами прошептав слово-активатор. Концентрации уже не хватало на чисто невербальную магию, так что пришлось идти на компромиссы. А чего я хотел от настоящего боя? Это на тренировках я могу по восемь часов без перерывов кастовать безмолвную магию, а тут всё на пару-тройку порядков сложнее. Впору верить во всякие боевые медитации и пытаться их же освоить, ибо мысли мечутся в сознании, словно взбешённый тигр

в клетке. У меня не было плана. Я действовал на чистых рефлексах, сражаясь за каждую секунду «жизни». И с таким подходом у меня не было даже призрачного шанса на победу или ничью. Сколько я уже маны слил? Четверть? А все наши пляски и тридцати секунд не продлились! Но если буду экономить, то сразу же отправлюсь в нокаут по причинам, обычно несовместимым с жизнью.

Тем временем Целестия вполне естественно для себя развеяла мою воду, но не учла, что для этого нужно время. Это не огненное копье и не огненный шар, который вжух — и попал или исчез. Это тонны и тонны воды, беспрерывно рвущиеся вперёд. Поднатужившись, я начал падать вниз, но добавил-таки второй, вьющийся поток, который девушка тоже приняла на своё рассеивание.

Шанса лучше уже не будет. Не подведи, братишка…!

Своей противницы я не видел из-за сплошного потока воды и пара, что обильно генерировало огненное оружие Целестии, но взрыв, раздавшийся где-то там, а так же пропавшее сопротивление, мне ощутить удалось. Отпускаю оба заклинания и формирую прямо в воздухе простейший ледяной дождь, готовясь в случае чего обрушить всё это безобразие на врага, но вот пар рассеялся — и я крепко сжал кулаки.

Дьяволица, принявшая форму моей родственницы, стояла над бессознательным телом Гериана, поставив тому ногу на грудь и угрожающе прокручивая в руках одно из лезвий на цепи.

— Теперь тебя ничего не будет отвлекать, б-ра-ти-к.

Миротворец? Если ты меня слышишь, сидя в своём обелиске, то пусть тебе будет стыдно! Не тому человеку ты свою силу даровал, совсем не тому! Это ж берсерк в юбке, а не воплощение миролюбия! И мне с ней ещё сражаться…

Отвечать на откровенную провокацию я не стал — лишь обрушил на Целестию дождь из ледяных стрел, после чего перешёл в наступление. Нужно хотя бы опробовать себя в ближнем бою и оценить, насколько влияет длина конечностей при наличии физического усиления…

Но бой я, в любом случае, слил.

Часть III.

Утро красит нежным светом… Нет, не стены кремля, а моё опухшее, серобурмалинового оттенка лицо. Как и ожидалось, я проиграл. Чуда не случилось, в ближнем бою я ничего не мог противопоставить превосходящему меня в силе и умениях, а главное — взрослому противнику. С моим ростом я просто не мог

дотянуться до этой демоницы, а заклинание экспертного уровня, поддерживающее форму её оружия, так мне и не поддалось, сколь много и часто я по нему ни бил. Вот он какой, мой предел: эксперт с резервом взрослого демона-мага уничтожит меня при любых раскладах. В определённой мере вина тому — мой физический возраст, но нельзя пенять только на него. Не одна лишь сила определяет победу или поражение, но и то, как ты эту силу прикладываешь…

Поднявшись с кровати, я обнаружил заботливо подвешенные на дверце шкафа вещи. Это постаралась Файя, как обычно проснувшаяся ни свет, ни заря. Заметка на будущее — не забыть её поблагодарить. А сейчас нужно одеваться и готовиться к занятиям по болтологии или, как чопорно называют искусство красиво болтать, политологии. Как же, я хоть и не претендовал на титул главы рода, но дед не единожды прямым текстом сообщал, что он будет выбирать наиболее подходящего кандидата из нас двоих — меня и Гериана. Но я-то в любом случае предпочту долгу свободу, в то время как братишка не забывает напоминать окружающим о своей мечте — стать достойным. Он и пашет, как ездовой лось, именно из-за этого, так что…

Я как раз заканчивал натягивать штаны, когда заметил, что с моим отражением в ростовом зеркале что-то не так. И это что-то закрывало верхнюю половину моего лица, превращая меня в какого-то карликового Зорро. Кожа вокруг глаз приобрела матово-чёрный оттенок, а сами глаза превратились в два белоснежных омута. Зрачков, что примечательно, не было… Картина куда как более печальная, чем в прошлые разы. Глаза Палача всё чётче намекают на необходимость кого-нибудь прирезать во славу правосудия, а дед наоборот — медлит. Как бы мне самому не пришлось выбираться в город, выискивая того, на ком моя способность сработает самопроизвольно. А такую реакцию может вызвать только самая страшная и отвратительная мразь, преступившая не столько законы, сколько нормы морали. Как такого найти, и при этом не устроить казнь на глазах у толпы свидетелей? Вот и приходится полагаться на возможности рода по поиску подходящих подо все критерии преступников. Мне подойдёт любая скотина, но дед с отцом, видимо, решили отыскать кого-то «на грани» — с достаточным послужным списком, но чтобы просмотр его прошлого не слишком сильно ударил по моим мозгам. Увы, но я, скорее всего, так и буду переживать все чёрные воспоминания осуждаемых мною людей из-за того, что от Палача во мне всего процентов сорок. Такова плата, и ничего с этим не поделать.

Волевым усилием вернув своё лицо в нормальное состояние,

я оделся до конца и немного покрутился перед зеркалом, оценивая возрастные изменения. Ну, что тут сказать — крепкий пацан, не дистрофик и не толстяк. Волосы тёмно-серые, но с возрастом, думаю, я обзаведусь благородной отцовской платиной. Росту во мне сантиметров сто двадцать пять, что даже выше нормы по палате, насколько я могу судить глядя на отпрысков иллити вокруг. Глаза, правда, подкачали — не быть мне брутальным красавчиком, складывающим красоток у своих ног одним лишь взглядом. Не пользуется карий цвет популярностью в этом мире, где и огненно-красные, и небесно-голубые, и пурпурные глаза считаются нормальным для демонов явлением. У людей с цветами победнее, но на то они и люди, во многом уступающие старшим расам. Что до черт лица, то оно у меня было самым что ни на есть обычным, как и у всякого шестилетнего ребёнка. Детьми я никогда и ни в каких смыслах не интересовался, так что предсказать будущие изменения не мог. Оставалось лишь вслепую полагаться на удачу, да на гены — таки отец у меня уродом не был, а маму так и вовсе можно смело записывать в красавицы.

Итак, перед занятиями нужно найти дедушку, дабы его поторопить. Опять потрошить кого-то из родни мне не особо хотелось, так как даже после первого раза на меня поглядывали с опаской. Помнили, что творили Палачи прошлого, убивающие даже за не самые значительные в глазах общественности преступления. Да, у меня крыша пока на месте, но поди, докажи, что это действительно так, и я не устрою кровавый пир одной прекрасной ночью.

С такими мыслями я покинул свою комнату, направившись к кабинету деда. Как ответственный глава целой расы, он вставал даже раньше, чем требовал того от окружающих, так что у меня были все шансы застать его на месте. В крайнем случае, пришлось бы подождать пять-десять минут, но — нет, Зар`та был на месте, и он словно ожидал моего появления.

— Итак, внук, что-то хотел сказать? Или попросить о дополнительных тренировках?

Тренировках? А! Ну да, вполне в духе ребёнка — огрести люлей от кого постарше и идти требовать подтянуть себя до того же уровня.

— Это тоже, но не сегодня. — Повинуясь жесту родственника, я забрался на стул напротив. — Утром глаза опять пробудились. Я опасаюсь их самопроизвольной активации и ненужных смертей. Что с преступниками?

— Мы с твоим отцом ещё ищем идеального кандидата…

— Любой пойдёт. После того, что я увидел год назад, меня

вряд ли что-то способно поразить.

Да, я рассказал сначала родителям, а потом и дедушке о том, чем увлекался павший от моей руки предатель. После этого мне дорогого стоило вырваться из кокона чрезмерной заботы и опёки, но после относиться ко мне стали слегка иначе. Например, никто не стал знакомить меня с девочками из рода и назначать с ними посиделки, как в случае с братом, вынужденным всё это переносить. Естественно, его знакомили не абы с кем, а с теми, кто в будущем мог занять место по правую руку от него — Короля, обладателя сильной крови. Селекция, как бы неприятно это ни звучало, работала, и работала хорошо. Не только внешность, но и таланты наследовались с кровью, а иллити были серьезно заинтересованы в увеличении своей боевой мощи. Мой отец избежал участи жениться на подруге детства, но вот дядя согласился с дедом. Результат — Гериан, с его поразительными талантами, могущими поспорить с таковыми у Целестии. К слову, не считая меня, брата и демоницы, благословлённые первыми иллити не появлялись всего сорок семь лет, в то время как за норму было принято рождение пяти благословлённых за один век.

— Я бы не был столь категоричен, Золан. Несмотря на твой интеллект, ты всё ещё ребёнок, и есть вещи, которые тебе в принципе не положено знать. И наша обязанность, как взрослых, хотя бы облегчить твою участь.

— А моя обязанность, как Палача — прислушиваться к своим ощущениям. — Меня охватило странное ощущение, подталкивающее меня к тут же сформировавшейся в голове мысли. — Или всё произойдёт сегодня, или у меня будут проблемы. Я… чувствую это.

— Чувствуешь? — Дедушка нахмурился, принявшись крутить в руках карандаш, коим он минуту назад заполнял какие-то бумаги. — Ты уверен в своих ощущениях?

Даже если я в этом не уверен, игнорировать предупреждение собственной силы сродни игнорированию предчувствия, гласящего, что тебе в спину целится стрелок с арбалетом. Его может и не быть, но исходов-то всего два — ты или параноик, или труп.

— Да. Полностью уверен.

Так как иллити в целом и мои родственники со стороны отца в частности были сплошь людьми действия, дед тянуть резину не стал, поднявшись из-за стола и кивнув на входную дверь:

— Тогда не будем медлить. Разберёмся со всем сейчас, а после отдохнёшь. Пару дней без ущерба твоему прогрессу выделить можно…

Я лишь кивнул, не став спорить или язвить. Когда кто-то старается сделать всё как лучше, высмеивать это стремление как минимум неприлично, а как по мне, так и вовсе непростительно. Отец описывал дедушку как нелюдимого, жёсткого человека, но в общении со мной и Герианом он был совершенно другим. Таким… родным и близким, что ли? Он проводил с нами много времени, уступал в некоторых вопросах и прислушивался к нашему мнению, которое порою шло вразрез с его собственным. Например, он так и не понял моего нежелания сильно сближаться с многочисленной роднёй, но принял это решение — и оставил выбор, с кем мне общаться, только за мной. Ни он сам, ни отец, ни дядя, ни старейшины не предпринимали попыток меня с кем-то беспричинно познакомить. Нет, я знал всех важных людей рода поименно и в лицо, но это не совсем тот смысл, который вкладывают в понятие «познакомился» в обществе средневековых аристократов. Ты можешь мило болтать с человеком во время каких-то приёмов, ежедневно встречаться с ним, но если ваше общение не ушло дальше этого, то вы как-бы и незнакомы вовсе. В моём круге общения среди иллити крепко вошёл Гериан, дедушка, он же Зар`та, Файя и, подозреваю, со вчерашнего дня и с Целестией придётся часто пересекаться. Она не была мне противна как человек, но по первому впечатлению язва из неё ещё та.

Три, потенциально — четыре имени. Всего ничего, если так посмотреть. Но я не любил пустых людей и неприятные лично мне разговоры, и потому такое положение дел меня вполне устраивало. В конце концов, я не тамада — всех вокруг знать и со всеми по-дружески общаться. Генерал-Палач… Дружба со мной должна быть честью, хе-хе.

Дабы добраться до темниц, нам пришлось покинуть главное здание, в котором размещались рабочие кабинеты и жилые комнаты приближенных к главе рода людей. Мы так же миновали и несколько рядов жилых домов простых иллити, но сдвинулись не на край отведённого нам района, а лишь чуть южнее. Как ни крути, а такой важный элемент закрытого общества, как темница, нельзя было размещать на границе охраняемых территорий.

— Обычно здесь не так много людей…

С досадой поморщился дедушка, когда мы миновали эдак с два десятка занятых камер. Кто-то из заключенных провожал нас молчаливым взглядом, но кто-то кричал, что ему вздумается, а охрана не могла вот так сходу их угомонить. Мне не впервой было слышать столько грязи в свою сторону, но, вроде как, ребёнок не мог просто так это проигнорировать.

— За что они здесь?

— Причины разнятся, но все они — преступники. После произошедшего год назад я принял решение взять под наш контроль весь город, вычистив всю шваль. Как видишь, кое-кто попадается и сейчас, после основной волны.

— И нам так просто отдали город?

— Не то, чтобы отдали, но за исполнением законов теперь следит наш род. Официально здесь нет даже стражи, так как Рокстоун, как тебе известно, городом не считается.

— Но ведь кто-то следил за порядком до нас?

— Небольшой рыцарский орден, нанятый губернатором. Но я тебе так скажу, Золан: никакой пользы от их присутствия здесь не было. Они скорее только усугубляли положение, так как с их попустительства преступность существовала рядом с нами вполне официально. Даже чёрные работорговцы обнаружились, одного из которых тебе и предстоит сегодня… судить.

Если честно, то более щадящими для ребёнка должны быть воспоминания какого-нибудь убийцы или грабителя, но точно не работорговца. Или дед решил, что на изнасилования я уже насмотрелся, и хуже в этом плане уже не будет? Так Бенефит и убивать не брезговал, причём всегда — мучительно и кроваво.

Я ведь не бахвалился тогда, говоря, что видел всё.

— Он вёл своё дело в Рокстоуне тринадцать лет. Поймали его только два дня назад, но он уже рассказал о себе всё, что мог. Ничего чрезмерно страшного ты там не увидишь, внук. Но если что…

— Я всегда могу рассчитывать на твою помощь, дедушка. Я помню.

Искренне улыбнуться — и активировать глаза Палача перед тем, как войти в отдельную, закрытую камеру. Не знаю, что я забуду на этот раз, но страстно желаю, чтобы это было нечто маловажное. Я ведь даже дневник хотел завести, перечислив там всё достаточно значимое, но потом понял, что это будет слишком странно, и скрыть сие мне не удастся никак. Вот и шёл я сюда всего лишь с надеждой в сердце, практически без приготовлений. Только листок с именами и тем, как я отношусь к этим людям, уже два месяца как упрятан между досок кровати в моей комнате. Да, будет весьма забавно, если я забуду именно о его существовании…

За массивной дубовой дверью обнаружились стены из серого, сухого камня, стол, пара простейших стульев и два факела, закрепленных на противоположных стенах. Но стоит посмотреть вглубь помещения, как бросалась в глаза массивная решётка, отделяющая «тамбур» от непосредственно места заключения, и лежащий за ней человек, которому, как скоту, бросили кипу

соломы вместо нормальной постели. Впрочем, этот человек и был бездумным животным, потакающим своим прихотям вопреки законам. Чёрная работорговля преследовалась и очень строго наказывалась в основном из-за того, что у распространяемых таким образом рабов не было совсем никаких прав. Убей хозяин такого раба, расчлени, пусти на опыты — и никто не узнает об этом, так как раб нигде не зарегистрирован и в принципе рабом не числится. Ни долговым, ни преступным. Таких рабов добывают, словно в древнем мире — похищают, тайно или с применением силы.

Мне не требовалось много времени, чтобы вынести вердикт. Одно лишь моё желание — и перед глазами пронеслись обрывки памяти свиньи, упивающейся своей гнилой властью над рабами. Я бы прошёл прямо сквозь прутья, если бы дедушка предварительно не распахнул клетку — до того мне был противен осуждённый.

— Приговор вынесет. Кластоф Велье приговаривается к смерти.

Простой человек. Не маг, не воин, не аристократ. Но сколько боли и грязи он принёс в этот мир, сколько жизней сломал… Но кое-кому я ещё могу помочь, а потому стоит поспешить. Рука обхватила рукоять ледяного меча, холод которого позволил мне чуть лучше держать себя в руках. Взмах — и голова нелюдя слетела с его плеч, а брызнувшая кровь утонула в водяной пелене, коей я предварительно себя оградил. Не хотел, чтобы даже частичка этой свиньи попала на меня.

— Дедушка, нужно отправить отряд. Последних рабов он не успел продать, оставил в условленном месте, из которого их уже завтра должны забрать.

— Кому и где?

— Покупает некто Зелёный Барыш, двадцать девять километров к востоку от Рокстоуна. У него в подчинении есть сильные маги продвинутого, возможно — экспертного уровня.

— Ты ведь понимаешь, что ты никуда не пойдёшь?

— Рабы спрятаны в особом месте, его будет трудно найти…

— Не для людей, которых я собираюсь послать. Пойдём, тебе будет полезно понаблюдать за теми, кто выполняет всю грязную работу. Заодно поймешь, что из себя представляют такие отряды. Не будешь питать ложных надежд по этому поводу.

Вот так просто было отброшено моё предложение лично возглавить мини-экспедицию и выбраться за пределы города. Дедушка ясно дал понять, что нет в данном случае — это именно нет. Пусть я и могу его уговорить, но это будет всего лишь проявление незрелости, и когда-нибудь, когда мне действительно понадобится его содействие, он лишь посмотрит на меня

снисходительно. Вызволение рабов — это действительно не то дело, которым должен заниматься даже очень талантливый и весь из себя замечательный шестилетний ребёнок. Но взамен я могу поучаствовать в подготовке операции, а после оценить её результаты, узнав что-то новое и, без сомнений, полезное.

Пригодиться в жизни может всякое, так что — вперёд, примерять на себя роль высокопоставленного командира! Никогда им не был и быть не хочу, но разок попробовать, определённо, стоит.

Глава 6. Магическая аномалия?

Часть I.

Вопреки моим представлениям о спецотрядах, маги иллити не сидели в бараках, ровно как и не дожидались назначения в специальной комнате. В то же время, их не пришлось собирать по всему району, так как за нас это сделали подчиненные деда. Всего свободных бойцов подходящего профиля оказалось девять, но мне предложили отобрать лишь пятерых, отталкиваясь от их послужного списка. И я, что логично и обоснованно, отказался.

— При всём уважении, дедушка, но там… — Я кивнул куда-то на юг. — … ждут спасения люди. Сколько я потрачу времени, пока соберу команду, как ты говоришь? Час? А сколько на это уйдет у тебя?

— Пара минут. Но я тебя понял, внук, и хочу сказать, что сейчас твои слова куда больше походят на слова взрослого и ответственного человека, чем мои. — Дед опустился передо мной на одно колено, мягко схватил меня за плечи и заглянул в глаза, словно надеясь таким образом лучше донести до меня сказанное. — Но ты должен помнить, Золан, кем являешься. Мы, я, ты, твой отец и дядя — главная семья, те, кто несёт ответственность за весь наш род. Более семи тысяч сородичей доверились нам, и от нас во многом зависит, как они будут жить, и будут ли вообще…

Было видно, что дедушке трудно даются такие слова. Он долго прожил, вырастил двоих сыновей и дочь, но только сейчас рассмотрел то, что всё это время упускал. Не знаю, что именно, но это что-то сделало его гораздо мягче и тактичнее. Переведя дух, Зар`та продолжил.

— Ты боишься ошибок — и это правильная позиция. Но не пробуя, добиться хоть чего-то не удалось бы даже Первым. Как насчёт того, чтобы вместо этикета включить в программу твоего обучения те из основ управления, к которым у тебя больше лежит душа?

— Не то, чтобы я так уж хотел кем-то управлять…

— Удовлетворишься положением рядового члена в отряде авантюристов? — Дедушка чуть улыбнулся, после чего подмигнул: — А мне казалось, что ты гораздо амбициознее…

— Вообще-то, поначалу я хотел путешествовать один. Доверять непонятно кому свою жизнь… Для такого я слишком недоверчив.

— Если ты откажешься, то я пойму это. Но опыт управления малыми и большими группами людей в жизни лишним никогда не будет, это я тебе как бывший авантюрист говорю.

— Ты?! Авантюрист?!

— Только тс-с, об этом даже твой отец не знает. Но — да, я в течении пяти лет после своего совершеннолетия исследовал северные земли демонического континента в составе команды, собравшейся по пути к месту. Если хочешь, я покажу тебе кое-какие трофеи, оставшиеся с тех времён.

— Хочу! — Ну и плевать, что такое поведение недостойно такого взрослого меня. Узнать, что серьезный и одним своим видом заставляющий окружающих трепетать Зар`та, известный своей любовью к порядку и традициям, был авантюристом… Да если отец об этом услышит, его ж инфаркт хватит! — Но не сейчас. Надо послать отряд…

— Я послал людей ещё до того, как предложил тебе собрать отряд. — Он разве руками, извиняясь. — Извинишь меня за это?

— Это было благоразумно, дедушка. Тут не за что извиняться. — Ну, весьма специфичный способ вовлечь ребёнка в какое-то не особо ему интересное действо, но дедушка старался, так что на кое-что глаза можно и закрыть. — А про обучение, этикет я ведь уже освоил, верно?

— Да, тесты по всем основным моментам ты уже сдал. Остались только танцы, но это тебя ждёт не раньше, чем через пару лет.

— Я не против попробовать научиться руководить, но, дедушка, я категорически против становления главой рода. И с возрастом это вряд ли изменится!

— Конечно, во мне ещё теплится надежда на то, что ты изменишь своё мнение, но получив ту же базу, что и Гериан, ты сможешь хотя бы ему помочь в случае чего. — Звучит логично, но тут главное обставить всё так, чтобы меня плавно не припахали работать во благо рода вопреки моему желанию. — Ну так что, подумаешь? Занятия начнёшь с теории малых отрядов, с того, что нужно авантюристу.

— Хорошо. — Интересно, если у меня будут дети, то их так же придётся уламывать учить то, что им кажется ненужным? Это ж ад! — Я согласен.

— Вот и ладненько. Как насчёт посмотреть на всё то, что мне удалось привезти на этот континент…?

За перебором самых разных вещей, хранящихся в отдельном помещении с закосом под музей, мы провели что-то около трёх часов. Оружие, броня, артефакты, предметы культуры, редкие минералы, книги и даже неиспользованные магические свидки с

редкой, расовой магией — в молодости дед явно был тем ещё хомяком, так как иначе объяснить наличие у него подобных личных, чисто коллекционных запасов я не мог. И ведь в этом мире не было даже намёка на всякие пространственные карманы дробь инвентари, а при попытке отыскать подобное среди навыков системы та в насмешку демонстрировала кукиш. Следовательно, дедушка всё это пёр если не на своём горбу, то в гружёных телегах, и набраться должен был целый караван. С учётом того, что из Рокстоуна к границе северных областей демонического континента на хорошем коне ехать что-то около года, в лучшем случае — девяти месяцев, то один только процесс вывоза трофеев должен был быть тем ещё приключением.

Но в какой-то момент экскурсия подошла к концу. Я посмотрел всё, что мне было интересно и чего можно было касаться руками, — особо едкий череп какой-то рогатой твари, например, трогать категорически не рекомендовалось, а среди демонов из этих костей частенько делали оружие, — и выслушал парочку историй, в изложении дедушки походивших на хроники путешествия по Аду. Если ему верить, — а я верил, — то на континенте демонов тебя сожрать не пытается разве что песок и воздух. Всё остальное, начиная от растений с насекомыми и заканчивая зверьми, опасно даже для сильных людей. В группе дедушки в те годы не было никого ниже ранга эксперта, и при этом отряд неоднократно терял бойцов, в городах добирая новых. В какой-то момент основной костяк с дедом во главе притёрся друг к другу, и потери сошли на нет, но урок для себя я вынес. Даже местные, сильные местные, там мрут как мухи, а кто-то вроде меня, не знающий тамошних реалий, гарантированно отыщет совершенно идиотскую смерть. Так что пока Бригантию, людское королевство, мне покидать очень нежелательно. Даже со всеми минусами птичьих прав, на которых иллити тут поселились, и склонностью людей к интригам, тут всё равно было безопаснее.

— Ознакомься. Проведём первый, ознакомительный урок.

Дедушка протянул мне исписанный мелким почерком лист бумаги. Отчёт как отчёт — глава группы, некто Ривер, сообщал, что до места они добрались без проблем. Выставив охранение в виде троих членов совсем небольшой группы, оставшиеся двое предпочитающих элемент земли магов быстро прочесали лес, за каких-то полтора часа отыскав хорошо замаскированный склад рабов. Согласно заранее полученным инструкциям, отряд связался с «базой» и дождался прибытия поддержки в лице десятки бойцов-иллити, на плечи которых легло сопровождение более чем двадцати рабов в город. В то же время, достигшая

своей основной цели пятёрка перешла к выполнению второстепенной задачи, включающей в себя организацию засады и уничтожение банды, которой был обещан «товар». Отчёт не был богат на детали, но это, скорее всего, было следствием высокого положения моего деда, у которого и на внуков-то времени оставалось немного, а на чтение красочного описания каждого чиха и слова его не было вовсе. Несколько строк, подводящих итог — вот и всё, с чем должен был ознакомиться глава рода. Но кое-что меня сильно заинтересовало, и этим кое-чем были пять печатей на обратной стороне листа.

— Я прочитал, но у меня есть вопрос. Что эти обозначают эти символы?

Два круга, два квадрата и треугольник. Вписанные в контуры этих фигур отличались, но среди них были и похожие друг на друга элементы. При этом печати при касании оставляли после себя ощущение чужой магии, и ощущения эти, опять же, разнились от одного символа к другому. Я не обладал достаточными познаниями в магии, и потому причины мог только предполагать.

— Что ж, видимо, твой наставник-человек не посчитал нужным посвятить тебя в распространенный среди демонов, зверолюдей и всяких достойных магов обычай…

— Или просто не смог. — Вроде уже прошло больше года с тех пор, как дедушка познакомился с моим первым учителем, но его скептическое отношение к наставнику из расы людей нисколько не поменялось. — Дедушка, Глассовер не так плох, как ты считаешь.

— И всё-таки, он, со своими знаниями и жизненным опытом, мог научить тебя много большему.

— Возможно. Но он давал мне всё, что мог, и искренне радовался моим успехам. — Старик и сейчас продолжал обучать меня общим наукам, но его начало подводить здоровье, и в последние месяцы он заметно сдал, передав часть своих обязанностей учителям рода. Фактически, с Глассовером я изучал только естествознание, включающее в себя почти все науки, в моём первом мире получившие отдельные названия. — Не в упрёк тебе, дедушка, но тогда у меня не было особого выбора.

— Это всё слова, Золан. Истинный показатель — прогресс. Ты хоть и тянешь с получением продвинутого ранга… — Тяну? Да я пашу, как конь, чтобы потом не застопориться в своём прогрессе на несколько лет! Толку-то от того, что я перейду на следующий ранг, не освоив всё, что можно и нужно, на начальном? Мой подход, возможно, не особо эффектен, но его эффективность сложно недооценить. В конце концов, я достойно выживал в

тренировочном бою против Целестии, за счёт опыта, навыков и объемов маны сравняв свою, прокачанную, магию начального уровня с классической продвинутой. — … но всего года занятий со мной и наставниками рода хватило для того, чтобы ты сумел заинтересовать Целестию. А она — признанный гений, не поступивший в академию магии лишь из-за политических причин.

— Будто туда одних лишь гениев набирают…

— Целестия претендовала на членство в золотом классе, внук. А это что-то, да значит, если ты ещё не забыл мою лекцию.

— Не забыл. — Сложно забыть о том, что тебя самого сильно интересует. Лучшие наставники, огромные библиотеки и идеально подходящие для учёбы условия — вот, чем являлась академия магии. Классы там подразделялись на железный, бронзовый, серебряный и золотой, и попасть даже в бронзовый для обычного человека было сродни подвигу, а на серебряный претендовала элита. В золотом же классе одновременно состояло дай Всевышний, если десяток человек, обладающих беспрецедентными талантами в области магии. Те, кто выпускался оттуда, не были обычными людьми, и их имена почти гарантированно попадали в учебники истории. Прогрессоры и консерваторы, легендарные наставники или же воины — академия выпускала всех и сразу, не разделяя учеников по факультетам и направлениям. С одной стороны, это объединяло студентов, но с другой, не способствовало полноценному раскрытию талантов каждого индивидуума. Да, даже железный студент мог в дополнение к основной программе выбрать те предметы, что его интересуют, а после попасть в состоящую из ещё четырёх таких же балбесов группу, курируемую отдельным наставником, но разве среди молодёжи так много тех, кто проявляет в учёбе энтузиазм? По себе сужу, ведь мои студенческие годы с учёбой были связаны весьма условно, зато алкоголя и тусовок там было как-то даже слишком много… — Я ведь и сам планирую поступать в академию магии.

— Профессия авантюриста плохо сочетается со студенчеством, знаешь?

— Ну, не всё сразу, дедушка. Я много читал и обсуждал этот вопрос с родителями и Глассовером, придя к тому, что раньше шестнадцати лет поступить мне не удастся, а наиболее реальной является цифра в восемнадцать-двадцать лет.

— И почему же? Мне интересны твои доводы.

— Ну, во-первых, расстояние. До ближайшей академии, в Рилане, ехать минимум три месяца, в зависимости от сезона. Зимой путь можно и на полгода растянуть. — Я загнул первый палец. — Каким бы взрослым я себя не считал, но до шестнадцати

лет или до официального титула мага продвинутого уровня я по законам королевства сам за себя не отвечаю. Присматривать же за мной, с такими расстояниями, будет весьма проблематично, что может вылиться в серьезные проблемы. И это я не говорю о том, что средний возраст студентов в академии Рилана — семнадцать лет, и к двенадцатилетнему ребёнку отношение будет соответствующее. Во-вторых, у меня пока нет определённой цели, ради которой мне стоило бы уезжать так далеко от семьи. Стать сильнее я могу и тут, выучиться чуть ли не на кого угодно — в соседних городах, до которых максимум месяц пути. Ну и в-третьих, начинать строить карьеру авантюриста лучше подальше от крупных городов. В том же Ривене мне может просто не найтись работы, а задания на охрану и сопровождение — совсем не то, чего я хочу. Как-то так.

— Хм. Как и ожидалось от тебя — достаточно разумные доводы. И когда ты планируешь начать свою, кхм, карьеру?

— С двенадцати лет, я полагаю. Если будут проблемы с усвоением знаний и наработкой навыков, то срок можно и увеличить.

— С двенадцати… Рано. Очень рано, Золан. Я понимаю, что сейчас тебе кажется, что через шесть лет ты будешь гораздо сильнее и умнее, но ни силой, ни умом нельзя заменить опыт. — Ох, деда, если бы ты знал, сколько у меня этого опыта… Но — ладно, пока можно и сделать вид, что я всё понял и смирился со своей участью. — Вижу, что ты не согласен с моими словами. И не спорь — я хорошо разбираюсь в людях.

Зар`та широко ухмыльнулся, а я спросил:

— И что тогда? Я ведь правда вряд ли соглашусь с твоими доводами, дедушка.

— Пока от тебя этого и не требуется. Просто учись, а возраст принесёт с собой и понимание. С твоим умом, ты всё поймёшь гораздо раньше своих сверстников. А пока — слушай, я ведь обещал тебе лекцию…

Часть II.

Что ни говори, а кот в любом случае остаётся котом. Что во время глобального переполоха годовалой давности, что сейчас Гарро, бойцовский кот-мутант, принадлежащий, — весьма условно, судя по его своеволию, — моей семье, умчался в закат — и был таков. А маме именно сейчас, в моё заслуженное свободное время, что-то ударило в голову, и меня, вооружив заточенным под один конкретный ошейник-маячок радаром, отправили на поиски своевольной зверушки. Если принять во внимание его совершенно

несерьезный радиус действия в сотню метров, то я сейчас, буквально, болтался по улицам города, словно самурай, у которого нет цели, зато есть путь.

Собственно, у вас может возникнуть вопрос, каким же именно образом обеспокоенная вопросом моей безопасности мама позволила мне вот так просто, в одиночку, покинуть родные стены? На самом деле всё предельно просто. С момента, когда иллити взяли на себя борьбу с преступностью, более безопасный, чем Рокстоун, город, стало трудно отыскать во всей стране. Патрульных было не слишком много, но они были внушительной силы магами, чьи навыки подкрепляла система надзирающих за периметром артефактов, позволивших, помимо всего прочего, организовать нормальную пропускную систему. Объемы уплачиваемых торговцами и путниками налогов выросли практически вдвое за счёт перекрытия всех лазеек, позволяющих попасть в город бесплатно, и за одно только это губернатор дедушку чуть ли не на собственном горбу был готов таскать. Ну и что, что демон? Зато денег-то сколько…!

Если вкратце, то деду, а, следовательно, и иллити, накинули новых обязанностей с привилегиями вперемешку. Выше главы и старейшин рода в Рокстоуне банально никого не осталось, так как всех недовольных где-то с месяц назад перевели в другой населённый пункт, попроще и размерами поменьше. Сослали, короче. И обо всём этом я узнал, запытав деда после того, как родители разрешили мне свободно выходить в город. Парочку условий — не бедокурить и приходить домой до заката — я за таковые даже не считал, так как это само собой подразумевалось. Независимо от того, во сколько я ложусь спать, побудка — ровно в пять утра, вместе с солнцем, так что я был кровно заинтересован в соблюдении режима.

Но гулять мне, определённо, нравилось, пусть я и был лишен значительной части удовольствий из-за своего возраста. Пить — нельзя, а уж о знакомствах с закономерным продолжением и речи не шло. Зато природа тут красивая, этого не отнять.

Шёл второй час моего размеренного патрулирования, когда совершенно неожиданно для меня радар ожил, заставив меня обратить свой взор то ли на какой-то храм, то ли на стилизованное под него поместье. Судя по активному мерцанию «радара», Гарро находился в этом здании, и потому у меня встал резонный вопрос: что он там делает? И не будет ли проблем с хозяевами, к которым пробралось животное, способное и здоровую собаку задрать? Дилемма: мне всего шесть лет, и более-менее серьезно меня могут воспринять разве что за счёт нашивок на одежде, определяющих мою принадлежность к роду иллити.

Ладно, где наша не пропадала — в крайнем случае воспользуюсь своим привилегированным положением, попросив помощи у одного из патрулирующих город иллити. Мне, как внуку главы и Генералу-Палачу, разрешается и не такое.

Постояв пару минут перед калиткой, я покашливанием обозначил своё присутствие и направился к двери, надеясь, что тут живут адекватные люди, которые не станут кидаться на ребёнка с разрушительным потенциалом танка.

— Извините, есть тут кто-нибудь?

Ни на стук, ни на громко заданный вопрос никакой реакции не последовало, и мне бы стоило или подождать, или развернуться и уйти, но что-то задержало меня на пороге, а после в недрах здания раздался женский крик вперемешку с рычанием хищного зверя.

Котик, надеюсь, это не ты решил полакомиться человечиной…

Часть III.

В дом я не то, чтобы ворвался, но и не вошёл, как нормальный человек. Распахивающаяся наружу дверь с грохотом захлопнулась, стоило мне только переступить порог. Следом вспыхнула вереница шаров под потолком, осветивших путь и позволивших мне рассмотреть несколько закрытых дверей по обе стороны коридора. Одновременно с тем где-то слева раздался рык вперемешку с визгом, и радар перестал пищать. Предвещая недоброе, я будто подруга мамы в прошлом начал быстро осматривать все комнаты, покуда не осталась лишь одна — самая дальняя, массивная и запертая то ли на замок, то ли на засов. Так или иначе, но мне оставалось только силой пробиться внутрь, что я и сделал, срезав дверь с петель вопреки наличию укрепляющих рун. Толку-то от них, если защищалось лишь само полотно двери, в то время как крепления были беззащитны? В крайнем случае, можно было и магически незащищенную стену повредить — долгий метод, но абсолютно зффективный.

Но вот я, под грохот проваливающейся в комнату двери, с активированным неполноценным доспехом комбинированной стихии перекатом ушёл в сторону. Пролетевший где-то рядом с моей головой чешуйчатый хвост, увенчанный явно бронебойным и противотанковым шипом, изничтожил всякую надежду на мирное урегулирование конфликта. В противоположной части комнаты, прижавшись к массивному комоду, сидела маленькая девочка, примерно моя ровесница. А перед ней, в луже смешавшейся красно-зелёной крови, лежали останки моего кота и какой-то женщины. При этом от последней осталось совсем

немного — неведомая тварь, дико похожая на химеру, успела пару раз её укусить с целью отобедать. Вот только откуда она тут взялась, если комната — явно просто детская, с самыми обычными дверьми и парой крошечных окон, сквозь которые даже голова такого монстра не пролезет?

— Стена! Таран!

Первым делом я закрыл беззвучно всхлипывающего ребёнка каменной стеной, после чего мощным ударом камня, выстрелившего из-под половиц, пробил в стене дома выход прямо на улицу. Выпустить девочку, не дав ей умереть — моя первоочерёдная цель несмотря ни на что, но вот так оставить монстра пиршествовать на трупах я не мог. Совесть ли, или дурная черта характера, но в моих силах было предотвратить осквернение мертвых, и я не собирался игнорировать зту возможность.

— Беги! И позови кого-нибудь из стражи!

Вот только плачевное состояние девочки ввергло её во что-то вроде полного безразличия к окружающему миру, и ни моё появление, ни разрушение стены даже не заставили её оторвать взгляд от окровавленных и разорванных тел. С заподанием, но я сообразил возвести ещё одно препятствие, отделив ребёнка от останков дорогого ему человека. Помогло ли — знать не могу, так как моей концентрации хватило лишь на выпуск крыльев, запуск куда-то в небо рванувшего на манер фейерверка огненного шара и сразу последовавший за зтим манёвр уклонения. Избежав острейших когтей монстра, я наконец-то смог как следует оценить его габариты и прикинуть возможности для планирования стратегии сражения.

Итак, химера. Тело длиной в пять метров, постоянно прибывающий в скрученном состоянии и оттого не поддающийся точной оценке хвост, сложенные на спине крылья, слишком маленькие для основанного на одной лишь физической силе полёта, и четыре мускулистые лапы с не особо длинными, но толстыми, отливающими металлом когтями. Если мне не изменяет память, то таких тварей готовили или для убийства пользователей праны, или для устранения магов. В зависимости от цели отличались и особенности внутреннего строения организмов зтих короткоживущих, но обладающих внушительной боевой зффективностью рукотворных чудовищ. Если этот зкземпляр — убийца магов, то адекватно ему противостоять я не смогу. И способ проверить это лишь один: ударить чем-то серьезным, и посмотреть, повредит ли атака химере, или та её поглотит, направив в ответ что-то равноценное.

Взмахнув крыльями и сдвинувшись ближе к дыре в стене, я

окончательно приковал к себе внимание монстра — и с обеих рук отстрелялся градом камней с увесистыми льдышками вперемешку. Несмотря на высокую пробивную способность, все снаряды отскочили от толстой шкуры химеры. Но она их не поглотила, так что в этот раз судьба дала мне чуть больше шансов.

И — нет, умирать я здесь не собирался. Так или иначе, но выжить я точно сумею. Но вот слова дедушки о долге и о том, что сильные должны помогать слабым, не позволяли мне схватить девочку и сбежать. Сколько будет жертв, если химера вырвется на улицы безо всякого контроля? За пятнадцать секунд буйства она разорвёт десяток человек так уж точно, и даже последующее убийство монстра прибывшими магами-иллити не вернёт жизни павших. Сколько времени я смогу выиграть, сражаясь на пределе своих сил? Определённо, немного. Мелкие снаряды из камня и льда бесполезны, но можно попробовать огонь или комбинированные преобразования, с их помощью надёжно зафиксировав химеру… Или, что звучит намного реалистичнее, задержать хотя бы на минуту.

О конкретизации плана не шло и речи, так как ждать монстр не желал, и, протяжно взрыкнув, ринулся прямо на меня. Одним невербальным заклинанием я приподнял участок пола под собой повыше, одновременно отрезав химеру от улицы и окончательно упаковав девочку в надёжный гроб из камня, который даже такой махине пробить будет сложно. Главное теперь — озаботиться позиционированием, чтобы ненароком не зацепить ребёнка. Обычными своими атаками я ей вряд ли повредю, но её укрытие не абсолютно, остались отверстия для воздуха, так что тому же огню есть, куда забираться…

Струя огня сорвалась с моих рук и встретилась с порядком разогнавшейся химерой, но даже прямой контакт всего лишь оставил несколько подпалин на её шкуре, а попытка возвести на её пути стену успехом не увенчалась. Весящая несколько центнеров тварь на удивление ловко обогнула препятствие, вдобавок чем-то в меня плюнув. С учётом того, что камень эта слюна разъедала диво как хорошо, я поспешил сместиться в сторону и в будущем не оставаться прямо перед мордой опасного хищника.

Но физические кондиции химеры всё равно поражали. Я, со своим физическим усилением, являющимся аналогом высокоранговой магии, едва поспевал за её скоростью, и не дал ей к себе подойти исключительно за счёт возможности изменения рельефа нашего не самого просторного поля боя, от которого, к слову, практически ничего не осталось. Сам дом грозил

обрушиться с секунды на секунду, так что я, скрепя сердце, решился перевести схватку наружу.

— Бегите! Живо!

Когда я пулей вылетел на улицу, полтора десятка человек, оказавшихся неподалёку, оказались достаточно благоразумными, чтобы сразу начать разбегаться в разные стороны. Остался только какой-то парень, уже вытащивший из ножен меч с очень широким и коротким лезвием — видно, он посчитал, что ему под силу справиться с заточенной против воинов химерой.

Идиот, превратившийся в мёртвого идиота даже быстрее, чем я успел сориентироваться и как-то его прикрыть. Обломки меча валялись на земле вместе с сорванными чудовищным ударом доспехами, а сам мечник лежал на земле с развороченной грудью. Он просто не поспел за скоростью врага, и не сумел компенсировать свою слабость силой или крепостью тела.

В который раз удивляюсь, насколько глупой может быть чья-то смерть. Он всего лишь решил защищить меня, — внешне беспомощного ребёнка, — но оказалось, что такой бой ему не по силам. На примере убедившись, сколь легко один-единственный пропущенный удар способен отправить к праотцам, я стал действовать гораздо осторожнее. Первым делом затянул все четыре лапы химеры в ставший жидким, а после затвердевший камень, а за выигранные доли секунды перекрыл улицы и частично, на сколько хватило времени, закрыл камнем жилые дома. Если удастся лишить её маневренности за счёт постоянного контроля, то окончание боя не заставит себя долго ждать. Но мне резко стало не до смеха, когда химера расправила крылья — и полностью проигнорировала ещё одно каменное болото. Она не летала, но и по земле не ходила, паря над ней за счёт каких-то своих уникальных сил.

Парила — и приближалась, сводя на нет все мои попытки её остановить. Закрепившиеся на её шкуре комки магмы лишь распалили хищника, а выданной практически в упор перекрёстной волне удалось выбить химере правый глаз. И, возможно, именно это спасло мне жизнь, так как перед столкновением я успел сместиться в слепую зону. Когти на лапе твари меня просто не задели, но столкновения с мягкой частью лапы зверя хватило, чтобы отправить моё тело в полёт, пробив им же перекрывающую улицу каменную стену.

И влетел я прямо в толпу зевак, переломав много костей и, скорее всего, забрав пару жизней. Идиоты!

Сунувшейся следом химере я заморозил морду и намеревался уже претворять в жизнь безумный план по заманиванию оной обратно в огороженную зону, но в схватку вмешалась третья

сторона. Прибыла кавалерия, заметившая, что мою магию тварь не поглощает, и потому сходу вдарившая очень мощным, точечным Взрывом магмы. И это не мои тщетные попытки, а совершенно другой уровень боевых чар, которых хватило, чтобы напрочь оторвать химере лапу и оставить на её мощном, защищенном теле множество глубоких ран.

— Резерв?

— Половина. В руинах дома с зелёной крышей девочка в каменной тюрьме. На улице, возможно, ещё жив вмешавшийся мечник.

Чем чёрт не шутит? Пользователи праны по определению крепкие и трудноубиваемые, так что в случае, если удар не задел сердце, парень может быть ещё жив.

— Вытаскивай девочку и, если возможно, парня. Доставь к ним. — Маг-иллити скользнул взглядом куда-то в сторону. Позади него как раз подтянулся дипломированный целитель из авантюристов — соответствующую форму и нашивки меня заставили выучить ещё очень давно. Целителей ценили, и знать, как отличить их от других магов, было реально важно. — С химерой я разберусь.

Опытный, очень опытный маг пришёл мне на выручку. Для осознания этого факта мне хватило и одного того, что во время нашего короткого разговора монстра, разрывающего камень словно пластилин, удерживали на месте вновь и вновь преобразующиеся из камня цепи. Полезная магия, которую я обязательно выучу. Может, и под мой ранг удастся подогнать…

— Сделаю.

Удостоверившись в том, что никому из переживших столкновение со мной людей не нужна помощь, я взлетел и перемахнул через собственноручно созданную преграду. Торчащее среди обломков укрытие ребёнка я заметил сразу же, но моё внимание приковала пара других объектов, которых тут, объективно, быть не должно. Такая же, как первая, но другой расцветки, химера активно шкребла лапой по каменной тюрьме, в то время как ещё одна её товарка поменьше размерами наблюдала за мной, высунув голову из-под обломков. Две химеры разом. Кого, интересно, из местных богов я уже успел прогневать…?

Но предаваться унынию было некогда. Передо мной стояли новые враги, а маны в резерве, тем временем, осталось всего — ничего. Чуть меньше половины. А химер, между тем, меньше не становилось, и дальше продолжать за мной наблюдать они не собирались. Та, что покрупнее, уже отбросила старую игрушку и лениво направилась в мою сторону, в то время как мелкая

продолжала сидеть в укрытии. Как бы не оказалось потом, что именно карликовый экземпляр и является наиболее опасным. А что? Вполне естественный для многих историй поворот сюжета, когда проблемы приносит тот, от кого их совсем не ожидаешь. Вот только я едва ли такое переживу: слишком слабый, чтобы допускать ошибки. А это значит, что вариант у меня один.

Резко опустившись на колено и припечатав ладони с кончиками крыльев к земле, я зафиксировал крупную химеру в жидком камне, а её мелкую подружку упрятал в тюрьму из камня со стенами толщиной в полтора, что б его, метра, угрохав на это действо сразу двадцать процентов своего резерва. Так много потому, что тут требовалась скорость, сожравшая значительную часть маны. Зато теперь я мог не беспокоиться на счёт мелкой особи, сосредоточившись на крупной, которая тем временем уже освободилась из ловушки и длинными прыжками приближалась к такому беззащитному мне. А вот хрен там плавал!

Взлетать я начал сразу после того, как по морде химеры оттарабанили очень мелкие, но разогнанные до предела осколки льда. Глаза, по которым я метил, выбить не получилось, так как монстр благоразумно довернул голову, спрятав свои буркала, но меня из виду химера потеряла, что позволило мне взлететь.

С места набрав максимальную скорость, я чуть было не впечатался в уже добившего химеру мага, тут же выдав:

— Там ещё две химеры! Такая же, и одна помельче!

— Две? Уводите жителей!

Последняя фраза была обращена к стянувшимся сюда магам рангом пониже, да залётной группе авантюристов, которым, кстати, целительница и принадлежала. Они весьма недурственно взяли её и раненых в кольцо, отгородив, таким образом, ото всех угроз. Единственным "но", на мой взгляд, была совокупность силы и скорости химер, с которыми даже мне со всеми моими возможностями совладать было нереально. Как показала практика, серьезные раны зтим тварям обеспечить способен лишь маг уровня зксперта, и, по аналогии, пользователь праны нужен сравнимого ранга. Всё, что ниже этой планки, химерами практически игнорируется.

Выбитый глаз я в счёт не брал, так как это был ход на грани: напитанное маной до предела заклинание около-продвинутого уровня, выпущенное в упор…

Тем временем события набирали обороты, и рядом с изрубленным, обожжённым до состояния уголька трупом первой химеры встала ещё одна, каким-то образом определившая виновного в смерти подруги. Стремительным рывком монстр сблизился с магом — и чуть было не насадил того на свой хвост.

Лишь в самый последний момент иллити успел среагировать, закрывшись полупрозрачным универсальным барьером, в котором и увяз шип. Но кинетическую энергию защита поглотить оказалась неспособна, и наш главный защитник отправился в крайне непродолжительный полёт, закончившийся жёстким столкновением с землёй. Уповая на то, что этот маг освоил-таки укрепление тела на достойном уровне, я оттолкнул химеру назад возникшим под её же брюхом каменным шипом, добавив сверху тонны так полторы воды, окутавшей монстра и превратившейся в крепкий лёд. Однако, это сработало!

— Я очень надеюсь, что ты жив, ведь иначе нам…..ц !

Скороговоркой выдал я, заглянув в образованную отброшенным магом траншею. К счастью, наша последняя надежда пребывала в сознании, и целительница, уловившая мою невысказанную мысль и последовавшая за мной следом, всего одним заклинанием окончательно привела мага в чувство.

— И откуда внук главы знает такие слова, а?

— Меня это тоже сильно интересует. Неужто любимый Клари Зол испортился?!

Я перевел взгляд на особу, выдавшую такое, и понял, что это та самая зверолюдка-лиса, которую я активно пытался убить год назад. Но я гробу видал такие совпадения! Чувствую себя школьником, который выругался перед друзьями родителей!

— Я тоже рад вас видеть… — Еще бы ее имя вспомнить, и было бы вообще замечательно. — … но я в некотором роде занят. Рольф, готов продолжать?

— Всегда готов. Работа такая, ети её…

С этими словами маг, чье имя я вспомнил пытаясь провернуть то же с лисой, умчался к почти вырвавшейся изо льда химере, а я в который уже раз расправил крылья, направившись ко все тем же руинам — рассаднику химер…

К счастью, мои опасения не подтвердились, и никого, кроме живой и, кажется, даже уснувшей девочки в радиусе полусотни метров не было. Освободив её из каменного плена, я подхватил ребенка на руки и взмыл в воздух, подоспев как раз к моменту, когда вторая крупная химера практически отошла в мир иной, и от меня требовалось выпустить третью по счету, оказавшуюся самой беспомощной последнюю.

Скоротечная битва закончилась, но началось расследование, расстянувшееся на долгие… А, не буду спойлерить — сами все и узнаете!

Глава 7. А для разгребания последствий-то лопата нужна!

Часть I.

Честно говоря, я считал, что за четыре года, прошедшие с того момента, как я впервые в этом мире открыл книгу, мне удалось познать возможности магии хотя бы теоретически и в общих чертах. И каково было мое удивление, когда оказалось, что магическая аномалия — это не определение чего-то крайне редкого и оттого неизученного, а название магического эффекта, специально повторить который просто невозможно. Появление трех химер в черте города из ниоткуда — одно из таких происшествий, носящий название магической аномалии распаковки. Чем, на самом деле, подпитываются артефакты вроде особо ярких светильников, которым естественного магического фона маловато будет? Конечно же, от накопителей, в этом мире принявших вид таких брутальненьких, угловатых непрозрачных камней разных оттенков, но неизменно соблюдающих простую тенденцию: чем темнее оттенок, тем больше маны может принять камень. Единожды влив магию в предмет, человек не может вновь ею воспользоваться, подзарядившись, например, прямо посреди боя. эта мана перестает быть индивидуальной, и применить её становится возможно только и только в артефактах.

Внимание, вопрос: откуда берутся накопители? Люди их производить, к слову, не могут совершенно. Даю подсказку, — я ж просил мир с авантюристами и всем полагающимся? — и три секунды на раздумья. Три, две, одна.

Внимание, ответ: в подземельях всех мастей. Они там просто произрастают, окруженные дармовой маной и толпами откормившихся на таких-то харчах монстров. И авантюристы добывают лишь малую часть накопителей из-за давным-давно появившихся компаний, выкупивших себе земли с относительно безопасными и хорошо изученными подземельями и начавшими их использовать в качестве дойных коров. А что? Монстров повывел — и радуешься, собираешь барыши, периодически отбиваясь от конкурентов, которым приглянулась твоя ферма. Прибыль постоянна и высока, урожай не может пропасть, а с годами камней нужно всё больше — они ведь изнашиваются, как и всякая батарейка.

Полученные таким образом накопители лицензируют в

торговых гильдиях и у правителей стран, на территории которых ведутся раскопки, и покупатель может быть уверен, что это именно накопитель, а не киндер-сюрприз с неясным содержимым. Ведь выглядят манахранилища как камни, а это, я бы сказал, весьма растространенный образ, которому соответствует целая уйма всяких, далеко не всегда безопасных, вещей. Как следствие — во все более-менее крупные города под страхом огромных штрафов и тюремных сроков запрещали провоз несертифицированных накопителей. И раскрытие целой партии дешёвых контрабандных камней именно в Рокстоуне сулило страшнейние анальные кары всем чиновникам, восседающим на пропускных пунктах. Как-никак, наш неофициальный город был важным для торговли, но отнюдь не единственным вариантом. Появление монстров в его черте незадолго до окончания торгового сезона — это звоночек, который может закончиться весьма печально для нас, если караваны начнут от греха избегать Рокстоун…

А они начнут, так как монстров обычные люди действительно боялись. А попробуй тут, не бойся, когда даже рядовой зверь, напитанный маной, уже становится буквально неуязвимым для обычного человека, и без напитки оружия той же праной его шкуру уже пробить будет невозможно. А магические способности пусть и есть у каждого разумного существа в мире, но их развитием зачастую начинают заниматься в зрелом возрасте, когда это становится в разы менее зффективно. Я, Гериан, Целестия и редкие дети-маги — исключения, подтверждающие правила. Всего лишь десятая часть ото всех людей обладает возможностями и подходящим складом разума, начиная изучение магического искусства с раннего детства.

Вот и выходит, что даже размытая перспектива встречи с настоящей химерой, занимающей по общемировой классификации B-ранг, он же серебряный, воспринимается всеми в штыки. Торговец лучше сделает крюк, потеряв на том неделю, нежели рискнет встретиться с монстрами. Ведь в охрану здесь, в столичном регионе, не нанимают каких-то сверхлюдей. Обычные воины, даже не пользующиеся праной, и, в редких случаях, маги максимум продвинутого ранга. От бандитов и дикого зверья отбиться хватит, но стая мана-волков их уже разорвёт.

Так как пресечь распространение слухов не удалось из-за большого числа жертв и обширных разрушений, — а три химеры — это только вершина айсберга, ибо в тот же день на свободу вырвалось ещё несколько монстров, — было решено предотвратить дальнейшую распечатку монстров из лже-накопителей путём изъятия и тщательной проверки оных.

Несмотря на начавшиеся волнения, ситуацию удалось взять под контроль, и новых нападений не было уже пять дней как при том, что случай с химерами и моим личном участии в их убийстве произошёл восемь дней назад. Больше мне подраться не довелось, так как и с парочкой хоб-гоблинов, и с гигантской змеёй усиленные патрули справились моментально. Да и находился я в моменты прорывов дома, так как в город мне выходить без серьезного повода запретили.

Сейчас же я проводил освободившиеся от части занятий часы в кабинете деда, на пару с Герианом разбираясь с отчётами и сортируя их о важности. Наиболее интересная информация шла на стол дедушки, откровенный хлам — в стопку на утилизацию, а остальное, то, что с серединки на половинку, мы тщательно изучали и выписывали самое важное, добавляя получившиеся записки к первой категории.

Рутинная работа с документами, к которой нас решили слегка приобщить. Вернее, приобщить решили братишку, как неистово желающего занять пост главы рода, а я время от времени присоединялся к нему, когда моральных сил практиковать магию больше не было, а болтаться без дела просто не хотелось. Гулять-то нельзя, читать — я перечитал уже всё, что мог сейчас понять и до чего меня допускали, а спарринговать было не с кем, так как всех свободных боевых магов вывели в поле для лучшего контроля ситуации.

— У меня последний лист! — С гордостью в голосе заявил Гериан, с шумом отодвинув стул и встав из-за стола. Но улыбка его увяла, когда дед протянул ему ещё одну. — Может, хватит на сегодня?

— И чем мы будем заниматься? Ты-то ладно, а мне — скучно. — Прибедняюсь, конечно, но делать-то и правда нечего! По крайней мере из того, чего мне бы хотелось. В такие моменты взрослые люди идут и пропускают через себя кружку-другую кое-чего живительного, но этот вариант был недоступен из-за возраста. — Дедушка, может, устроишь нам зкскурс в историю клана? Который на десятилетие положен?

— Увы, Золан, но того времени, что вы выгадали своей помощью, едва ли хватит. Но если вам и правда так уж скучно, то что насчёт посещения одного праздника сегодня вечером?

— Что отмечаем?

— Праздник? Я за!

Вопрос задал ваш покорный слуга, а вот согласился без предварительной разведки Гериан, которому жизнь толковых подлян поставить не успела. Я же по одному лишь хитрому прищуру деда понял, что и этот праздник он собирается

превратить в урок.

— Праздновать будем прибытие барона Кеплеста, и, так как Гериан уже согласился, а люди чести своё слово назад не берут, о пойдёт туда со мной… При полном параде и соблюдая все положенные нормы поведения.

— Не расстраивайся, братишка — это тоже своего рода урок. Никогда не соглашайся на предложения сомнительных личностей до того, как тщательно их расспросишь !

— Но… это же дедушка?

— Это не помешало ему тебя надурить, разве нет?

Против такого аргумента Гериан не попёр, яростно зыркнув на недобро ухмыляющегося деда. Тот в ответ пожал плечами — и обратил свой взор на меня.

— А ты, Золан, пойдёшь вместе со своим отцом. Он будет присутствовать на приёме как глава городской гильдии алхимиков, но ему нужна как минимум пара сопровождающих.

— Которыми будем мама и я? Дедушка, это уже урок интриги или ты сам по себе такой… хитрый?

— Будешь дерзить, внучек, и я устрою тебе еженедельные приёмы без возможности отказаться. Устраивает?

— Я всё понял, достопочтенный дедушка. Ко скольки потребно прибыть к залу для празднеств?

— Дед, а, дед. — Гериан перевел взгляд с меня на дедушку и обратно. — А Зол в цирке никогда не выступал?

— Если только напару с твоим отцом, Гериан. По крайней мере, столь резкая смена поведения свойственна именно Амстеру. Волан в разы более прямолинеен. — Никогда не подозревал брата в родстве с хамелеонами, но так менять лица ни людям, ни демонам в принципе не свойственно. — А если серьезно, то тебе, Золан, можно прямо сейчас идти к отцу и начинать готовиться. Ты же, Гериан, сейчас пойдёшь со мной. Как претендующему на место главы рода, тебе нужно подобрать особый образ.

— Золан! Не бросай меня, брат…!

Я сбежал из кабинета, ни разу не оглянувшись. Демоны не ведают жалости, да и честно скомунизженный из кабинета листочек с отчётом по одному из пострадавших в инциденте мантикор показывать у меня желания не было. Та девочка, которую я вытащил практически из пасти монстра… В отчёте писали, что она замкнулась в себе, отказывается и пить, и есть, а лекари ей помочь не в силах. Пока её кормят искусственно, но как долго это продлится в жестоком и не терпящем слабость мире? Дедушка далеко не настолько милосерден и добр к кому-то кроме своей семьи, а уж с людьми он и вовсе общается лишь по необходимости. Попрошу его организовать встречу — и он, я

уверен, отправится со мной, а одной его ауры хватит, чтобы морально раздваленный ребёнок прямо там помер от сердечного приступа. Короче, мне куда проще самому наведаться в госпиталь, переделанный из барака, и поговорить с врачами, дабы проверить свою теорию. Попаданец я или куда? Спасенные мною девушки, — пусть та девочка является девушкой лишь в далёкой перспективе, я к зрелости не намного ближе, — должны гарантированно вешаться мне на шею, а парни — клясться в верности. Иначе законы мироздания будут нарушены, и вселенная схлопнется.

Ну, на самом деле я должен был хотя бы попытаться реанимировать ребёнка, на глазах которого погиб единственный родной человек и, до кучи, кот, уже давненько живший на два дома. Повезёт, если хватит одного только моего вида, чтобы девочка вышла из ментального стазиса. Иначе придётся что-то говорить, а я даже не знаю, какими должны быть эти слова. Не доводилось мне, понимаешь, утешать людей, расстроенных чем-то большим, нежели хвост в зачётке.

— Здравствуйте, могу я навестить одного вашего посетителя? Девочка с инцидента мантикор, сирота, около шести лет. — Обратившись с такой речью к беловолосой женщине-иллити во врачебных, а не целительских одеждах, я продемонстрировал ей отчёт. — Тут говорится, что ей ничего не помогает, и я решил попробовать с ней поговорить. Я её тогда спасал.

И, возможно, всё усугубил, вовремя не переместив её подальше от трупа матери или хотя бы не перекрыв ей вид. Но говорить и размышлять об этом сейчас — значит ворошить прошлое, которое всё равно нельзя изменить.

— Вы — господин Золан? — Не дождавшись моего ответа, женщина встала из-за своего стола и сделала пару шагов по направлению к коридору. — Прошу за мной. Но не надейтесь на чудо, ребёнка сильно травмировали события того дня. Подумать только — мать загрызла химера, а потом ещё и отец погиб, попытавшись её остановить.

Отец? А не тот ли это мечник, всё-таки погибший от пропущенного удара на месте?

— Её отец не высокий, молодо выглядящий брюнет? Мечник?

— Да, именно он. Был железным… простите, авантюристом С-ранга.

Видимо, эта докторша много времени провела на континенте демонов, раз естественно использует их классификационную систему. Не самую точную, на мой взгляд — всего шесть рангов, от железа до алмаза.

— Возможно, вы знаете об их семье что-то ещё?

— Увы. Я знаю только почившего отца семейства, но о мёртвых — только хорошо. Ещё раз простите.

— Ничего, спасибо вам.

Мы миновали несколько однотипных дверей, дойдя до практически последней из них. Насколько я знал, ближе к выходу всегда располагали наиболее здоровых — для того, чтобы во время эвакуации спасти тех, кого реальнее быстро поставить на ноги. Повелось это ещё черт знает с какой человеко-демонической войны, но закрепилось даже в гражданских госпиталях и больницах. Удобно, если речь идёт об определении степени запущенности болезни или раны для родных попавшего в эти стены человека.

— Прошу. Как поговорите — найдёте меня на месте, расскажете, вышло ли что-то путное и были ли реакции на определённые слова.

— Хорошо.

И вот дверь за мной захлопнулась, оставив меня наедине с практически моей ровесницей, обычной девочке, которой не повезло близко познакомиться со смертью в таком возрасте.

— Привет. Помнишь меня? — Я подтащил к кровати стул для гостей, усевшись в него на манер седла, где спинка выступала шеей лошади. — Я пришёл тебя навестить. Говорят, что ты замнкулась в себе…

Боже, что я несу? Но вот так сразу начинать нести мотивирующую чушь не было никакого смысла. Нужно сначала хоть как-то привлечь внимание. А тут — вот вообще никакой реакции. Сидит, да смотрит в окно неотрывно…

Я с минуту посидел в раздумьях, покуда не дошёл до самого очевидного. Нет реакции? Есть! Она хоть и молчит, но смотрит в окно, а это уже кое-что.

— Не возражаешь против небольшой прогулки? — Тишина. — Ну, молчание — знак согласия. Потом только не ругайся, ладно?

Я подошёл к ребёнку и скинул с неё одеяло, как есть, в больничном платье в пол взяв её на руки. Если бы я летал не за счёт крыльев, то можно было бы и на спину её взять, но — увы, полёт сам по себе был возможен только так.

Скрипнули створки окна, а спустя три секунды я уже выпрыгнул на улицу, под возмущённые кники какого-то санитара взмыв в воздух. Я отдавал себе отчёт в том, что в одном лишь платье девочка может простыть, но тут речь шла о жизни и смерти, а от простуд точно не умирают. Тем более, я и согреть могу. Магией.

Взмах, ещё один — и вот уже с высоты птичьего полёта виден город, с трёх сторон окруженный степями, и с одной — лесом,

преследующим реку, на изгибе которой и возвели Рокстоун. Но земля — это земля, по ней ходят все люди, и все люди же её видят, ощущают, чувствуют. Небо же — совсем другое дело. Бескрайнее, голубое, перемежающееся редкими, хлипкими облаками, вблизи оно поражало воображение. Крошечные точки птиц над и под нами лишь подчеркивали настоящие размеры окружающего нас небесного мира, а сияние солнца согревало не тело, но душу. Я же с самого начала взлетал всё выше и выше, в какой-то момент вынужденно закутав нас в кокон, состоящий из тёплого воздуха. Мы уже почти пронзили облака — оставалось всего несколько метров, когда молча взирающая на всё с горящими глазами девочка вдруг потянула меня за шиворот, тихо, но между с тем пронзительно прошептав:

— Ты ангел? Мне пора к маме?

Я не спрашивал себя, как можно принять существо с такими крыльями за ангела — лишь слегка изменил направление движения на параллельное земле, чтобы не пересечься с облаком, и максимально спокойно и доброжелательно ответил:

— Нет, тебе ещё рано уходить к маме, Лилиан. — Имя было указано в отчете, и запомнил я его ещё при первом прочтении. — Ты должна жить, чтобы после рассказать о своих приключениях родителям.

— Но я хочу к маме и папе!

Обычная девочка. Совершенно обычная. Ей не подходит такая судьба, но мироздание решило иначе. Именно мироздание, а не боги, ибо те обладают властью далеко не надо всеми аспектами существования.

— Но они не хотят, чтобы ты прямо сейчас отправлялась к ним. Тебе отмерен большой срок… — Хоть бы это было так! — … и ты должна вырасти и прожить его весь. Прожить счастливо, так, как сама хочешь. Хорошо?

— Жить… Больно.

— Сейчас — да, тебе больно, но эта боль не будет длиться вечно. Рано или поздно, но её сменит радость. Жизнь сама по себе такая, полосатая. Прямо как волосы одной моей знакомой.

— Полосатые волосы? Как это?

— Если хочешь, я тебе потом покажу. Но ты должна пообещать мне, что не будешь грустить.

— Тогда возьми меня с собой! Ты ведь живешь на небе?

— Ну, я живу внизу, в городе.

— Так ты не ангел? А почему тогда летаешь?

— На самом деле я демон, а летаю потому, что некоторые из нас так умеют…

— Нет, ты не демон! Демоны — плохие! А ты хороший и

летучий!

Летучий — прямо как газ, ага. Но из её слов следовало, что даже проживающие в Рокстоуне семьи не всегда хорошо относятся к демонам. Хотя стоило бы, ведь это место не превратилось в криминальное, коррумпированное донельзя гнездо только за счёт присутствия обособленной силы — иллити.

— Не все демоны плохие. Но я правда не ангел.

— Но ты ведь возьмешь меня с собой?

А что мне мешает? Ну, человек она, так кто, кроме деда, что-то посмеет мне сказать? Да и я не под венец и не в постель её тащу — всего лишь присмотрю, что б это маленькое чудо не сгинуло в одиночку. Может, научу чему полезному — будет помощь, ведь не везде можно брать с собой взрослых сопровождающих…

— Да. Возьму, если ты правда этого хочешь. Но если кто-то будет тебя обижать, то сразу говори мне, ладно?

Секундная пауза — и на лице девочки появляется улыбка, омрачённая сплошным потоком слёз перенесённого горя. Не знаю, как долго ребёнок копил в себе всю ту боль, но сейчас она решила всё это выплеснуть — разом, так, чтобы вспоминать о родителях с радостью в мыслях. Я же мог лишь лететь, бережно удерживая свою ношу на руках, и благодарить Всевышнего за то, что я не застрял навечно в круге перерождений, и сейчас оказался здесь, там, где был нужен. Вот так всё просто. Крупица усилий — и одна спасённая жизнь взамен тех, что я не сумел сохранить из-за собственной слабости.

Что ни говори, а я всего лишь человек, переживающий за свои ошибки и временами взирающий в прошлое с мыслями…

А что, если…?

Часть II.

Пулькой вернувшись в госпиталь и заявив, что забираю ребенка на свое попечение, — не передать, как на меня там смотрели, не возражая лишь из-за моего положения в обществе, — я не менее быстро вернулся домой к деду, сдав девочку на руки Файе с наказом привести её в порядок и относится как к гостье. Сам же я слинял к отцу, но голова так и полнилась мыслями о новом обязательстве. Может, обосновать её присутствие обучением ну очень личной служанки? Дед-то не поверит, но для старейшин рода может прокатить. Правда, к ней и относится будут даже хуже, чем к наложнице… А удочерять детей мне малость рановато. Куда взгляд ни кинь — всюду клин.

Ладно, спрошу у отца во время приема. Туда мне идти в

любом случае, а так будет польза лично для меня. И — да, я не считаю сомнительные знакомства с аристократией и якобы бесценный опыт выходов в свет сколь-нибудь полезными. Может, Гериану это и надо, но точно не мне.

— Отец! Дедушка отправил меня на сегодняшний приём в качестве твоего сопр… — Ворвавшись в лабораторию, я застал там не только отца, но и маму. Находились они на стадии активной подготовки к тому самому, так что я быстро закрыл дверь, скороговоркой оттараторив: — Дичайше извиняюсь! Буду у себя в комнате!

Преодолев коридор и поднявшись по лестнице, я только-только вошёл в свою комнату, как меня настиг отец. Выглядел он не очень, и предстоящая речь вполне могла его добить, так что я сыграл не опережение.

— Пап, не надо. Об этом я знаю всё, что ты можешь мне рассказать, и даже больше. — Насильник и работорговец вели отнюдь не праведную жизнь, так что это само собой разумелось. — Да и братика или сестричку мне всё-таки охота, так что я подожду тут. До приёма ведь ещё много времени?

— Достаточно…

Я, пользуясь состоянием отца, вытолкал его за дверь…

— Вот и используйте его часть с пользой. Успехов !

… и захлопнул её, только после этого позволив себе тихо рассмеяться. Страшно представить, что творится в голове у отца, которого собственный шестилетний сын прямым текстом отправил размножаться, но со стороны это наверняка похоже на театр абсурда. Ведь нормальный ребёнок вряд ли придумает что-то подобное, а я — вот он, пробую никем неопробованное.

— ЗОЛАН! ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

— Пап, ты слишком нервный. А ведь сегодня важное мероприятие….

— ЗОЛАН!

— Открою только после того, как ты успокоишься.

— Дорогой, что вы там устроили?!

Приглушенный межстажными перекрытиями голос не обещал ничего хорошего нам обоим, так что я быстро распахнул дверь и позволил красному, словно томат, отцу войти в комнату, и уже оттуда крикнуть:

— Всё в порядке! Лучше, чем ты можешь себе представить!

— Так мама точно всё поймёт! Дай лучше я! — Сместив отца в сторону, я сложил руки рупором и ехидно улынулся, крикнув прежде, чем он успел распознать неладное: — Мам, папа рассказывает странные вещи…!

— Волан! Что ты там устроил?!

— Это подстава! Не верь ему! — Крикнул отец, уже шёпотом добавив: — Теперь нас ждёт смерть. И чего ты добился этим?

— Избавил от смущения и вернул в норму перед важным приёмом? — Ну и посмеялся от души, конечно. — Я преследовал исключительно благую цель. Кстати, насчет сестрички… У меня есть кандидатка, ее осталось только удочерить.

— Чего?!

— Что?!

Отец и только подошедшая мама воскликнули в унисон, а я, пользуясь моментом, взялся на объяснения, решив посеять необходимые семена уже сейчас. Таким образом, и мама, и отец успеют как следует обдумать предложение, и только после — начнут возмущаться. Сейчас-то нам надо собираться на приём, после него положен отдых, и только завтра, со свежими головами, мы начнём объективный разговор. План был хорош, но я не учёл одной-единственной детали.

Вспыльчивости и отходчивости своих родителей в моменты, когда они находились рядом с друг другом.

— Ну так вот, вы же не забыли инцидент химер? Я тогда ещё вытащил одну девочку из дома, в котором появились монстры.

— Допустим.

— Ну так вот… В том инциденте у Лилиан погибли и мать, и отец — единственные её родственники, о которых известно властям. Об этом, как и о том, что она замкнулась в себе и находится на волосок от смерти, я узнал, пока помогал дедушке разбирать отчёты…

Рассказывал я с чувством, с толком, так, что даже комару некуда было сунуть свой нос, стремясь найти что-то необычное в ходе моих размышлений. Ну, проявляет ребёнок заботу о слабых и беззащитных — так это нормально и, в принципе, должно поощряться. Косвенными методами упирая на этот момент, я сумел завладеть инициативой в разговоре, поставив вопрос так, что у родителей практически не осталось возможности сказать нет. Подло, но так было нужно, так что ничего тут уже не попишешь…

Заодно и поймут, каково это — заботиться о настоящем ребёнке, а не обо мне. Ну и заодно слегка понизят свою бдительность по отношению ко мне, и я стану чуть более самостоятельным.

— … после этого Лилиан попросила меня взять её с собой, и я просто не смог сказать нет. Я готов принять любое заслуженное наказание, но, пожалуйста, помогите мне хотя бы легализовать её положение так, чтобы её не считали…

На этом моменте, когда от своего пронзительно-

жалостливого тона я и сам был готов пустить слезу, мама сжала меня в объятиях, а с секундным запозданием присоединился и отец. Благо, никто из них так и не сумел заметить преисполненного коварства выражения лица, которому я позволил показаться на одну-единственную секунду.

Определённо, это была чистая победа, которой я мог гордиться.

— Мы что-нибудь обязательно придумаем. — Правильно, мам, это я и хотел услышать. — Но сейчас вам нужно собираться! Я ведь правильно поняла, Зол, что твой дедушка отправил тебя к Волану в качестве сопровождающего?

— Да. Гериана он оставил себе, попутно обрекши его на вечные муки, а мне удалось спастись бегством и отделаться всего лишь позицией сопровождающего представителя гильдии алхимиков.

— Обрёк на муки? Увёл готовиться, ты хотел сказать?

— Именно это. Увы, но зная деда и примерно представляя, сколько времени тогда оставалось до приёма… Когда он, кстати?

— Через три часа…

— Так вот, я склонен полагать, что прошлого Гериана мы больше не увидим.

— Ты очень предвзято относишься к своему дедушке, сынок — И это мне говорит мама, которую до недавнего времени дед и толики его внимания достойной не считал? Как-то неубедительно, я вам скажу. — Он не такой плохой, хоть и слегка чёрствый.

— Пф. Если отец чёрствый, то я тогда кто? Сладкая вата…?

Родители довольно редко дурачились, так что я не стал разрушать идиллию и тихо посидел в уголке, радуясь тому, что с моим гениальным и несравненным планом всё выгорело. Было бы гораздо сложнее, не будь мои родители слишком уж милосердными и так относящимися к моим словам, но мне повезло. Во всех смыслах.

Но вот прошла пара минут, и отец, сменив весёлое выражение лица на более серьезное, — словно маску какую, право слово, — поймал свой взгляд.

— Ты ведь так отчаянно избегал ответственности, Золан. А теперь берёшь — и совершенно беспричинно просишь… о таком. С удочерением, сразу скажу, ничего не выйдет. Я демон, а демонам человеческих детей до сих пор не доверяют. Мы бы могли договориться с чиновниками, устроив твою подопечную к нам или к тебе хотя бы служанкой, но тут против уже ты. Верно?

— Почти. Я не против того, чтобы Лилиан была служанкой или кем-то вроде моей помощницы в будущем, но я опасаюсь, что

к ней будут относится… Как к шлюхе. Простите, но подходящих под ситуацию синонимов тут нет. — Я выждал пару секунд, но ни отец, ни мать не порывались ничего мне сказать — лишь смотрели серьезно и, самую малость, холодно. — Из-за этих сомнений мне и нужен ваш совет по поводу того, как можно оправдать присутствие Лилиан рядом со мной.

— Не на один день эта задачка, сын. Вот так сразу… Где она сейчас?

— Я передал её своей личной служанке на правах гостя. Персоналу госпиталя сказал, что она пока погостит у меня. Дедушке… ничего не говорил, не успел. Я же только сейчас привел Лилиан в чувства.

— Значит, времени у нас ещё много. Сейчас выкинь все лишние мысли из головы — пойдёшь вместе со мной готовиться к приёму, прибудем заранее, как положено всем представителям ремесленников. Что-то решать будем уже завтра, вместе с твоим дедом. Это понятно?

— Да, пап.

— И выше нос, возможностей у нас хватит и не на такое. Тем более, что дедушка своему любимому внуку многое готов спустить с рук…

Ну, пока за все те мелочи, что случались из-за моих ошибок, я получал сполна. Просто дед наказывал меня не так, как обычно наказывают нормальных детей — он лишал меня не игрушек и возможности покинуть дом, а книг и занятий с ведущими мои любимые предметы наставниками, удваивая нагрузку по нелюбимым. И такого стимула было более чем достаточно, чтобы по пустякам я не косячил, а более-менее серьезные вопросы старался решать так, чтобы у взрослых образовывался минимум проблем.

— Надеюсь, нам не придётся надевать официальные костюмы…?

Часть III.

Итак, стилизованные мантии алхимиков. В меру строгие, сполна отражающие принадлежность к соответствующей гильдии одежды, пошив которых отец успел неведомо когда и неведомо зачем заказать, пришлись мне по душе. Во-первых, эти вещи относились к типу «надел и пошёл», в отличии от типичных официальных одежд, требующих не только подбирать десятки подходящих аксессуаров, но и поддерживать определённую линию поведения, ограничивая себя в движениях. Мантии надевались одним единым комплектом, и в даже парадных

версиях можно было идти хоть в лабораторию, хоть «в поле» для сражения с монстрами. Она отлично держала удар и не распадалась на лоскуты от воздействия особо гадких составов, обожаемых и магами, и воинами. Идеальная одежда, пару комплектов которой я выпросил у отца с условием удаления с них отличительных знаков, в качестве подарка не приближающийся день рождения. А то непорядок — я вроде как и маг, а собственной формы, отвечающей и моим вкусам, и касающихся боевой эффективности запросам, у меня не было даже в планах. Зато теперь я и в создании дизайна мог принять участие — трёх, а то и четырёхслойная ткань вместе с несколькими возможными цветами оставляла пространство для манёвра.

Но переоделись мы быстро и, практически, впритык, за что получили втык от мамы, слишком уж серьезно к этому относящейся. До самого раннего срока прибытия было ещё минут тридцать, а ехать в карете тут от силы десять минут. Хочешь — не хочешь, а успеешь.

Ну и не настолько мы с отцом безответственные, чтобы за нами надзирать в форме воплощенного цербера. Легкомысленные слегка, это да, но мы знаем меру… И совсем необязательно силой выбрасывать нас за порог! Да кучеру платят и за ожидание тоже! О, Всевышний! За что ты так с нами, с раздолбаями?!

Впрочем, поведение отца резко изменилось одновременно с тем, как мы все уместились в салоне, а услужливый кучер захлопнул за нами дверцу. Сразу после этого тускло полыхнули изолирующие внутреннее пространство кареты руны, и атмосфера, соответственно, тоже стала более серьезной.

На серьезный лад я настроился моментально.

— Итак, слушай короткий инструктаж, сынок. Места, где собираются аристократы — это поле боя, и действовать стоит исходя именно из этого. Оперативно отвечать на оскорбления, но не раздувать из мухи слона. Соответственно, и нарываться тоже не стоит. Это понятно?

А то ж. Меня сколько этой гадости учили? Сколько часов я потратил, надеюсь, не впустую?

— Вполне.

— Далее. Барон Кеплест — это такой бурдюк на ножках, в своих больных фантазиях являющийся человеком влиятельным, но на деле просто посол, которого могут или убить, выказав таким образом своё возмущение действиями короля, или оставить в живых, передав через него какое-то послание, сделав то же, что и в первом варианте, но помягче. Сегодня с ним прибыли трое сыновей и две дочери, плюс их свита, состоящая из псевдо-аристократов в лице рыцарей. Когда будешь с ними

общаться, не намекай на их неполноценную породу — сожрут с гов… кхм… в общем, род за нас в крайнем случае вступится, но лучше до этого не доводить, решая возникающие проблемы своими силами.

— Понял.

Вот эти сведения были уже ближе к делу, так как описывали не вызубренные мною общие принципы, а ценные детали, без которых я был бы вынужден играть вслепую.

— За что вызывают и как провоцируют хорошо помнишь, или мне перечислить?

— Помню.

— Ну, тогда закончим на этом. Постарайся не сыскать проблем, а глаза даже на мгновение не активируй, хорошо?

— Пф. — Как-то само собой вырвалось. — Больно хотелось.

А мы тем временем уже подъезжали к огромной, если не сказать — чудовищной махине мини-дворца, содержание которого сжирало как бы не десятую часть такового у всего Рокстоуна. Но это было здание, необходимость наличия которого оспорить просто нереально. Возникни я по этому поводу, и на меня даже дедушка посмотрит с ехидцей: где ж тогда людей из благородных принимать? У себя дома? Так сие возможно только с друзьями, но уж никак не с, например, членами противостоящей тебе фракции.

Короче говоря, сотнями, тысячами тонн белого и серого мрамора и дорогостоящей отделкой можно было только наслаждаться, но не критиковать.

— Представитель гильдии алхимиков, господин Волан с сопровождающими!

И ни слова о том, что с семьей. Интересно, это ошибка или изящный плевок в лицо? Впрочем, мне не обязательно пытаться рассмотреть подноготную сего события — хватит и того, что я его заметил, и смогу это учесть при составлении более-менее цельной картины происходящего.

А сейчас — аристократическая туса! Отец кивком обозначил для меня направление движения, а сам, взяв маму под ручку, влился в группу взрослых. Мне же оставалась компания сопляков от шести, — ко мне это не относится! — до четырнадцати лет. Всех помладше просто не брали на такие мероприятия, а постарше уже развлекались в кругу взрослых. Представителей моего круга общения удалось насчитать ровно семнадцать единиц, из которых девятерых я отнёс к мужскому полу, и восьмерых — к женскому. Среди них, на первый взгляд, не было никого из аристократии, так что их можно условно отнести к «своим», тем, перед кем не обязательно демонстрировать манеры.

Прислушавшись при поддержке физического усиления, я за пару секунд определил, с какой группой мне должно быть интереснее. Двое парней лет одиннадцати, явно друзей, девушка на три-четыре года постарше и соплюшка, моя одногодка. Последняя смотрела вокруг равнодушно-скучающим взглядом, даже не пытаясь демонстрировать интерес, зато остальные активно обсуждали совершенно детские, рутинные проблемы в виде подорожания дефицитного багряного мха, что произрастает только и исключительно на активных сердцах подземелий, и на возможном полном перекрытии его поставок силами демонов, у которых, вроде как, появился новый король. Пока об этом только слухи ходили, но тенденция пугающая.

— Добрый вечер. Позволите присоединиться к вашему разговору?

— Какой вежливый мальчик. — Девушка чуть наклонилась и потрепала меня за щеку, что я стойко, мужественно стерпел. И — нет, я ну совсем не пялился в декольте! — Золан Иллити, сын Волана и Клариссы, верно? Алхимик?

— Всё верно, миледи. А вы — Залия Лосс, дочь Келена и Миранды Лосс? Наимелейшая начертательница нашей страны?

Учитесь, щеглы — будучи шестилетним пацаном я засмущал весьма недурную собой девушку, едва вступив в разговор! К слову, со светлыми кудрями на ещё сохранившем какие-то детские черты личике алый смотрелся очень даже. И почему мне кажется, что через десять лет поток красавиц в моём окружении как-то резко иссякнет, последовав закону подлости?

— Вы мне льстите…

— Так можно считать лишь обладая вашей скромностью. — Притормозив нашу беседу на такой ноте, я повернулся к парням, о которых я, честно говоря, даже не слышал. — Золан Иллити, алхимик.

Ну, не совсем алхимик, но и Залии до полноценной начертательницы далеко. Таким образом принято представляться среди семей ремесленников, сразу очерчивая свой круг интересов. Ведь поименно и в лицо знать всех алхимиков какого-нибудь крупного города практически нереально, а ремёсел, так-то, побольше одного. Взрослых-ремесленников в зале уже под три десятка при том, что все они являются представителями своих гильдий.

— Кларк Фосс, строитель.

— Фил Тенеброн, артефактор. И моя сестра… — Фил бросил на малявку взгляд, которым можно руны выплавлять прямо на металле. Талантище! — … Виолетта Тенеброн. Прошу её простить; сегодня ей нездоровится.

Ну, строитель мне не особо интересен, а вот контакт с отпрыском фамилии артефакторов наладить было бы совсем неплохо. Правда, они явно друзья, так что пока придётся брать комплектом. Закину, так сказать, удочку, произведу приятное впечатление о себе и оставлю некоторую недосказанность в разговоре… Лять, я ж как по учебнику болтологии думаю! Изыди, дурная мысль!

— Поведение леди Виолетты меня совершенно не задело, а с учётом её плохого самочувствия и вовсе не буду обращать внимание на столь незначительный момент. Но я рад знакомству с вами, господа.

— Это взаимно.

— Взаимно.

Ответили они почти синхронно, а вот девочка сердито надулась. Довела, понимаешь, брата до откровенной лжи, а теперь непонятно на что обижается. Дети-с.

— Итак, миледи Залия, господа Кларк и Фил, прошу — продолжайте разговор, а я уж как-нибудь в него вольюсь…

Итак, начало вечера я бы назвал вполне неплохим и даже располагающим к повторению — слишком уж компания оказалась приятной. Но что будет дальше мы, естественно, будем посмотреть…

Часть IV.

Спустя сорок с небольшим минут прибыл дедушка с Герианом, которого обрядили в самые настоящие, только уменьшенные под его рост, церемониальные одежды иллити. Выглядел он не столько серьезно, сколько, в моих глазах, комично. Очень уж часто я видел его побитым и в тренировочных, рваных вещах. Соответственно, я старался поменьше встречаться с ним взглядом — чисто чтобы не заржать. Да и было мне куда посмотреть, так как по левую руку от меня неизменно следовала Залия, с которой мы вели понятную лишь нам да, отчасти, Филу беседу об особенностях потери маной привязки к человеку и её последующем использовании в предметах. Не начни я рыть информацию на эту тему из-за инцидента химеры, то сейчас вполне мог бы с треском провалиться, а так — сумел поддержать разговор. Завтра определённо стоит поблагодарить деда за его помощь в поиске нужных материалов. А пока — на приём прибыла мелкая столичная аристократия, в число которой входил и тот самый барон. Действительно, этакий окорочок на ножках, который пузом разве что полы не подметает. И как, спрашивается, он вообще ходит при таких габаритах? Никак праной пользуется,

или заклинание какое специально для него изобрели.

— Не пойдёшь их приветствовать?

— А оно мне надо? — С лёгким недоумением ответил я на вопрос девушки, пригубившей бокал шампанского. Да, подросткам в этом мире позволялось пить, но только в компании родителей. Да и алкоголя в этой шипучке было не больше, чем в хорошем квасе. — Такие знакомства — последнее, что меня интересует в этой жизни.

— И твой род не настаивает?

— Здесь и сейчас я присутствую как сын представителя гильдии алхимиков, а не как иллити. — Я оценивающим взглядом пробежался по поднесённым слугой закускам, но в конце решил всё-таки не есть. Во-первых, там порции на один зубок, а во-вторых высокая кухня мне никогда особо не нравилась. Есть можно, но чего-то особенного я в ней не видел. — А что, моя компания тебе уже надоела?

— Конечно же нет! Среди всех здесь присутствующих… детей вроде нас, с тобой интереснее всего говорить. Ты… взрослее, что ли? — Сам себе иногда поражаюсь, как это легко — казаться взрослым, прожив двести лет. Хех. — И вообще, тут даже не в знаниях дело.

— Искренне рад слышать подобное о моей скромной персоне. — Ни капли лжи — во мне действительно поселилась гордость за уже проделанную работу. Может, гордиться своим превосходством над молодёжью, будучи настолько старым, и лицемерно, но такое поведение в природе человека. Достичь превосходства, даже нечестными способами — и вознестись над окружающими. Примеров, описывающих такой подход, больше, чем я в принципе способен перечислить. — Как насчёт сместиться ближе к выходу в сад? Те аристократы слишком уж активно смещаются в нашу сторону.

— Увы… — По лицу девушки пробежала тень. — … идут они именно к нам.

Ну пожалуйста, ну не надо портить мне праздник! Я ж вас разведу, как детей, отделаю на дуэли до такого состояния, что родная мать не узнает, так ещё и виноватыми останетесь! Здоровые же лбы, неужто не умеете читать взгляды и атмосферу? Умел бы я убивать взглядом — в зале стало бы на три трупа больше и на три холёных дворянина меньше. Может, обойдётся, и они курсируют по залу просто чтобы «здрасти» всем присутствущим сказать…?

К моему сожалению, просто разойтись нам было не суждено.

Аристо целенаправленно шествовали от одной группы детей своего возраста и младше до другой, и там, где они прошли,

неизменно пропадали даже намёки на предшествующее веселье. Они и некоторых иллити, как-то выборочно действуя, не постеснялись задеть. И задеть весьма грубо — вон, Гериан едва себя сдерживает, глядя на расстроенную девчушку из нашего рода, у которой глаза на мокром месте. Получил инструкции о невмешательстве? Что ж, мне ничего такого сказано не было, а дедушка, прекрасно знающий о моём характере и принципах, не мог не предположить, что без указаний я устрою чрезмерно агрессивным засранцам кровавую баню.

Так что, это у меня карт-бланш, получается?

— Леди, не составите ли вы мне компанию на этот вечер? Вот-вот объявят танцы…

Изящные движения, слова следуют букве этикета за тем лишь исключением, что моё присутствие тут полностью игнорируют. С их стороны они имеют на это полное право — с этим не поспоришь, ведь на кавалера я не потяну ещё года так четыре, а оставлять юную девушку без пары сродни оскорблению. Но окончательно всё определят слова Залии, которая может или обозначить моё текущее положение, или принять приглашение, или отказаться от него. Всего три варианта.

— Прошу извинить, но у меня уже есть спутник на этот вечер. Возможно, мы сможем потанцевать как-нибудь в другой раз.

— …

Недоумение в глазах того аристократа, что был среди этой тройки за главного, читалось невооружённым взглядом. Он, весь такой из себя голубоглазый блондин атлетичного, но не перекачанного телослажения — и шкет на три головы ниже? Сама собой, — ну, не без моего непосредственного желания, на самом деле, — на лицо выползла покровительственная ухмылка, от созерцания который блондин поморщился так, будто съел перезрелый, сочный лимон.

— При всём уважении… — О как, уважают, понимаешь. — … но разве ваш… спутник сумеет принять участие в танце, не посрамив вашу честь? Вы ещё можете отказаться… Мальчик всё поймёт, верно?

— Ваши сомнения на мой счёт неуместны. Простите, не помню вашего имени…

— Карл Кеплест. Весьма невежливо не знать имён своих гостей, не находите?

— Что ж, господин Кеплест, скажу вам по секрету: вы — не мои гости, так как я лично вас не приглашал.

— Карл, ты слишком многого просишь от обычного алхимика. Леди отказалась, так что…

— Постой. — Блондин остановил одного из своих спутников,

уже собравшихся уходить. — Ты же знаешь, как я не люблю тех, кто не отвечает за свои слова. Представитесь?

— Золан, сын Волана и Клариссы. — Ну а фамилия, что фамилия? Сейчас я говорю от своего лица, а не от лица рода, так что её можно и упустить. Я тоже умею следовать букве, а не духу. — Вы хотите предложить спор?

— Да. Ставкой с обеих сторон послужит публичное извинение, которое проигравший принесёт победителю. А предмет спора…

Блондин замолчал и характерно повёл рукой, предлагая мне сформулировать вторую часть договора. Просто взять и с потолка снять условия я всё равно не мог, так как за нашим разговором наблюдало с десяток человек, включая и парочку взрослых — один от аристо, другой от иллити. Следили, чтобы отпрыски одной из сторон резко не превратились в обугленную головёшку или просто не травмировались. Резонно, учитывая уровни наших сил.

— Впечатление, которое мне удастся произвести. Это не должно быть что-то смешное или глупое, только навыки, мастерство и цельность картины.

— Принимается. — Блондин не нашел подвоха потому, что его тут и не было. Я же отлично знаю, что не для всякого танца нужно быть взрослым, красавцем, атлетом и прочая, прочая. Танцуют драконы, танцуют пегасы и феи — и всех их сложно назвать попадающими под человеческие стандарты красоты. — Второй танец будет за вами, мне под силу это организовать. Вас это устраивает?

— Залия?

Так как она должна была участвовать непосредственно во всём этом, я не мог не поинтересоваться её мнением. По правилам, конечно, у неё и выбора-то нет, но кто я такой, чтобы им следовать, если они мне не нравятся?

— Меня всё устраивает.

— Значит, договор. Прошу, засвидетельствуйте. — Обращение было направлено ко всем, кто за нами всё это время наблюдал. С этим проблем быть не должно. — Господа, если вы не возражаете, то мы с Залией продолжим нашу беседу.

Возражений не последовало, и мы отошли в сторону. Первой, как и ожидалось, не выдержала девушка:

— У тебя ведь есть план, правда?

— Конечно. А заключается он в том, что я — умеющий хорошо импровизировать маг!

Часть V.

На несколько минут наступило затишье, которое я потратил на две вещи: успокоение Залии и проверку кое-каких своих теорий. Как и всякий человек, получивший доступ к новой игрушке, я с этой игрушкой баловался — когда никто не видел, в стремлении достичь каких-то интересных чисто визуально эффектов. Ну, синее или зелёное пламя, искажения воздуха, преломления света за счёт граней создаваемого мною же льда…

Года так два-три назад у меня было много времени, но мало сил на воплощение всех задумок. Сейчас же всё обстоит ровным счётом наоборот, так как я даже и не вспоминал о них, будучи с головой погруженным в прочие заботы. И не вспомнил бы, если б не насущная необходимость.

Факт номер раз — с моим ростом обычный танец будет похож на выступление клоуна-инвалида, нежели на что-то вменяемое. Соответственно, мне нужно как-то летать, не используя крылья, которые могут посчитать демонстрацией принадлежности к иллити. Пока на приёме я и род стоим обособленно, светить крыльями не стоит, так что в ход идут другие идеи. Но раз уж полёт без крыльев принципиально невозможен, имеет смысл поставить себя на один уровень с девушкой при помощи магии, и наименее проблемным тут является старое-доброе преобразование элемента. Не земли, так как мрамор превратить обратно будет сложно даже мне, а после выступления всё нужно будет вернуть в изначальный вид моментально. Значит, лёд, который, напомню, неплохо преломляет свет…

В руках сформировался гранёный кусок льда неправильной формы. Во внутреннюю полость я поместил огонь, ограничив его передвижение простенькой волевой установкой — так сияние будет неравномерно меняться, но при этом не плавить лёд, что очень красиво выглядит. Немного экспериментов — и вот уже мне удалось подобрать ту форму самого льда, при которой свет раскладывался на несколько цветов, превращаясь в радугу. Несколько участков, сформированных по такому принципу и поддерживаемых на протяжении всего танца, я потянуть должен. Далее шла сама форма «танцпола», который должен был позволить мне вроде как незаметно сравняться в росте с девушкой, и при этом не лишить обзора сторонних наблюдателей. Так как внутри моего льда будет полыхать пламя, прозрачным его назвать сложно. На руку мне играет тот факт, что главная сцена для плясок знати слегка утоплена в полу, и мы, даже не являясь парой дня, будем танцевать именно там. Если не Кеплест, то я сам этому поспособствую. Но крест на конструкциях вокруг и над нами это не убирает — в моём распоряжении только пол и,

возможно, стены, если мне удастся до них дотянуться своей магией. По тридцать метров в каждую сторону одновременно покрыть нереально, но если сконцентрироваться на одном участке… всё равно выходит сложновато. Мне же ещё и танцевать, двигаясь, по сути, вместе со своим льдом, а подготовиться заранее мне не позволят.

Плюс без крыльев я весь зал льдом в одно мгновение не покрою чисто за счёт проводимости маны у своего тела — тут нужно время. Значит, сосредоточусь исключительно на танцевальной площадке.

— Может, расскажешь, что задумал? Мне тоже нужно держаться как положено, а не шугаться всего, что ты сделаешь.

— Ну, смотри. — Повернувшись так, чтобы никто со стороны ничего не увидел, я встал чуть ближе к Залии и сформировал вокруг своей руки несколько ледяных щупов со льдом внутри. — Я заморожу всё в радиусе метров так десяти, тобишь, всю сцену, и она будет таким образом светиться. Плюс вокруг нас будут, как бы, плавать льдины с тем же эффектом, плюс пускающие радугу. — Дополняю демонстрационный образец призмами, отчего девушка удивленно пискнула:

— Как красиво! Научишь?

— Конечно, тут ничего особенного нет — просто физика и немного опыта. Так что ты думаешь о моём плане?

— Пол должен быть шершавым, иначе я просто упаду — в туфлях и по полу-то не особо удобно ходить. — Принял на заметку и тут же слегка изменил удерживаемый в голове «шаблон» того, что должно выйти в итоге. — Ну и… ты в темноте не проверял, как всё выглядит?

— Тут достаточно светло. — Я покосился на магические светильники под потолком. — Так что смысла в этом немного.

— Я могу потушить свет, если это удастся согласовать с охраной. В плане контуров и защиты ничего сложного, тут стоят обычные, рядовые яркие модели. Но это имеет смысл только в том случае, если в темноте твоя магия будет ещё красивее. — Девушка покосилась в сторону ведущих во внешний сад дверей. А ведь сейчас вечер, так что там достаточно темно… Плюс до танцев есть немного времени. Может, и правда попробовать? — Правда, я не видела ничего такого же красивого, как то, что ты продемонстрировал, и не уверена, что может быть лучше.

По правде говоря, в соответствующих масштабах моя задумка может получиться поэпичнее всяких фейерверков с фаер-шоу, так что девушку можно понять. Обычно детей фамилий из родного города просто не выпускают до совершеннолетия, а что можно увидеть в Рокстоуне, который на бумагах даже не город, а так —

село? Тут же даже мне очень хотелось взглянуть на всё со стороны…

— Пойдём. По дороге я переговорю с охраной.

И я потянул красавицу за собой, прямиком к распахнутым, на две трети стеклянным, дверям. Тот ещё шик, если учитывать, что люди в этом мире не везде могли себе позволить стёкла даже в маленькие окна вставлять…

— Мне нужно поговорить с капитаном. Срочно, но не опасно. По поводу танца.

— Принято.

— Я буду в саду или у входа в него.

Можно было и не говорить, но сейчас была дорога каждая секунда, так что я решил не особо полагаться на всезнание магов охранения. В любом случае, пара минут до прибытия капитана у нас есть, так что я сразу же чуть отошёл от светящегося здания — и создал перед собой «ледяной огонь». И выпал в осадок от того, как красиво выглядели кажущиеся жидкими капли огня, где лениво, а где стремительно перекатывающиеся вглуби прозрачного, словно слеза младенца, льда. Теперь я был готов собственноручно уничтожить все светильники, лишь бы моя задумка предстала именно в таком виде…

— Восхитительно.

— …

Залия промолчала, с блеском в глазах взирая на открывшуюся картину. Я не мог сказать, была ли она огорчена неоправдавшимися надеждами или же поражена, но… какая же она красивая! Очень жаль, что через десяток лет, когда я подрасту, она уже десять раз замуж выйдет. Увы и ах — человеческий век короток, и детей среди короткоживущих принято заводить пораньше.

Тем временем к нам подошёл мужчина в строгих официальных одеждах, тут же представившийся… и залипший на всё ещё поддерживаемый мною ледяной дворец. Да, именно такую форму я ему сейчас предал, и вышло вполне неплохо даже при несоблюдении норм по граням. А если увеличить…? Шикарно! Обязательно использую скульптуру в танце!

— Кхм, господин, по какому вопросу вызывали?

— Капитан, возможно ли перед вторым танцем отключить освещение в зале? Техническую сторону вопроса возьмёт на себя моя спутница.

— Ограничений на этот счёт нет, так что это возможно. Второй танец… Это где-то через семь минут. Мы успеем всё подготовить, и вашей спутнице не придётся собственноручно этим заниматься. — Прочитав в глазах капитана желания сказать

что-то ещё, я чуть улыбнулся и кивнул, как-бы дозволяя некоторую неформальность. — Мы уже знаем о вашем споре, господин, и верим, что вы поразите этих… снобов. Назначьте только условный сигнал — а уж мы не подведём.

— Мне приятно это слышать, капитан. А сигнал… — Я звучно щёлкнул пальцами. — Пусть будет щелчок в моём исполнении.

— Что-то ещё?

— На этом всё, благодарю.

И капитан удалился, дабы в крайне сжатые сроки всё организовать. Подозреваю, что дело тут не столько в освещении, сколько в изменении построения охраны, которой придётся утроить бдительность из-за темноты.

— М-м-м… Золан, прости за такой вопрос, но какое положение ты занимаешь в роду иллити?

— Хм? — Серьезно? Мне казалось, что о летающем пацане-Генерале в Рокстоуне не знал только тот, кого тут и вовсе нет. Слепым рассказали, глухим — десять раз нарисовали. Да про меня даже частушки какое-то время ходили из-за моей вежливости ко всем красивым девушкам, встречаемым во время прогулок. Внимание-то я привлекаю только так. — Я внук главы рода иллити, но не претендент.

— А как же…? — Шок, смешанный с удивлением, девушку только красил. — Господин Волан ведь уже очень давно состоит в гильдии алхимиков! Он претендент на место её мастера!

— Были… кое-какие семейные незаурядицы. Но всё это уже забыто, не стоит так переживать. Впереди танец.

И вправду, напоминание о танце вернуло девушке способность ясно мыслить, и та приняла решение отложить этот разговор на потом:

— Поговорим об этом позже, ладно?

— Конечно. Заодно и покажу, как добиться такого эффекта.

Киваю на замок — и сворачиваю заклинание, вместе с Залией направляясь обратно в зал. Там уже вовсю шла подготовка к первому танцу, так что нам стоило поспешить, дабы не обеспечить себе техническое поражение в споре. А танцевала, кстати, какая-то молодая аристократка сомнительной наружности и сын старейшины иллити, от такой «чести» вынужденный поддерживать на лице каменное выражение.

— Танцуем вальс?

— Да, классический. У тебя под ногами будет надёжная опора, главное — не теряйся, ростом я буду ровно с тебя.

— Это кто ещё потеряется! — Девушка смешно надулась, но быстро вернула себе подходящую моменту весёлую серьезность. — Постарайся, ладно?

— Приложу все усилия…

Итак, первый танец подошёл к концу, и после пары вопросов от дирижёра оркестра объявили наш выход. О споре — ни слова, но так оно и должно быть, дабы не портить впечатления от танца. Пока мы с Залией спускались на сцену, я воспользовался возможностью и оценил царящие среди гостей настроения. Естественно, при виде нас народ слегка обалдел, так как второй танец в обычных обстоятельствах отдавали той паре, что могла показать что-то интересное. Здесь же — дочь одного из ремесленников, красавица, конечно, но в столице внешность сама по себе не особо котировалась. И ладно это, но пару ей составлял совсем уж ребёнок — я. Ну, чуть поменьше ста тридцати сантиметров во мне набралось, так что я был всего на две головы ниже девушки. Без каблуков, возможно, разница заметно уменьшилась бы, но что-то менять сейчас было поздно.

— Залия Лосс и Золан Иллити — холодный вальс!

Лучше б у меня название спросили — я бы придумал что-то действительно внушительное, а не это убожество. Ну и ладно, главное произвести впечатление, а скромное название может этому даже поспособствовать.

Я замер напротив девушки и, оттянув правую руку в сторону, щёлкнул пальцами. Всего спустя мгновение потухло практически всё освещение, оставив лишь дежурные светляки, тянущиеся вдоль стен. Издал первые звуки «вступающий» рояль, и я начал медленно, в темп, тянуть от пола лёд с заключенным внутри ярким, пульсирующим пламенем — таким, что его света хватило, дабы и приподнявшийся на ледяном уступе я, и внешне расслабленная Залия стали видны со всех сторон. По большей части огненно-рыжий свет перемежался ещё множеством оттенков, отчего свободное тёмно-синее платье девушки заиграло новыми красками, а блики на того же оттенка длинных перчатках, до локтя, напоминали своим свечением творимую мастерами высшую магию — единственную, обладающую подобным внешним проявлением. Последним штрихом оказалось ожерелье из маленьких, аккуратных драгоценных камней, сейчас переливающихся серебром. Я сделал шаг вперёд и протянул руку, полностью отдавшись потоку музыки и собственного создания, творящего нешуточную для моего уровня магию. Поддавшись наитию, между тем моментом, когда я протянул руку, и тем, когда Залия приняла приглашение, я прокрутил над нами тройную арку изо льда, даже не став создавать в той особенно яркий огонь. Всего три быстрых оборота, после которых раздался едва слышимый треск — ненужный более элемент рассыпался, обратившись в мелкий, подхваченный наспех призванным ветром,

кристаллический песок.

А следом ледяной диск, сковавший всю площадку, пришёл в движение, начав медленно вращаться вокруг своей оси и, понемногу, подниматься вверх. Создаваемые мною эффекты отошли на второй план, но не исчезли вовсе, ибо лёд был неотъемлемой частью нашей композиции.

Вальс — простой и одновременно сложный танец, до безумия красивый и пронзительный. Его движения неизменны в любом из существующих миров. Своего рода аномалия, пронизывающая вселенную и захватывающая всё живое, независимо от их строения тела или уровня развития. С музыкой, без неё; человек ли, или обрётшее разум насекомое — вальс в сотнях и тысячах обличий присутствовал во всех культурах. Где-то яркий и энергичный, где-то — плавный и изящный, а где-то такой, как сейчас у нас — в меру стремительный и хищный. Стирая границу между людьми и демонами, он наполнил зал непередаваемой атмосферой, в которой, пусть и на совсем короткий срок, забылось всё лишнее. Имена, фамилии, обиды и надежды — ничего этого просто не существовало, покуда в поле зрения находились мы.

С каждым шагом, с каждым новым инструментом, вступающим в общую композицию, я прибавлял в темпе, тщательно следя, чтобы Залии было комфортно. Не всякому дано сходу приспособиться под исполнение танца в таких условиях, но моя сегодняшняя партнёрша была в этом особенно талантлива, и — блистала в полумраке, перетянув на себя львиную долю внимания. Яркий бриллиант, на который по глупости своей не обращали внимания, преобразился в окружении холодного света огня, тюрьмой которого выступил лёд. Прекрасная королева, каждый шаг и движение которой сопровождался всплеском ледяных фонтанов и лучей света; спустившаяся с небес фея, от созерцания которой не могли оторваться ни мужчины, ни женщины, ни старики, ни дети. Никакого сексуального желания — лишь присущее людям стремление наслаждаться красивым и задевающим душу как можно дольше. Жажда запомнить всё в малейших подробностях, дабы после рассказать о том своим детям и внукам…

В какой-то момент мы поднялись на уровень общего зала, и я, вошедший в кураж и поглощенный танцем, продолжил восхождение, по наитию полностью отказавшись от монолитного пола. Потолок, послушно принявший мою ману, взорвался ледяными цепями, что растеклись по залу и послужили опорой изящным ножкам Залии и тонким колоннам, на которые наступал уже я. Никаких изначально запланированных надёжных платформ

— лишь обоюдное доверие, проникнуться которым иногда невозможно даже проведя вместе десятки лет. Отбросив всё ненужное и чётко исполняя движения, я управлял окружающим нас льдом, которого постепенно становилось всё больше. Узоры устилали потолок, из которого тут и там, по мере высвобождения моей маны, вырастали причудливые башни и крыши ледяных дворцов вперемешку с деревьями и статуями зверей — грубыми и непроработанными, но на расстоянии и в такой обстановке вполне подходящими. Преследуя лишь одну цель, — подчеркнуть красоту партнёрши декорациями и играми со светом, — я забылся, и конец мелодии застал нас чуть в стороне от танцевальной площадки. Но импровизация — моя сильная сторона, и потому цепи плавно обратились в полупрозрачные ступени, по которым мы, преследуемые полной, мёртвой тишиной, и спустились. Но чего-то не хватало, и я никак не мог понять — чего именно.

А после картина резко обрела недостающий элемент, когда под гром аплодисментов Залия коротко, но всё-таки поцеловала меня в губы…

Глава 8. Плата всегда высока

Часть I.

— Я приношу свои извинения перед Золаном, в чьих способностях я безосновательно усомнился, и Залией Лосс, чей выбор я посчитал ошибочным.

Когда Карл подошёл к нам и постукиванием какой-то палочки по пустому бокалу привлёк к себе внимание, я ожидал или подлости, или ещё каких обвинений. Но он действительно извинился, как следует — без скрытых смыслов, а после выразил своё восхищение увиденным. Мол, такой подход к танцу вполне может найти своё место на балах и приёмах столицы, разойдясь оттуда по всему миру. Единственное «но» — его отец Барон Кеплест, смотрел на меня без особой теплоты. Даже, я бы сказал, с враждебностью… Но что он мог поделать с двумя звёздами этого вечера — Залией и мною? Даже давить было не на кого, так как что с моей стороны, что со стороны девушки за своих были готовы заступиться, невзирая на последствия. И наслаждался бы я вечером, если бы не одна рыжеволосая особа из свиты одного из сыновей барона, внимание которой я ощущал на себе уже минут сорок. И это был не взгляд заинтересованной барышни на парня, а взгляд снайпера, которому осталось только спустить тетиву, а дальше стрела сама найдёт свою цель. Неприятно, но пока она не предпринимает никаких действий, терпимо. Кидаться на людей за один только взгляд принято разве что у пещерных людей, так что я стойко держался, наслаждаясь заслуженными лаврами победителя.

— Итак, думаю, ты уже отошёл от танца? — Скорее, от его финала, но — да, отошёл. Вслух я этого говорить не стал, дабы лишний раз не смущать девушку, и ограничился кивком. — Как так получилось, что ты никак не афишируешь свою принадлежность к роду? Это ведь честь, быть внуком главы.

— Как бы это объяснить… Ну… Я в принципе недолюбливаю правила, принятые у знати. Предложи мне кто-то прийти сюда в качестве внука главы — и я бы отказался. Слишком много внимания, слишком много бессмысленного трёпа, и ещё очень много этих «слишком». Я считаю, что общаться стоит с теми, с кем ты сам хочешь общаться. Как с тобой, например.

Залия чуть смутилась, но сумела сохранить цвет лица, перейдя в контратаку и одним, тихо заданным вопросом, вогнав меня в кратковременный ступор:

— А если бы знал, что тут будет, пришёл бы, как внук главы?

Зная, что тут мне удастся повстречать красавицу-Залию, исполнить шикарный танец, утереть нос сыну барона и получить поцелуй в награду? Ну, даже не знаю… На самом деле, будь я в роли внука главы, и всего этого могло бы и не произойти. Даже, скорее всего, не произошло бы, ведь Гериану кто-то сказал не вмешиваться. Значит, так было выгодно роду, а вопреки его интересам из-за довольно-таки мягких издевательств Карла я бы не пошёл…

— С куда как большей вероятностью я, обладая таким знанием, добился бы отправки сюда в той же роли, что и сейчас. — Секундное удивление — и свет понимания, озаривший лицо девушки, заставил меня горделиво подбочениться. — Поняла, да?

— Это… несложно понять. — Воцарившееся неловкое молчание Залия поспешила разорвать ещё одной имеющейся ниточкой — моим обещанием. — Может, в сад? Ты ведь хотел научить меня делать такой светящийся лёд, а тут слишком много людей.

Ну, поговорить в тишине я и сам не прочь — шум в зале стоит даже несмотря на то, что люди тут, в целом, культурные, и никто голоса не поднимает. Да и от то и дело подходящих ко мне просто поговорить ни о чём незнакомцев это позволит избавиться — оно мне надо, заводить такие поверхностные знакомства? Ну запомнят они меня, ну поговорят лично — так что, шутом к себе на праздники приглашать будут? Уж извините, но такого счастья мне точно не надо.

Разговор с красивой девушкой на пару-тройку порядков желательнее.

— Да, прошу.

Спасибо моему росту — я могу, как и положено, брать Залию под локоток. Иначе наши передвижения смотрелись бы комично, так, словно младший брат увивается за старшей сестрой.

Но вот мы вышли в сад, и по ушам сразу же ударила тянущая, приятная тишина прохладного осеннего вечера. Сориентировавшись, я создал вокруг нас область с чуть более прохладным, чем в зале, воздухом, и смягчил порывы ветра. Я-то в мантии, в которой и тёплой зимой гулять можно, а вот платье Залии выполнено из совсем уж тонкой ткани, в которую, что-то мне подсказывает, руны вплести невозможно физически. Да и, раз уж на то пошло, у людей создание согревающей магии есть такая же обязанность мужчины, как придерживание дверей или помощь в надевании пальто. Так уж повелось, что воинственные мужчины обладают большими запасами маны, чем женщины.

— Итак, для того, чтобы освоить метод создания, кхм, светящегося льда, нужно обладать хорошим контролем над двумя элементами: водой и огнём соответственно.

— Эти стихии у меня на продвинутом уровне…

— А остальные, если не секрет?

— Земля — Эксперт, воздух — продвинутый. Я много работаю с камнем, как начертательница. — Пояснила девушка, по-своему растолковав проступившее на моём лице удивление. Я не сдержался просто потому, что у людей очень, нет — ОЧЕНЬ редко к четырнадцати годам достигают даже продвинутого уровня во всех четырёх элементах, а специализированный эксперт — это весьма внушительная заявочка, почти как у Целестии. Только родственница моя — Миротворец, и условия у неё в разы лучше, чем у Залии. Вот так и пропадает в далеком от магических центров месте человек, способный взобраться на одну ступень с сильнейшими магами расы людей. — А ты? Я знала, что иллити очень способны в магии, но в твоём возрасте… Даже сейчас я бы вряд ли смогла повторить что-то подобное по одному лишь объему маны.

Обернувшись и убедившись в том, что за нами никто не следует, я выдохнул. Не то, чтобы мои способности были такой уж тайной, но в подробности о своих силах иллити не посвящают никого, кроме близких друзей и боевых товарищей. Значит, я поступлю так же — расскажу общеизвестные факты.

— На самом деле, ни один из моих элементов ещё не перешёл даже на продвинутый уровень. Вообще, в городе об этом уже знают очень многие, но я… по-особенному благословлён предками. У меня высокий запас сил, плюс ещё кое-какие уникальные способности. А недостатки техник малого ранга я компенсирую навыками, контролем и объемом вкладываемых в заклинание сил.

— Прости, я не слышала об этом. Мне нечасто удавалось выходить в свет.

— Училась?

— Можно сказать и так. — Ну, девушка без тайны — это торт без крема. Плюс так я не ощущаю себя засранцем, ведь нам обоим есть, что скрывать. — Но то, что ты всё ещё на начальном уровне… Как-то с трудом верится. Ты никогда не пробовал прочитать хотя бы самое простое заклинание продвинутого ранга?

— У меня слегка другой подход к ступеням рангов, Залия. Начальная ступень очень обширна, и я стремлюсь узнать её полностью, от и до, выучив даже то, чем я никогда не смогу овладеть. Те же заклинания лечения мне известны, хоть моя мана

и слишком для них агрессивна. — Мы плавно удалились достаточно далеко от мини-дворца, скрывшись за только начавшими сбрасывать листву парковыми деревьями. Осень холодная, но деревья подпитываются разлитой вокруг маной, а некоторые даже имеют свой резерв, за счёт чего цикл их жизни перекошен в сторону долгого цветения. — А простые заклинания продвинутого ранга практически ничем не отличаются от начальных. Ну, сама посуди — огненная стрела это суть огненный шар, которому за счёт лишних слов придали форму и большую скорость. И так во всём: можно сымитировать эффект продвинутого заклинания при помощи начальных, и экспертного — при помощи продвинутых. Это затратнее в плане силы, но после я рассчитываю добиться более высокой эффективности магии за счёт лучшего понимания принципов её функционирования.

И — нет, я не грузил девушку непонятными ей терминами. Стоит ей захотеть, и уже я пойму примерно ничего из произносимых ею речей, ведь начертание — это по-настоящему глубокая магическая наука, идущая вровень с артефакторикой. Просто артефактор придаёт предмету способность, грубо говоря, имитировать мага, а заклинатель переносит собственную сотворённую магию на носитель. Не только банальные исцеляющие-убивающие-созидающие свитки, но и комплексные чары, которые совсем немногие могут создать в реальном времени, входят в перечень того, чему они обучаются. Например, всё то, что я провернул в зале, можно было бы перенести на свиток, если бы я владел искусством начертания. Считающийся единственным, но наиболее существенным минус — артефактор может разработать схему и придать предмету неповторимую даже им самим способность, в то время как начертатели могут работать только с собственной магией, перенося её на носитель.

Такой подход требовал обширных и качественных познаний, которых у моей собеседницы было куда как больше, чем у меня.

— Знаешь, мы так поступаем, когда мастерство управления хотя бы одним элементом достигает королевского уровня. Маг ведь очень уязвим, пока ему не покорятся подобные силы.

— Я это понимаю, и, не будь у меня таких, фактически врождённых, сил, то я бы пошёл по проверенному веками пути. Но то, чем я занят сейчас, поможет мне сохранить время потом. Много времени…

— Разве для демонов время столь важно?

— А какая разница? И человек, и демон, и эльф — все они смертны. И, как говорил один мой знакомый, смертны внезапно. Я вполне могу умереть сегодня, завтра, через год, через десять

лет… А могу и прожить до глубокой старости, впав в маразм. Нельзя предсказать, когда встретишься с опасностью, перебороть которую окажется тебе не по силам.

— Следуя этой философии, ты должен вести себя совсем наоборот. — Я приподнял бровь, задав немой вопрос. — Ну, жить одним днём. Ведь никогда не знаешь, когда встретишься со смертью. Получается весьма противоречиво.

— А тут всё зависит от того, готов ли я рискнуть ради лучшего будущего. — Я улыбнулся довольно, ведь выход из словесной ловушки нашёлся сам собой. — Вдобавок, в моих планах что-то реально опасное не числится.

— Плохим вещам совсем не нужно, чтобы их кто-то ждал. — Залия улыбнулась какой-то грустной, даже печальной улыбкой, а я понял, что беседа наша ушла в некую нежелательную область. Впрочем, девушка и сама это поняла. — Так что там со льдом?

— Ну, смотри…

В течении последующего часа я объяснял, как работает призма и как это знание применить на практике. Не обошлось и без баловства, но в разумных пределах — учиться Залия явно любила и умела, осваивая материал быстрее, чем мне удавалось формировать последующие мысли в своей голове. Из-за этого в процессе обучения образовывались паузы, на протяжении которых я молча думал, испытывая на прочность свои отсутствующие преподавательские способности. И в одну из таких пауз моё восприятие, подкреплённое пассивным, но частичным физическим усилением, позволило мне заметить появление новых действующих лиц. Всё бы ничего, гости частенько отправлялись бродить по саду парочками или компаниями, но именно эти новоприбывшие почему-то «шли огородами», скрываясь среди деревьев. Это могли быть иллити-охранники, посланные дедушкой, но среди них как-то не было принято играть в ниндзя. Максимум — использование определённых уловок, дабы не мозолить глаза, но не более.

Не ожидая от Залии серьезных боевых навыков и хладнокровия спецназа, я просто спросил у неё, знает ли она какие-либо серьезные варианты личных защит, и не может ли она мне их продемонстрировать, поддерживая на протяжении пяти-шести минут.

— Зачем?

— А если я просто скажу, что надо, без описания причин?

Секунда заминки — и девушка, прикусив нижнюю губу, кивнула — и разом подобралась, сосредоточившись на своей магии. Как и оказалось, это была магия земли.

— Но только пять минут! И изнутри я тебя не услышу, так что

тебе придётся в любом случае подождать. И всё потом объяснить!

— Хорошо. И спасибо.

Улыбнувшись ободряюще, я дождался, пока девушка скроется за несколькими слоями серебряного металла, выросшего из земли и на манер цветка закрывшего непробиваемый бутон. Добавив поверх простенькое заклинание, глушащее звуки, я повернулся в сторону вот уже с минуту за нами наблюдающего ниндзя. От его напарника, затаившегося на противоположной стороне, я благоразумно закрылся цветком, да и бдительности не ослаблял.

— Выходите, я вас обнаружил. — И ниндзя, что неожиданно, показался, хоть я и ожидал от него стремительной атаки. Всё-таки иллити? Но почему тогда одежда — чёрная хламида, под которой промелькнули отнюдь не вещи воинов или магов рода? — Кто вы такие?

— Особое подразделение охраны, господин Золан. Нас послал глава для обеспечения вашей безопасности.

Особое подразделение, даже не одно, в роду существовало, но что б их отправлять на мою охрану? Можно поверить, но для этого должна быть причина, которой я не узнаю, не обратившись к деду напрямую. Как назло, никого из стопроцентных иллити тоже вокруг нет, хотя всего пять минут назад то и дело мелькали. И как проверить, свои ли это? Имён знакомых мне капитанов они могут и не знать, а глубоко в структуры боевых подразделений рода я не лез.

— Разве капитан Чумичанга не обеспечил достаточную внешнюю защиту? — И для правдоподобия, коронное: — Ваше прибытие сильно помешало процессу вербовки.

— Капитану отвели северное направление, господин, а нам доверили южное.

— Да? Тогда ты, выходит, попал в ряды моей охраны? — Я совершенно по-детски почесал затылок и сделал пару шагов вперёд, выведя физическое усиление на максимум и подготовил целый комплекс смертельных в моём исполнении заклинаний. — Тогда — будем знакомы!

И протянул руку. Ну, родной, чего тебе стоит скрепить начало новой дружбы рукопожатием? Во-от, ну а то, что дружба вышла короткой — это уже не моя проблема. Добиваю пронзённого тремя каплями урода перекормленным маной секущим вихрем, сорвавшим с него даже кожу, и окончательно убеждаю свою совесть — это не иллити. Тоже мне, капитана Чумичангу перевели… Если такой и есть, то он сильно удивится новому назначению в далёкий фэнтезийный мир. Что до второго ассасина, то я успел уклониться от почти беззвучно выпущенных шипов какой-то помеси магии огня и камня, отметив, что

разрушительная мощь в снарядах скрылась порядочная. Ряд деревьев пробило насквозь, так что лишние надежды питать бессмысленно.

— Ну и кто вас послал?

Спрашиваю уже после того, как новенькую мантию разорвали появившиеся крылья, а в сторону дворца улетела вереница огненных шаров. Кто-то перехватил сразу три из пущенных пяти, но им это уже не поможет — даже на оставшуюся светомузыку сбежится вся охрана, какая тут только есть. Но наличие сообщников у врага стоит держать в уме, чтобы не подставиться под подлый удар…

— Нам нужна только девчонка. Отступи, не порть с нами отношения.

— Это ты так пошутил?

— Я абсолютно серьезен. У тебя десять секунд на принятие решения, после чего ты умрёшь.

Повышенная интенсивность шелеста деревьев на северо-востоке, плюс шаги на юге. Знать бы, откуда выйдут свои, а откуда — чужие… Придется смещаться на нейтральную сторону, что б не огрести в первые же секунды.

— Знаешь, нормальным людям абсолютно всё равно, как к ним относятся вши.

— Это только твой выбор, демон.

Миг — и в руках силуэта, моментально преодолевшего разделявшие нас двадцать метров, появляется меч, движущийся прямо к моей шее. Проникнувшись, начинаю смещаться влево, параллельно вскидывая активно напитываемое маной крыло — но клинок словно и не замечает того, с лёгкостью его разрубая. Больно! Да мне будто руку отпахали! И тот факт, что я почти моментально срегенерировал потерянную часть, никуда боль не убрал!

Но сейчас мне, запущенному в полёт принятым на доспех ударом меча, не до причитаний. Покрытый металлом камень оружие убийцы пробить сумело, пустив мне кровь, но не достав до кости. Какая боль, я вас спрашиваю? Тут выжить — уже за праздник. Заигрался я, забив на существование мастеров меча, для которых слабые маги всё равно что закуска на праздничном столе…

Но не стоит считать, что один успешный ход это победа. Говорят, что для мага пережить первый рывок воина уже полдела, да и я сам вижу, что повторять подвиг с моментальным перемещением ассасин не спешит. Акция единоразовая, или ему нужно соблюсти какие-то условия? Знал бы — соломку б подстелил, а так придётся уповать на логику, здравый смысл и

собственную силу.

Шаг, шаг, ещё один, стреляю каменной дробью, одновременно пытаясь задеть врага шипами того же элемента, но мечник избегает всего, умудрившись ещё и шип использовать в качестве опоры для горизонтального прыжка. Отгоняю его выпущенными почти в упор каплями и разрываю дистанцию, пытаясь взлететь… и тут же падая обратно на грешную землю. Как оказалось, мой оппонент имеет в арсенале не одни лишь ближние удары, но и аналог небезызвестной Гецуги — волны силы, запускаемой в цель взмахом меча и обладающей колоссальной мощью. И так как в воздухе я пока маневрировать толком не научился, то и расправить крылья мне не светит — собьёт, никакая защита не поможет. Вот и как я скажу после этого, что с продвинутой магией можно повременить? Чем думал, когда размазывал свои усилия, не концентрируясь на чём-то одном? Теперь пожинаю проблемы с маной в реальном бою. Подкрепления, к слову, вступили в бой, что видно по трясущейся земле…

М-мать!

Выжимаю из себя все соки, совершая рывок к начавшему раскрываться бутону. Мог бы и подумать, что бой магов — это тряска, а её можно и в таком коконе почувствовать…!

Плечо обжигает болью, но я успеваю встать на пути ассасина, вдарив по нему самым сильным заклинанием, какое мне только известно — направленным вакуумным взрывом, подкреплённым порцией каменной, сука, шрапнели. Летел мечник далеко, но не долго, сумев выправить полёт и, оттолкнувшись прямо от воздуха, ринуться обратно. Вырываю погрузившийся по самую рукоять кинжал из плеча, сразу прижигая, а после и замораживая рану. Больно, но иначе можно лишиться сил от кровопотери, потерять в реакции — и, в итоге, откинуть копыта, что в мои планы…

А, чёртовы планы — ну вас ….й! Всегда всё через одно место! Такой день…!

— Зол?!

— Читай заклинание! Быстрее!

— Нет! Они…

Какое «нет»?! Да чем дольше я стою, тебя прикрывая, тем всё хуже становится! Я, конечно, парировал очередной удар, отогнав ассасина грозящим в случае касания превратится в лёд потоком воды, но правая рука у меня теперь ничуть не полезнее мешка картошки. Болтается так же, да вниз тянет — даже предположить боюсь, что там с ней стало. Тут бы и от болевого шока отойти в мир иной, да только адреналин такие вредные ощущения заметно

притупляет. Но я от этого ну вот ни разу не добрее! Где помощь, спрашивается? А нету! Остаётся лишь крутиться, рискуя жизнью ради человека, с которым только сегодня познакомился. Дурак? Ну, тут ничего не попишешь — такой уж я сам по себе…

Мама, папа, дед — простите, но выбора у меня никакого. Я должен знать, что из себя представляет мой враг. Иначе меня ждёт смерть…

На мгновение опускаю веки, и по глазам бьет резкая боль, отчётливо ощущаемая даже на общем фоне моего побитого тела. Маска, севшая на глаза, потянула на себя ману, но взамен зрение стало ещё чётче — и я увидел. Увидел жизнь рядового наёмного убийцы, что в раннем детстве потерял родителей на человеко-демонической войне. Увидел, как он был вынужден сначала побираться ради выживания, а после, пойманный воротилами преступного бизнеса, и красть. Всё плавно подошло к грабежам, и вот мальчишка двенадцати лет отроду впервые убил, опустив самодельную дубинку за затылок мужчины, решившего отстоять свои деньги. За первым трупом пошёл второй, третий и четвёртый; узнав о пране, Вогар набился в ученики к матёрому, что-то умеющему ворюге, и быстро перегнал учителя, убив того в бою один на один и переподчинив себе какую-то мелкую банду. Способов добраться до знаний стало больше, и уже к шестнадцати возмужавший юноша стал хорошим мечником, которого заметил и прибрал к рукам орден ассасинов, идущих по пути крови — Пятые Врата. Там Вогар быстро стал своим, и к моменту, когда орден канул в лету, а ему самому исполнилось тридцать лет, стал мастером меча. Первый ранг на пути становления пользователя праны, но для сироты и преступника — огромное достижение. Потеряв цель из-за гибели ордена, Вогар нашёл себя в убийстве демонов, в какой-то момент вступив в ряды чистильщиков людской церкви. Туда брали буквально любую мразь, если та искренне желала демонам смерти и обладала достаточной силой.

И сейчас, спустя ещё двадцать лет, Вогару перепал заказ на упущенную когда-то давно девочку-демона, семья которой была лояльна людям, но предана и уничтожена. Только Залия выжила тогда, будучи младенцем — её спасла неравнодушная женщина людской расы, позже передавшая её на попечение семье Лоссов. Те в один день потеряли своего ребёнка, а встреченную через считанные часы ослабшую от запущенной раны беженку с младенцем на руках посчитали за волю небес, приняв малышку в семью и окружив её искренней родительской любовью. Беженку они выходили и помогли ей устроиться в Рокстоуне.

Когда видение дошло до момента пыток и убийства семьи той самой беженки, от которой Вогар узнал всё мною

пересказанное, я — заплакал. Я не знал слов, которыми можно было описать охватившую моё сознание ненависть. Всё, на что меня хватило — это произнести одну-единственную фразу, послужившую мне отдушиной и, своего рода, спусковым крючком.

— Приговор вынесен. Вогар приговаривается к смерти. — Сейчас я не колебался, как тогда, с Бенефитом. Пытки? Суд? Нет, только смерть. И обязательно — от моей руки. — По моей воле рождённый…

Мечник приблизился ко мне на расстояние удара — и отступил в растерянности, когда я, не прерывая чтения заклинания, запустил две перекрёстных волны подряд. Одну — в лицо своего врага, а вторую — в его слабое место, свойственное для этого движения. Путь хищного меча. Медленный, но сильный стиль, подразумевающий двуручный хват и использование соответствующего оружия. Его слабое место — скорость. Я недостаточно быстр, но знаю, как сражается Вогар, и куда его бить. И это знание есть моё оружие.

Оружие Палача.

— … яркий, воспламеняющий и разящий…

Теперь уже я проявляю инициативу, выстреливая во врага ворохом ледяных копий, подкреплённых парой вихрей, чье единственное предназначение — изменить траекторию полёта остальных снарядов. Вогар уклоняется от части копий, а часть — отбивает, но я уже подбираюсь к нему вплотную. Защитная горизонтальная стойка, идеальна для отражения стрел и магических снарядов, но не имеющая никакого потенциала для отражения ударов, направленных снизу. Сковав всё вокруг тонким слоем льда и проскользнув под мечом, вспарываю беззащитную грудь крылом… пытаюсь вспороть — Вогар не просто так был мастером, и потому сумел избежать существенного урона, получив лишь глубокую царапину, тянущуюся от рёбер до самой ключицы. Два-три сантиметра — и он был бы мёртв. Это понимали мы оба, и оба же были готовы сражаться до конца. А в небе тем временем начали собираться чёрные, словно смоль, тяжелые тучи.

— … меч, что куется единожды…

Одновременно мы ринулись друг к другу, но на этот раз мечник быстро расчертил воздух перед собой, выбросив в мою сторону сразу две, идущие друг за другом, волны праны. Их скорость была такова, что я мог их избежать, но при этом неизбежно открылся бы, подставившись под их колящий аналог. Вогар не единожды убивал магов таким образом, и сейчас… а следовал ли он изначальному плану после того, как я показал ему

своё знание его школы боя? Подготовившись принять на защиту особо сильный удар, я заковал левую руку в каменно-стальную перчатку и напитал крылья маной. Так или иначе, но я должен выдержать возможную атаку. В случае же, если её не будет, я ничего не потеряю…

Вот обжигающее пламя волны проходит в считанных сантиметрах от моего лица, но никакого удара за этим не следует. Я в панике осматриваюсь — и замечаю, что мечник на максимально доступной для его тренированного, пропитанного праной тела мчится к Залии. Моя магия далека от завершения, но если я ускорюсь и волью всё, что имею…

— … исполни приговор, разверзни небеса, вынеси вердикт! МОЛНИЯ!

Из самого центра собравшихся над нами туч с жутким треском низверглась белоснежная дуга, ударившая прямо в Вогара, а мгновением позже пришёл гром. Стоило мне чуть ослабить контроль над высосавшим мои силы до капли продвинутым заклинанием погоды — и в небе, вторя своей сестре, начали виться молнии, беспорядочно расчерчивающие небосвод. Но праздновать победу всё ещё было рано — из оплавленного кратера на своих двоих, удерживая волокущийся по земле меч одной рукой, вышло лишь отдалённо похожее на человека существо. Обгоревший, живой лишь за счёт клубящейся в и вокруг тела праны, мечник слепыми, но даже так преисполненными боли и ненависти глазами смотрел на меня, словно спрашивая — «Почему так? Может ли моя жизнь закончится таким образом?». Глаза Палача ясно говорили мне, что сейчас он неистово желает не жизни — смерти, ибо разрывающая его тело на части боль нестерпима, а осознание собственной беспомощности претит самому его существованию. Привыкший доминировать над своими целями убийца за счёт превосходящей силы, Вогар рухнул на самое дно, сраженный, — какой же позор! — ребёнком. Не знал, болезный, что я совсем необычный ребёнок…

Скорчившись из-за неловкого шага, отдавшегося болью в плече, я заметил, что обгоревшая и замороженная рана вновь начала кровить. Походя обновив слой льда, я создал в левой и, по совместительству, единственной целой руке меч, представляющий собой кусок покрытого алыми прожилками льда. Каким-то образом я захватил часть собственной, вытекшей из ран крови, но сейчас мне было на это ровным счётом плевать. Усталость, монолитная и непоколебимая, давила на меня, словно потолок — на атланта, и каждый шаг стоил мне серьезных усилий. В какой-то момент мне захотелось просто издали

пристрелить почти мёртвого врага, но волевым усилием я подавил это желание, всё-таки доковыляв до полутрупа.

Прыжок, взмах — и голова мечника слетает с плеч. Ни капли крови, лишь сухие алые хлопья разлетелись по ветру, отчасти застыв на моём грязном, окровавленном лице. Я беспричинно оглянулся — и, найдя взглядом какую-то девушку, устало выдохнул — и упал в грязь. Я сделал всё, что мог.

Исполнил приговор…

Глава 9. От любви до ненависти…?

Часть I.

Проснулся я… как обычно. Никакой слабости не было и в помине, а о полученных ранах напоминала лишь скованность правой руки, которой досталось больше всего. Припомнив события того вечера, я невольно улыбнулся — мало того, что хорошо показал себя на приёме, так ещё и вышел победителем из серьезной битвы, впервые использовав заклинание продвинутого уровня! Правда, читать пришлось вслух, но укороченную версию и одновременно ведя бой с сильным противником.

Не обнаружив вокруг никого и ничего, я вскочил с кровати в чём мать родила и неспешно подошёл к зеркалу. Сдвинув створку с ним в сторону, я достал обещанный отцом комплект одежды, невольно задумавшись над тем, сколько я провалялся в отключке. Отложив вещи в сторону, вновь уставился в зеркало, отметив, что мои тёмно-серые волосы сделали мне ручкой, и теперь я практически полностью седой. Так, пара пряжек осталась… Но это признак того, что кровь иллити во мне особенно сильна, и от этой расы я унаследовал заметно больше половины. Такое в случае межрасовых браков случается и называется доминацией генов, когда кровь матери или отца оказывается сильнее, «подтирая» признаки, свойственные одной расе, и укрепляя — свойственные своей.

Немного покрутившись перед зеркалом, удостоверился в отсутствии и намёка на шрамы. Всё в порядке. Я жив, родители и дед с братом находились под охраной… Так откуда тогда это тянущее, болезненное чувство в груди? Нехорошее предчувствие? Ну, проверить это сидя в комнате я точно не смогу, так что нужно одеваться и выходить на поиски. Во-первых, источника информации, и во-вторых — еды. Есть хочется сильнее, чем кого-то искать, но едва ли я успокоюсь, покуда в подробностях не узнаю, что эти убийцы забыли на официальном приёме. Не понимали разве, что за ними теперь по приказу короля пошлют ищеек…?

Спустя пять минут я в полной экипировке побрёл в сторону кабинета деда, так как очнулся я не в том доме, где родители всё ещё живут, а в поместье. По дороге я встретил нескольких слишком уж смурных на вид слуг, что только подстегнуло мою скорость, и до дедушки я добрался в кратчайшие сроки.

Правда, постучаться и дождаться ответа всё равно пришлось

— правила такие.

— Вижу, ты очнулся, внук. Присаживайся. Как себя чувствуешь?

По обыкновению устроившись на привычном месте, я заинтересованно оглядел слегка обновленный кабинет. По правую руку добавился ещё один, пока наполовину пустой, шкаф.

— Я полностью здоров. Никто не пострадал? Родители? Брат?

— Потери есть только среди охраны. — Дедушка повёл плечами — и откинулся на спинку кресла, водрузив обе руки на подлокотники. — Твоя подруга тоже жива и здорова. Была перепугана, но за эту неделю пришла в норму. Каждый день по несколько часов проводила рядом с тобой, ждала, пока очнёшься.

— М-м-м… — Что-то в голову закрадываются такие, очень нехорошие, подозрения. На приёме я с кем-то обсуждал магию… Танцевал… Потом… ушёл в сад? И эта не физическая, но такая яркая боль, всплывающая при малейшей попытке вспомнить… Но почему такие отрывочные воспоминания, если, предположим, Палач стёр из моей памяти этого… эту девушку? Разве я не должен был забыть вообще всё, с ней связанное? Просто амнезия…? — Кажется, у меня частичная амнезия. Я не помню ни имени, ни того, как выглядит та, о ком ты говоришь. Но помню, как бы, структуру событий. Как танцевал… Как говорил… Но ни ответов, ни образов — ничего.

Дед посмурнел, как обычно делает, когда ударяется в раздумья. По крайней мере, я хотел, чтобы причиной было именно это. Но время шло, секунды перетекали в минуты, а ответа всё не было.

— Дедушка…?

— Прости, Золан. Если всё так, как ты описал, то это… не амнезия.

Боль! Как же больно! Я бы с радостью пережил ту битву десятки, сотни раз, если бы это помогло унять её, но это было невозможно. Я пытался вспомнить, но в ответ приходила лишь боль.

— Её зовут Залия Лосс. Приёмная дочь семьи Лосс, демонесса из расы Вейри. С ней ты очень много общался на приёме, исполнил танец, а после вы продолжили общение в саду. — Такое поведение не свойственно мне. Я просто не мог сделать всего того, о чём помню, из-за одного лишь поцелуя. Я же не подросток даже — думаю головой, а не тем, что пониже. Но это чувство огромной потери — как и чем его заполнить? — Она говорила, что ты обманом заставил её укрыться в её сильнейшем защитном заклинании, а сам принял бой, одолев, в конце, обоих нападавших… — Дедушка говорил и говорил, а я физически не

мог попросить его остановиться. В горле стоял ком, а душевная боль от постоянных попыток вспомнить как она хотя бы выглядит перешла все границы. По щекам катились слёзы, но вряд ли дед их видит — я же сижу, опустив голову, а волосы у меня средней длины… — Тебе повезло, Золан, что ты забыл её, а не кого-то…

Холод. Я сам не заметил, как вскочил на ноги, опрокинув стул, и ринулся к окну, которое рассыпалось пылью даже до того, как я его коснулся. Не осталось ни стекла, ни рамы, и потому я почти беспрепятственно выпрыгнул с третьего этажа, в падении распахнув крылья и устремившись вперёд. Просто вперёд, туда, куда меня вёл ветер, именно сегодня отвратительно спокойный и неспособный сдуть слёзы, катящиеся по щекам. То и дело теряя высоту от приступов боли, вызванных тщетными попытками вспомнить, я набирал её вновь и лишь ускорялся, в какой-то момент пролетев над последним рядом домов и оказавшись над полями…

Холод и боль. Боль и холод. Таково чувство потери, вызванное Палачом? Мог ли я выиграть тогда, не прибегая к его использованию? Мог, если бы меня вели не эмоции, а в голове не было бы сторонних мыслей. Да, это — моя слабость. Единственная, но такая большая. Потерять память о человеке, к которому я был явно неравнодушен — то, чего я так боялся. И срок в один короткий вечер ничего не значит, ибо в моей жизни есть сотни, тысячи человек, о которых я готов забыть безо всяких раздумий. А за тех, кто мне действительно дорог, не жалко и жизни.

Так почему ту, которую я стремился спасти и защитить, проклятье вычеркнуло из моей памяти? Случайность — или насмешка?

Ветер свистел в ушах, а крылья послушно несли меня вперёд, вдоль русла реки, на изгибе которой стоит Рокстоун. В какой-то момент смазывающиеся где-то далеко внизу поля, с которых уже давно собрали урожай, сменились лесом, и я пошёл на снижение. Позади никого не было, а с земли меня будет практически невозможно отыскать. То, что нужно, чтобы побыть одному и разобраться в себе.

Едва мои ноги коснулись земли, как в ушах раздался перезвон, а перед глазами высветилась табличка, сообщающая о повышении уровня умения [Магии] до продвинутого ранга. Открылась обширная библиотека знаний, к которой я так стремился… И где, спрашивается, радость? Где она, а? А нету! Потому что я — клинический идиот, а клиника, как известно, не лечится! Почему, ну почему я, двухсотлетний, что б меня, кретин, не научился нормальной боевой магии продвинутого ранга?

Почему решил, что мой огрызок системы не повысит навык после того, как я освою что-то следующего ранга? Вот он, продвинутый уровень при том, что не далее как неделю назад он был сорок вторым!

Всё изменилось бы, окажись я капельку умнее. Мог догадаться, что навыки повышались по мере прокачки просто потому, что предыдущие пользователи сами, без системы, ну вот совсем ничему не учились и ничего не умели? Мог. Так что если кого сейчас и винить, то самого себя, а не отдавших свои жизни или получивших серьезные ранения во время честного несения службы охранников. Для того, чтобы изолировать меня от остальных иллити, не один десяток ассасинов должен был понадобиться, а это значит, что потеряли мы в тот вечер многих. Те, кто привлёк к нападению ненавидящих демонов людей, могли использовать их исключительно в качестве отвлекающего фактора. Да много чего могло произойти, сиди теперь, гадай…

Без особых надежд попытался найти какой-то навык, связанный с памятью, но ничего, что в перспективе могло бы мне помочь, не обнаружил. Увы, но система тут не выступает в качестве всесильного инструмента. Просто библиотека, обширная, но не абсолютная. В этом мире нет, например, автоматической винтовки — нет и соответствующего навыка.

Вдох, выдох. Успокоиться мне это не поможет, но хотя бы грудь перестанет болеть от того, что я уже минуты две как не дышу, просто забыв об этой насущной необходимости. И попытки вспомнить… Пока их стоит отложить. Вынести урок и… нет, не смириться, а начать целенаправленно копать в этом направлении. И когда-нибудь, пусть хоть и под самый конец жизни, но вспомнить всё. И мою первую, забытую встречу с Залией Лосс, теперь незнакомкой, о которой я забыл всё, и всё остальное, что я уже или ещё забуду. Ведь сухие факты, теплящиеся в памяти, ничто по сравнению с переживаемыми человеком чувствами, выстраивающими его личность и характер.

Придя к такому умозаключению, я опустил веки — и, сам того не заметив, уснул, устроившись под деревом на пологом берегу могучей реки, чьи воды одним лишь своим шумом могли успокоить и привести человека в чувство…

Часть II.

Домой я возвращался в препоганейшем настроении, искренне надеясь на то, что уж родители-то не будут доставать меня чрезмерными расспросами. Я был готов сорваться в любой момент, и потому в какой-то момент подумывал даже о том,

чтобы остаться в лесу. Но понимание того, что за меня будут волноваться, пересилило столь эгоистичное желание, приведя меня к порогу родного дома.

Стучаться я не стал, молча открыв дверь и замерев в прихожей: голоса родителей я не узнать не мог, но третий, женский, мягкий и певучий, мне был… незнаком? Так уж и совсем? Прислушался к себе, но так и не смог отыскать даже намёка на нужное воспоминание.

— Золан, не стой в дверях, проходи.

Мама, естественно, ощутила, что я вошёл в дом, так что притворяться ветошью изначально не было смысла. Смешно, но со стороны моё поведение должно выглядеть совершенно по-детски. Да и вряд ли что родители, что дедушка сумеют оценить все масштабы проблемы. Для них я просто ребёнок-вундеркинд, что не будет слишком уж долго беспокоиться по поводу одного забытого человека, в их глазах — почти незнакомца.

Собравшись с духом и выдохнув, я унял бьющую все конечности дрожь и уверенно вошёл в гостиную, сразу сосредоточив внимание на гостье. И первыми в глаза бросились, что понятно, длинные, светлые вьющиеся волосы, обрамляющие аккуратное, почти детское лицо с большими бордовыми глазами, тонкой линией губ и изящным носиком. Воротник белоснежной блузки открывал изящную шейку девушки, а фасон выгодно подчёркивал открытые плечи и грудь второго размера. Красавица, каких поискать, но противоположный пол я сужу не только по внешности.

— Кхм-кхм. — Отец прервал затянувшееся молчание вежливым покашливанием. — Зол, как себя чувствуешь?

— Цензурно отвечать обязательно? — Мама поджала губы, а отец — серьезно кивнул. — Тогда я промолчу.

— Золан… Твой дедушка всё мне рассказал. О даре и проклятье, и о том, что ты забыл тот день. — Значит, это всё-таки Залия Лосс. Заметно старше, чем я, но это только подчёркивает важность мною утраченного. То, что я, думая о ней как о человеке, чей век крайне короток, продолжил близкое общение, именно мне говорит о многом. — Что бы ты себе не выдумывал, но то, что произошло, никак не повлияет на наши отношения. Я-то всё помню, и, если хочешь, могу всё пересказать… Если ты, конечно, хочешь продолжать нашу… дружбу.

— Хочу. — Мозг что-то возмущённо пискнул по поводу того, что рядом с Залией меня постоянно будет мучить боль от попыток вспомнить, но ответить иначе я не мог. Сам себя бы потом не простил. — И… я правда забыл. Прости.

— Так. — Отец встал из-за стола, подхватив маму под

руку. — Я совсем забыл о кое-каких важных делах. И, дорогая, мне нужна твоя помощь.

Мама не стала возражать, и спустя полминуты мои родители, проявив несвойственную им тактичность, скрылись в направлении своих комнат, оставив нас наедине. Но я-то помнил, что мама фактически может наблюдать за всем, что происходит в этом доме, так что…

— Может, прогуляемся?

— Я не против. — Поймав мой взгляд, Залия улыбнулась. Немного грустно, но если я правильно составил картину нашего разговора по известной мне половине, то девушка изначально ничего не знала как о моем положении среди иллити, так и о моих силах, найдя во мне лишь интересного и приятного лично ей собеседника. Тогда то, что я забыл всё, что она говорила и всё, что я чувствовал по отношению к ней, ударило не только по мне. — Куда пойдём?

— Можно куда угодно, но есть у меня на примете одно место… — Выглянув в окно и не обнаружив на небе грозящих разразится дождём туч, я продолжил: — … на крыше театра. Если там сегодня что-то ставят, то можно будет посмотреть с по-своему уникальных мест.

И не спрашивайте, что я там забыл и как туда попал. Всё равно ведь не расскажу.

— Крыша театра? — Залия широко улыбнулась. — В такие места меня ещё никто никогда не приглашал.

— То ли ещё будет… — Произношу весело и, поддавшись охватившему всё моё естество чувству лёгкости, выпускаю крылья. Заодно и опробую специально оставленные на моих вещах разрезы… — Полетели…?

Часть III.

— Поздравляю, внук. Несмотря на обстоятельства, твоё достижение остаётся достижением.

Я стоял по правую руку от деда, глядя, как плавными движениями один из старейшин магией выжигает на камне моё имя, возраст и достижение. Стена памяти, на которой, на самом деле, имён было не так уж и много. Сами иллити были довольно-таки молодой расой, и не могли похвастаться тысячелетней историей. Но даже то, что имелось, они хранили словно зеницу ока. Ещё нигде я не видел защиты, подобной установленной здесь Для того, чтобы распечатать этот подземный зал, потребовалось участие деда, как главы, и сразу пятерых старейшин — меньшим составом сюда попасть можно было лишь силовым методом. Но

повод, на самом деле, был, ибо сразу после моего имени шла отметка о достижении продвинутого ранга в шесть лет, а так же упоминание убийства в честном бою состоявшегося мастера меча из расы людей. С последним я был не согласен, так как победа далась мне слишком дорогой ценой, но совет старейшин в этом плане был непреклонен: убил врага безо всяких поблажек и преимуществ — попал на стену памяти.

Сейчас, вчитываясь в кажущиеся бесконечными строки, я понимал, сколь много в нашем роду было реально могущественных магов. Продвинутые ранги в пять лет не были редкостью, и имелась даже пара отметок о таком достижении в возрасте четырёх лет. Что это за монстры, и вошли ли они в историю, я узнаю, когда руки дойдут до исторических трактатов древней истории, куда входили все события старше семидесяти лет. А пока буду восхищаться предками, раздумывая о том, как стоит по-новому распределить своё время с учетом как открывшихся дорог в магии, так и появления в моей жизни ещё одного человека, которого сердце упорно не желало отпускать.

С моего боя прошёл месяц, и этого времени мне хватило, чтобы разобраться в себе. Я ничему не учился, не занимался с наставниками — лишь спарринговал временами с теми, кого заставал на полигоне, гулял с Залией, да читал оставленные другими Палачами записи. Последних было мало того, что совсем немного, так и большая часть этих трактатов выглядела, словно бред перепившего, обдолбанного наркомана, которому до кучи спать целую неделю не давали. Иными словами — безумие моих предшественников предстало передо мной не в виде пространных рассказов, а в качестве изложения их собственных мыслей, разобраться в которых пробовали лишь сами Палачи… когда осознавали, что их разум катится в бездну, и если ничего не предпринять, то они станут опасны для общества. Сказать, что я разочаровался в результатах их попыток противостоять проклятию — значит не сказать ничего. Пока всё складывалось так, что мне придётся самому, с нуля вести свои изыскания.

И я был к этому готов. У меня есть потенциал для становления по-настоящему сильным магом, есть родина и, кажется, любимый человек. Что до ударов судьбы, то я уже выдержал один, и готов сделать всё для того, чтобы достойно принять и все последующие.

Даже если для этого придётся много и часто убивать. Но это ещё нескоро, и пока я могу просто наслаждаться жизнью, не тратя зазря ни единого часа.

— Спасибо, дедушка. Как ты считаешь, на что мне теперь стоит упирать?

— Если ты не разочаровался в своих элементах, то продолжай работать с ними. Род предоставит тебе двоих наставников по боевой магии, занятия с которыми будут вестись поочерёдно у тебя и Гериана. После случившегося он тоже изъявил желание подтянуть боевые навыки.

Что-то в словах деда было не так. Он будто недоговаривал, но в словах его была лишь чистая правда. Я ощущал это, хоть и не мог понять, как именно.

— И кто будет нас учить?

— О, со своей будущей наставницей ты не так давно уже встречался и даже с ней спарринговал… — Нет! Только не её…! - … да и самой Целестии нужно разбавить график чем-то менее изматывающим, нежели тренировки. Преподавание — не худший выбор.

— Но разве наставников не готовят специальным образом…?

— Глупость. Талант учителя или есть, или его нет. Этому нельзя обучить, а базовые навыки подачи материала у Целестии есть. Всё-таки её обучали как элиту, а не как рядового боевика.

— А второй? Надеюсь, не кто-то из пятёрки Потрошителей?

— Нет, их я к своим преемникам, да и вообще к детям, и на пушечный выстрел не подпущу. — Дедушка покачал головой, дополнив свои слова этим простым жестом. — Вторым наставником для вас станет Форт, маг Королевского ранга в воде и земле, Эксперт — в огне и воздухе. Да-да, среди нас встречаются и такие. Он уже стар, но в плане знаний и опыта немногие сумеют с ним поспорить. Если говорить о том, кто кем будет заниматся в приоритете, то Форт — твой учитель, а Целестия — Гериана.

— Фух…

— Число занятий с каждым наставником изначально будет одинаковым, так что ты рано радуешься. — Но вот усмешка пропала с лица дедушки, и он, проводив взглядом последнего старейшину, покинувшего зал без единого слова, спросил: — Чем она так тебе не нравится?

— Характером, я полагаю. Она сильный маг, но… её разбаловали. Она слишком много о себе мнит, судя остальных лишь по силе, но никак не по характеру, стремлениям и желаниям.

— Считаешь? Хм. — Дедушка, кивнув в сторону выхода, задумался, пропустив меня вперёд. И уже там, выйдя из зала, я заметил злобно на меня поглядывающую Целестию. Перед тем, как попасть в поле зрения деда, она характерно провела большим пальцем по горлу, а после — ткнула в меня указательным пальцем. Естественно, через секунду она уже выглядела как

образец послушания — хоть сейчас на доску почёта в категории дисциплины. — Целестия, ты сама всё слышала. И это моя последняя тебе помощь, как начинающему наставнику.

— Я благодарна вам, глава.

— Между тем, мнения моих внуков относительно тебя сильно разнятся, так что я разрешаю формировать две различные программы подготовки.

— Я непременно сделаю так.

Я стоял и, кхм, обтекал. Мало того, что дед меня подставил, так ещё и разрешил этой стерве делать со мной чуть ли не что угодно. Наказание? Но за что? Не за побег же? Или… нет, ещё рано такое предполагать. В конце концов, Залия — демон, как и иллити. Разве может его не устраивать её кандидатура? Да и вместе мы проводим не так уж и много времени, всего по паре часов в день. С началом активных тренировок, — чую, весьма скорым началом, — этот срок вполне может уменьшиться, но ненамного…

Вот так я думал до того, как началась новая эпоха — Эпоха Выживания! Наивно, правда? Знать, что иллити неодобрительно относятся к бракам с кем то вне рода, видеть перед глазами подходящий пример в лице отца и мамы… И надеяться, что промашка деда с Залией окажется его осознанным решением! Он позволил ей сблизиться со мной, но лишь потому, что я, семилетний ребёнок, слишком сильно отреагировал на потерю части памяти. Какая, спрашивается, любовь в таком возрасте? Максимум — привязанность, и то такая, которую можно легко заменить. Но всё пошло не по плану с момента, когда я красиво прокинул парочку девочек-одногодок, специально подобранных в соответствии с моими интересами и предпочтениями, а после в обход прямого запрета встретился с Залией. Тогда ограничение сняли, и я подумал, что сие есть ничто иное, как разрешение деда на дальнейшие встречи, но сейчас проникшийся моей непробиваемостью Гериан раскрыл передо мной весь расклад, который из всех вокруг не был ясен лишь мне. Не знаю, что это — синдром слепого и тупого главного героя во всей своей красе или нечто иное, но я действительно не замечал очевидного.

Дедушка, несмотря на своё ко мне отношение, делал всё, чтобы я забыл о Залии, прикрывая свои планы необходимостью повышения моей силы. Этим же он меня и мотивировал, руками двоих наставников гоняя на полигонах от рассвета и до заката. Боевая магия, теория заклинаний плюс мой [Путь к Идеалу] — и вот уже я, словно загнанная лошадь, едва доползаю до своих комнат, при падении на кровать впадая в кому до следующего утра. Началось это на следующий после появления моего имени

на стене памяти день, а минуло с тех пор всего четыре месяца. И только в последние две недели меня начали загонять до полусмерти, ибо до этого меня ещё кое-как хватало на выходы в город. С каждой неделей всё менее продолжительные, но — выходы…

Проникшись этим пониманием, я обрёл второе дыхание и, убедившись в том, что затренировавшей меня до крайне плачевного состояния Целестии нет рядом, вскочил на ноги. Завидовал ли я, глядя на свежего и довольного брата? Однозначно ответить было нельзя, ведь мои нечеловеческие труды сейчас направлены на то, чтобы не проливать лишней крови потом. Может, редко-редко я и представлял, как Целестия сменяет-таки гнев на милость, снижая нагрузку до приемлемой, а Форт наконец-то решит, что к постоянной практике можно добавить и крупицу теории, ибо мне просто неоткуда больше узнать об особенностях применения магии в малых отрядах.

Если бы не навык [Магии], то я вполне мог бы предположить, что меня тупо выматывают, но не учат. Однако выдаваемые системой цифры размеренно повышались, демонстрируя наличие прогресса, да и нередкие сверки предлагаемых навыком вариантов с реальностью проблем не находили. Меня учили почти как надо, а все неровности я сглаживал уже самостоятельно.

— И что ты планируешь делать?

— А какие у меня варианты? — Я демонстративно развел руками. Грязный и потрёпанный, я походил скорее на бродягу, чем на тренирующегося мага. — От Залии я не откажусь, а от своей идеи — не откажется уже дедушка. Слишком я ценен для рода, как Генерал и Палач.

— Прогресс, однако. — Брат криво ухмыльнулся. — Ты начинаешь понимать очевидное. Но упорно игнорируешь тот факт, что деду достаточно одного приказа — и Залия сама от тебя отвернётся. Понимаешь? Она не станет подвергать опасности своих родных из-за…

— Из-за меня, да? Тоже считаешь, что десять лет — это ну охренеть какая разница в возрасте для нас, живущих по меньшей мере в двадцать раз больше? — Я сжал кулаки, ощутив, как по телу начинает вновь циркулировать поток свежевыработанной резервом маны. — Я ведь верил деду. Вопреки словам отца считал, что мы для него важнее выгоды рода. Спасибо за то, что открыл мне глаза.

— Пойдёшь требовать отмены этих драконовых методов?

— Возможно, да, а возможно — и нет. Всё зависит от того, что скажет по этому поводу Залия.

Поведя плечами, я выпустил крылья, не почувствовав даже далёкого отзвука боли. Если каждый день не по одному разу их выпускать и убирать, то, как оказалось, организм вполне может к такому привыкнуть. Перед тем, как взлететь, я создал вокруг себя миниатюрный водный вихрь, вымывший из одежды и с кожи всю грязь. Хотя бы так, но я должен был привести себя в порядок.

Взмах — и вот уже я взмываю в небеса, провожаемый непонимающим взглядом брата. Прости, но я не могу тебе довериться. Уж слишком сильно ты во всём полагаешься на деда…

Часть IV.

— Если где-то убыло, значит где-то прибыло…

Щелчок — и мудрёная защита на окне отключается, позволяя мне его открыть и пролезть в комнату, расположившуюся на втором этаже внушительного особняка, принадлежащего Лоссам. Рассчитывая на определённый срок, который требовалось бы провести в ожидании, я сильно удивился, обнаружив сидящую калачиком, завернувшуюся в одеяло Залию. Та смотрела на меня, как на неожиданно выскочившего из ящика с бельем хоббита с винторезом в руках. Тобишь, с непередаваемой смесью шока и удивления на лице. Из-за чего, спрашивается, если кодовую фразу она мне сама сказала этак с месяц назад на случай, если мне понадобится поговорить с ней в обход остального семейства Лоссов?

— Я должен сразу извиниться за то, что так долго не приходил. Определённые… обстоятельства, в которых я разобрался только сейчас, послужили тому причиной. — Ни ответа, ни привета. Девушка всё так же продолжает на меня пялиться с совершенно нечитаемым взглядом. — Залия? Ты чего так на меня смотришь?

— Зол… Почему ты здесь?

— Ну, потому что пережил очередную тренировку на выживание и сумел сюда долететь?

Залия нахмурилась, после чего резко вскочила на ноги, отбросив одеяло в сторону. К счастью или несчастью, но под оным обнаружилась она сама в повседневной, обычной одежде, подходящей для чего угодно. В два шага она приблизилась к своему рабочему столу, покрутила что-то под столешницей и только после этого открыла скрытый выдвижной ящик, выудив оттуда… письмо? Бумажка быстро перекочевала ко мне в руки, и я, краем глаза отметив дату, — двенадцать дней назад, — посмотрел на Залию.

— Это то, о чём я думаю?

— Если ты думаешь о, возможно, поддельном письме, то — да.

Таким образом, всё, во что я верил, рассыпалось прахом. Письмо, скреплённое печатью иллити, содержало в себе «мои» слова, посредством которых я, словно какая-то нерешительная девица, предлагал Залии перестать мучать друг друга, сведя на нет все встречи. В качестве первого шага, «я» обязался более не встречаться с ней, что и «выполнял» все эти двенадцать дней. Наставники сорвались с цепи две недели как, следовательно — даты совпадали. И я бы решил, что это проделки кого-то из старейшин, но следом спустившаяся вниз, к родителям в мастерскую Залия принесла ещё одно письмо, написанное лично дедом и скреплённое его же печатью. Эти два сообщения доставили одновременно, и если в «своём» я выступал инициатором разрыва отношений, то дед пошёл ещё дальше, извинившись за «моё» поведение и призвав фамилию Лоссов поспособствовать прекращению нашего общения. Залию уговорили оставаться дома хотя бы пару-тройку недель, я — выматывался на тренировках, и раскрыл всё лишь по чистой случайности. Смогли бы мы вновь наладить отношения после такого? В себе я не сомневался, но что до Залии…?

— Я ничего об этом не знал, правда. И… не ожидал, что моя семья пойдёт на такое. — Я устало опустился на пол и, потерев переносицу, спросил: — Было что-то ещё… подобного рода?

— Устная рекомендация мне отступить. Двое иллити пришли прямо в лавку, и прямым текстом сказали такое моей маме.

— И что она?

— Мы долго говорили… Обо всём… И она сказала, что закроет на этот призыв глаза. Но письмо видел папа, а он считает, что идти против воли огромного рода мы не в силах.

В голосе стояла такая обречённость, что мне невольно захотелось пересчитать деду рёбра парочкой заклинаний. Считает себя вольным распоряжаться чужими жизнями? Действует обманом, не считаясь с моим мнением? Его выбор. Я правда пытался быть хорошим внуком. Верил его словам, учился тому, что рекомендовал он, но я сам считал бесполезным, жил в его доме, жертвуя временем, проводимым с родителями… «Мы — иллити, и мы действуем в интересах друг друга». Прекрасные слова, оказавшиеся ложью. Тогда отец был полностью прав, оскорбляя и поливая грязью всю верхушку своего рода. И обратно его наверняка приняли только потому, что я оказался столь многообещающим…

Но разве можно подделать эмоции, что я посчитал

совершенно искренними и неподдельными? Я проводил с Зар`та много времени, и никогда не слышал в его словах откровенной лжи. Притворство и искусная актёрская игра? Нет, скорее иные идеалы и стремления. Покуда всё идёт согласно плана — внук любим и ему можно потакать. Но когда что-то пошло не так, в ход пошли откровенно подлые и гадкие методы вроде подделки писем. Остановится ли дед, когда я выскажу ему всё? Не пойдёт ли ещё дальше, посчитав, что исчезнет человек — исчезнет и проблема? Не буду скрывать, методы деда в ведении дел были, порой, слишком жестоки, но я всегда считал, что возможность их применения не распространяется на своих. Даже отца и маму когда-то он лишь изгнал…

Ладно, действовать сгоряча точно не стоит, ибо можно таких дел наворотить, что самому потом станет стыдно, как с маминой подругой. Для начала — успокою Залию, а после, наверное, поговорю с отцом. Уж он-то подскажет, что делать. А если и он окажется на стороне деда, то…

С иллити мне будет больше не по пути.

Часть V.

Уже через час я вернулся домой, порадовав маму редким в последнее время визитом, — а за две недели я и сюда не выбирался, чего уж, — а ещё через тридцать с небольшим минут отец вернулся с работы. Выдохнув и переодевшись в свой повседневный костюм, я выгадал момент и начал разговор там, где мама точно ничего раньше времени не услышит — в его лаборатории.

— … как-то так.

Пересказ вышел недолгим, но содержательным и, самую чуточку, эмоциональным. Мне всё ещё было трудно смириться с тем, что дед предал моё доверие. Да ещё и сделал это столь цинично, по причине, которая на значимую в моих глазах точно не тянет. Сильная кровь? Да если бы я по такой причине соврал детям или внукам, то как минимум перестал бы считать себя достойным человеком. Кто я, в конце концов, такой, чтобы навязывать остальным, как правильно жить? Бог, что ли? Нет, всего лишь человек…

— Я не знаю, что сказать, Зол. — Восседающий на сиротливо стоящем посреди лаборатории стуле отец опёрся на хлипкую спинку, вперив взгляд в пол. Он выглядел подавленным и разбитым, словно это не меня, а его во второй раз смертельно обидел отец. — Я считал, что он изменился… Ты уверен, что письма действительно отправлены им?

— Я много раз видел печати, и уверен в том, что они подлинные. Да и кому, спрашивается, нужно их подделывать? Залии? — Тут, уж простите, мою реакцию предсказать было решительно невозможно. Я не ребёнок, которого можно читать, словно открытую книгу, да и о происходящем узнать удалось только благодаря Гериану. Он просто не смог и дальше видеть, как я нещадно туплю, и всё мнё рассказал. Кто его мог подговорить? Да никто — он, в отличии от меня, поместья не покидает совершенно. — Это даже звучит абсурдно.

— Для тебя — да, но не забывай, что многие не откажутся от, хотя бы, выкупа. — Ну не могу я объяснить, что пока меня очень сложно предсказать! Не сочетается моё поведение с возрастом, а система ценностей и вовсе иная. — Нам необходимо поговорить с твоим дедом лицом к лицу.

— И он точно ничего… такого не предпримет?

Попадать в плен мне не хотелось совершенно, а деду я с сего дня доверял не сильнее, чем незнакомцу с улицы. Да, он долго завоёвывал моё доверие и уважение, но потерял всё, лишь единожды оступившись. Я был сторонником наиболее рационального подхода, который гласил — «предавший однажды, предаст ещё раз». И если отношения деда с отцом я ещё мог проигнорировать, не являясь ни участником, ни свидетелем событий, то сейчас всё было иначе.

Он. Меня. Предал.

— Нет, такого не будет. Я многое могу представить, но в этом списке нет ничего, от чего нельзя отказаться. Так что — одевайся, нас ждёт тяжелый разговор. Или наоборот, выяснится, что это всего лишь совпадение…

Отец потрепал меня по волосам, но наткнулся на ледяную стену отрицания:

— Не бывает таких совпадений, отец.

Но встретиться с дедом я всё-таки согласился, ибо иной выход, — побег, — был бы самым безответственным решением в моей жизни. Я уже нёс ответственность за Лилиан, которую без меня просто бросят. Сейчас она училась у Файи, и в случае прямого конфликта с иллити мне придётся или уповать на помощь родителей, или искать малышке семью среди тех, кто готов принять чужого ребёнка. Делалось это именно так, руками неравнодушных, так как соответствующий государственный механизм существовал лишь в столице и центрах провинций. Сам я ни присматривать, ни просто обеспечивать ребёнка не смогу, так как не обладаю ни единым источником дохода.

Зато теперь я точно знаю, что в свой десятый день рожденья я точно отправлюсь на восток, в земли, где работы для

авантюристов в достатке, и связана она с битвами. Учитель из меня вряд ли получится, так что — только боевые заказы. Но для этого нужно стать экспертом стихий воды и земли… Реально ли? За три-то года, когда я ещё не достиг продвинутого ранга в искусстве обращения со всеми четырьмя стихиями, освоив только воду с огнём? Ударные темпы последних четырёх месяцев меня, конечно, закалили, но шансы всё равно выглядят весьма призрачными. Уровень магии после обновления уже поднялся до пятого, но от желанной полтины его отделяют литры пота и крови, которые мне нужно будет пролить. Сроки… сжатые, мягко говоря. Но и деньги нужны.

Неужто придётся наниматься к кому-то репетитором? А наймёт ли кто-то ребёнка? Разве что для обучения такого же мальца… М-да. Как-то я за собой особых преподавательских способностей не замечал, а из примеров у меня есть только Целестия, доносящая знания путём вдалбливания оных куда можно и куда нельзя, и Форт, в моём обучении откровенно сачковавший. Да, я получил от него прорву полезных советов, но именно их практическому применению он не учил. Просто лишал меня всех сил, вдохновляясь результатами одной стервозной особы.

Исключи я хоть что-то из списка того, что желаю сохранить и защитить, то ситуация стала бы в разы проще, но это не то решение, которое я готов принять. Всё или ничего, как говорил один мой мертвый знакомый, земля ему пухом. Помер он, кстати, как раз из-за желания защитить вообще всё и всех, но я-то не он, как-нибудь сдюжу.

Верно ведь?

К моменту, когда мы с отцом подошли к особняку деда, — препятствий нам не чинили, и вообще все вели себя так, словно ничего не произошло, — город уже утонул в вечернем полумраке. Я и так не слишком-то рано слинял с тренировки, а потом ещё и ждал довольно-таки долго. Плюс разговоры и путь сюда. Вроде и недолго, но тоже отняло время. А уж если дед и вовсе не знал о том, что его план раскрылся, то становились предельно ясны причины, по которым нам потребовалось его дожидаться.

Но ничто не вечно, и спустя какое-то время я с отцом уже расположился напротив хмурого и серьезного деда, гадающего, какие причины нас сюда привели. Если он не бог всех актёров и интриганов, то он именно гадал — это я видел отчётливо, сумев как следует его изучить за эти годы.

— Зачем? — Первым спросил я, едва поймав взгляд человека, лишившегося моего доверия. Выждав несколько секунд и не

получив ответа, я продолжил: — Я тебе верил больше, чем кому-либо. Но ты растоптал это доверие. У меня остался только один вопрос. Зачем?

— Потому что того требовал род. — Старик посмотрел сначала на меня, а после вперил леденящий кожу взгляд в папу. — Да, Волан. Так же я ответил и тебе когда-то. Но если тогда я ошибся, сильно ошибся, поставив род превыше всего, о чём теперь сожалею, то теперь… Всё не так однозначно. Вы оба — далеко неглупы, и если Золану может не хватать опыта, то ты, сын, не можешь не видеть, насколько близко людское царство к новой войне.

— Не вижу взаимосвязи, отец.

— Помнишь, скольких иллити потеряли в позапрошлой войне? А в прошлой? И кто выжил, взяв в свои руки бразды правления нашим родом? — Цифры и соотношения сами собой всплыли в памяти. Изначально иллити было около пятнадцати тысяч, и во время той самой, первой для нашей расы войны. Погибло больше восьми тысяч. Осталось семь, и ко второй, прошлой человеко-демонической войне, это число выросло до двенадцати тысяч. Разразившаяся бойня ударила по иллити сильнее, чем когда-либо, и к концу этой войны нас осталось всего пять тысяч. Спустя пятьдесят лет численность поднялась до практически семи тысяч… И в дверь, выходит, готова постучаться новая война? Так же мне помнится, что среди участвовавших в непосредственно сражениях гибли, преимущественно, сильные маги, которых генералы людей использовали чуть ли не как мясо. Слабаки, встречающиеся даже среди нашего рода, выживали… И теперь мне это не кажется таким уж естественным процессом — скорее целенаправленным ухудшением генофонда. — Помнишь, по глазам вижу, что помнишь. И как ты считаешь, сколько нас останется после новой войны? Умру я, умрёшь ты, умрёт Амстер — и останутся только ваши дети, да горстка слабосилков. Слова о чистоте и силе крови не просто сказка, сын. И мы этой крови порядком подрастеряли. Как в такой ситуации я могу позволить Золану выйти за женщину расы Вейри? Его дети в лучшем случае будут полукровками, в них не будет доминантного гена.

— И мы, иллити, рискуем полностью исчезнуть. — Вставил отец, воспользовавшись образовавшейся паузой. — Считаешь это достаточной причиной?

— Да, считаю. Так меня воспитал мой отец, так я пытался воспитать тебя и твоего брата. Так надеялся воспитать и Золана… но в чём-то ошибся, раз в его глазах сейчас нет ни крупицы понимания.

— Правильно папа говорил, называя старейшин

закостенелыми старыми пнями. Ты, дедушка, пошёл на предательство, не обдумав всех вариантов. Вот, в чём ты ошибся.

— И о каких же вариантах ты можешь мне поведать, внук?

Ехидцу в его словах было сложно не заметить, так что я решил ответить тем же, щедро сдобрив слова искренним презрением, замешанном на гневе.

— Тебе знакомо такое понятие, как многожёнство? А «наложница» тебе о чём-то говорит? Может, тебе книжку-другую принести? Или из своего, заёмного опыта набросать? Тот работорговец был в этом весьма сведущ…

— Ты слишком многое себе позволяешь!

— Я говорю с тобой как внук с дедом, а не как иллити со своим повелителем. Дерзость? Поверь, в моих глазах ты заслужил совсем иного отношения.

— Убирайся. А ты, Волан…

— Меня тоже здесь более ничего не задерживает, господин Зар`та. Прошу более не считать ни меня, ни членов моей семьи своими родичами. — Маска на лице деда дрогнула, окончательно рассыпавшись после того, как отец, которого я сейчас всецело поддерживал, добавил: — Да будут предки свидетелями моих слов.

На мгновение комната утонула в ощущении чужого, почти осязаемого внимания, а после всё стихло. Только тихо капали стекающие на пол чернила из раздавленной стариком ручки, попавшейся ему под руку. Я знал, какой смысл в себе несёт последняя фраза отца. То, чего он когда-то сумел избежать. Полное, безоговорочное отречение. Только в этот раз — добровольное. Сейчас, я уверен, и у меня, и у него на спине появились соответствующие метки, проявляющиеся лишь у предателей, отказавшихся от своего рода. Поспешное и малодушное решение? Отнюдь. Просто в отношениях между людьми, любых, деловых или родственных, есть черта — когда подобная тончайшей, незаметной нити, а когда наоборот, похожая на массивную, неприступную стену. Из-за этого можно даже не заметить момента, когда ты её пересёк, разрушив всякую возможность всё исправить. Так случилось и сейчас: отец единожды стерпел предательство собственного отца, и спустя годы честно попытался восстановить с ним отношения. Вот только тот не оправдал доверия, ударив даже не по самому отцу, а по мне — единственному его сыну. И даже здесь папа со всей присущей ему искренностью попытался разобраться в проблеме, попытался дать деду второй шанс, но тот отмахнулся от этой попытки, как от назойливой мухи. Закостеневший в своих убеждениях, ставящий род превыше родных, Зар`та ошибся в

последний раз.

Часть VI.

Отец направился прямиком домой, а вот я поспешил в ранее занимаемое мною, Файей и Лилиан крыло, намереваясь забрать оттуда девочку. Конечно, придётся повозиться с поиском хороших людей, готовых удочерить сироту, но я уверен, что со связями отца возможно и не такое. Он был весьма известной личностью в кругах ремесленников, так что я намеревался искать именно среди них — обеспеченных, привязанных к земле семей.

— Лилиан, собирайся. Мы переезжаем.

— Господин? — Файя, вошедшая в комнату девочки следом за мной, чуть наклонила голову, выражая таким образом недоумение. — Что случилось?

— Моя семья отреклась от рода. Прости, но тебя я с собой взять не могу.

— Что же с Лилиан?

— Подыщу ей приёмных родителей. — Краем глаза замечаю, как ребёнок замирает в неподвижности, сжимая в руках всего один свёрток. — Уже всё собрала?

— Да!

— Ну, тогда пойдём. Ещё раз извини, Файя.

Несмотря на то, что я стал, фактически, изгоем для иллити, во взгляде Файи не было ничего кроме привычной готовности служить. Её ли собственная это черта, или следствие подготовки слуг — сейчас это не так важно. Куда важнее именно то, что она, в отличии от уже осведомлённой стражи, не смотрела на меня, как на прокажённого.

— Я искренне желаю вам удачи, господин…!

На пожелание, донёсшееся мне в спину, я ответить уже не смог, так как за нашими с Лилиан спинами пристроились стражи, от которых, видимо, требовалось проводить нас к выходу. И каково же было моё удивление, когда у ведущих в город я заметил о чём-то переговаривающихся отца, Амстера и Гериана. Последний, едва меня увидев, так и не отвёл взгляда, пока я с ним не поравнялся.

— Вот так, да?

— Да. — Я кивнул. Почему-то на лице застыла грустная улыбка, которая никак не хотела уходить. Привязался? Конечно, привязался. И к брату, и к дяде, и ко многим другим иллити, с которыми я так или иначе общался. Теперь, после нашего отделения от рода, частота этого общения в лучшем случае упадёт в разы, а в худшем мы вообще перестанем друг с другом

встречаться. Грустно, но я не нанимался на роль безвольной кучки глины, из которой можно лепить всё, что угодно. — Но ни к тебе, ни к дяде я хуже относится не стал. Если тебя это беспокоит, конечно.

По плану ободряющая, улыбка вышла натянутой и какой-то кривой. Гериана же перекосило так, будто ему пообещали двадцать четыре часа тренировок с Целестией в моём темпе.

— Идиот. Меня беспокоит то, что мы теперь ещё нескоро увидимся, и чёрт его знает, как там — в Рилан… Ай! — Амстер отвесил сыну звонкий подзатыльник. — Да за что?!

— Следи за языком и не чертыхайся.

— И только…?!

Я хохотнул. Хотя бы в этом плане ничего не изменилось. Но Рилан? Дорогой город при академии магии? И почему, спрашивается, я узнаю об этом, — опять, что ли? — из оговорки Гериана, а не напрямую от отца? Да и когда он это решить-то успел?

— Ты находишься отнюдь не в неформальной обстановке — вокруг много тех, перед кем ты должен держать лицо. — Стража, что ли? — Золан, держи, почитаешь на досуге.

— Спасибо. — Я принял протянутый свёрток. Тяжёлый, килограмма в два, закутанный в ткань талмуд, могущий послужить орудием убийства. — Мы правда отбываем в Рилан?

— Насколько мне известно — да. — Амстер усмехнулся, под возмущённые крики растрепал волосы на голове Гериана и повернулся к моему отцу, молчаливо наблюдающему за нашим разговором. — Давно?

— Давненько. Наши с Клариссой друзья, проезжая через Рокстоун, предложили нам перебраться в Рилан, в один из домов ими выкупленного района, но тогда мы ответили отказом… из-за известных обстоятельств. Сейчас же у нас нет ни причин, ни желания и дальше оставаться здесь.

Насчёт причин и желания, у меня есть по одному от того и другого! Мне мало того, что нужно найти для Лилиан семью, так ещё и Залия… Складывается ощущение, что моя на ней зацикленность — одна из форм безумия, «практикуемого» Палачами, но звучит как какой-то бред.

— Отец, когда ты планируешь отправляться?

— Где-то через две недели. Нужно сдать дела в гильдии и продать всё то, что мы не унесём с собой. Амстер, поможешь с домом?

— Конечно. Несмотря на ваши с отцом взаимоотношения, я был и остаюсь твоим братом. Так что не стоит меня обижать такими вопросами.

— Прости-прости… — Отец смущённо улыбнулся. — Просто перенервничал. Не каждый, понимаешь, день, приходится принимать такие решения.

— Если нужно, я всегда помогу. В том числе и с некоторыми щекотливыми вопросами. Гериан.

— Да?

— Пойдём. Не стоит заранее устраивать проводы. — Поравнявшись с отцом, Амстер шёпотом добавил: — Я постараюсь сделать так, чтобы отец не чинил вам препятствий.

Разговор подошёл к своему логическому завершению, и нас, лишившихся причин находиться на территории рода, выставили за ворота. Что ж, не могу сказать, что какая-то часть меня не рада такому исходу. Свобода… Относительная, конечно, но заметно большая, нежели раньше. Но подробности у отца всё равно нужно выспросить, а то я уже совсем запутался в происходящем.

— Пап, с чего вдруг ты решил переезжать в Рилан? И мама знает?

— Пока не знает, но она совсем не против переезда. Скорее даже за, ведь здесь, в окружении иллити, она не чувствует себя комфортно. — Логично. — Ну а переезд… Помнишь тот случай, когда ты принял нашу подругу за врага? — Киваю. — Тогда-то они нам и предложили перебраться в Рилан. Последние несколько заданий у их команды вышли особенно прибыльными, так что они выкупили сразу несколько домов. В части живут сами, в парочке открыли ремесленные лавки, а ещё часть сейчас пустует. Собственно, мы отказались от этого предложения только потому, что твой дед показал себя с неожиданной стороны, и я понадеялся на то, что он исправился. Однако…

— Оказалось, что он практически не изменился. Но, пап, что заставляет тебя думать, что спустя два года для нас там ещё есть место?

— Даже если нет, наших с твоей мамой накоплений должно хватить на дом, а там мы как-нибудь разберёмся. Золан… — Отец как-то резко остановился и, поймав мой вопрошающий взгляд, спросил: — … ты ведь не собираешься сбегать или бунтовать оттого, что твоя подруга, Залия, останется тут?

— Ну… — Я задумался над тем, как бы помягче приподнести отцу известную мне информацию. Ведь мне удалось сегодня поговорить с Залией, и мы, несмотря на время, многое успели обсудить. Рассматривался даже побег, но пускаться во все тяжкие — такой себе выбор для хрупкой магессы, — ранга эксперта, но она совсем не боец, — и семилетнего вундеркинда. И ладно бы только это, но накопленных мною денег и на дорогу-то не хватит, чего говорить о чём-то большем. Плюс Лилиан… Худо-бедно, но

мы, случись нам неожиданно разделиться, в качестве пункта встречи выбрали… Да, Рилан. Да, совпадение — хоть Всевышнему иди молись.

А теперь объясняю, почему именно Рилан. Во-первых, там есть академия магии, в которую Залия, по настоятельному совету родителей, должна была отправиться поступать уже в этом году. Во-вторых, там есть спрос на магов самых разных специальностей, что могло обеспечить нам обоим кое-какой доход. И в-третьих, Рилан — не то место, куда иллити могут так просто прийти и силой попытаться вернуть меня обратно. Так как рассматривался и такой, жёсткий вариант, Рилан нас в этом плане так же устроил. И всё-таки, что говорить? Правду и ничего кроме правды?

— … прости, пап, но мы с Залией планировали сбежать в Рилан. Да, планировали. — Я сложил руки на груди. — Но сейчас в этом более нет нужды.

— Почему это?

— Залия в этом году поступает в академию Рилана.

— О как. — Отец выглядел удивленным. — А если бы это было не так? Ты бы от нас сбежал?

— Ну… возможно?

Всё-таки моё единственное желание — прожить жизнь так, как я сам этого хочу, а вечное сидение дома под присмотром родителей с этим сочетается слабо. И раз уж мне понравилась девушка, с которой я вполне могу быть, в будущем, вместе, то — почему бы и нет? Нет смысла размышлять над тем, что было бы, если. Всё сложилось вполне неплохо. Уладить кое-какие мелочи — и можно продолжать спокойно жить, не терзаясь муками совести.

— М-да. Я предполагал, что дети быстро растут, но в твоём случае это как-то слишком быстро, не находишь?

— Ничего не могу с собой поделать.

Пожимаю плечами, одновременно вспоминая про подарок дяди. Ткань, защищающая книгу, была зачарована, но её оказалось немного, и я быстро от неё избавился. Серая кожаная обложка, оттиск печати какого-то иллити, метка, сообщающая о том, что эта книга всего лишь искусная копия, и отстутствие названия — вот, что мне удалось рассмотреть, создав над левым плечом маленький светящийся шар. Всё-таки в свои права вот-вот должна была вступить ночь, и рассмотреть хоть что-то без света было решительно невозможно.

«Решившись — не сожалей, а сожалея — не решайся».

Первая же строка заставила меня нахмуриться. Во-первых, язык, на котором писал автор, явно был не общим, а демоническим. Я на нём тоже читал, но официально приобрёл

этот навык где-то с годик тому назад, в рамках приобщения к культуре демонов. Сходу не вникнув в текст, я осознанно переключился на другой язык и принялся перечитывать ровные строки, с каждой секундой всё чётче осознавая, из-под чьей руки когда-то вышла эта книга. Ведь его печать я видел на стене памяти среди самых первых…

Соу Марек, Четвёртый иллити — и первый Палач.

Глава 10. Они все такие разные!

Часть I.

Глассовер… умер.

Словно гром в ясный день, эта новость пришла к нам в полдень, в момент, когда мы с родителями продолжали обсуждение деталей грядущего отъезда. Это был уже вторые сутки с начала подготовки к переезду, время, когда все на взводе, и — такая новость. Навсегда уснувшего в своей постели старика, которому не суждено было вновь открыть глаза, нашла нанятая им же сиделка, в первую очередь решившая сообщить о его гибели нам, а не в ратушу.

Ещё одно напоминание о том, что человеческий век невероятно короток. Глассоверу не было и восьмидесяти, он был магом — но всё равно умер от старости, оставив после себя лишь завещание со скупым перечислением его имущества, отходящего местной церкви-приюту, в котором находили пристанище редкие в Рокстоуне сироты. Никто из знакомых старого мага не удостоился даже короткой весточки даже несмотря на то, что Глассовер чувствовал приближение смерти. Он всегда был таким — по первому впечатлению казался самым обычным человеком, но чем дольше я его знал, тем больше убеждался в том, что он был закрытым и нелюдимым. Глассовер практически никому не доверял, и лишь дети занимали хоть сколь-нибудь значимое место в его жизни. Ведь последние тридцать лет он только и делал, что учил…

— Зол, не расстраивайся так. Глассовер прожил полноценную, долгую жизнь, и я уверен, что он не хотел бы видеть тебя в таком состоянии.

Полноценную? Нет, отец. Ты не знал Глассовера так, как знал его я. Не тебе он хоть немного раскрылся, поведав о том, что у него никогда не было семьи. Страшно одинокий и не достигший какой-то своей цели, он решил забыться, ударившись в наставничество. Со мной же он встретился только в конце собственного пути, когда ничего изменить уже было нельзя. Страшная судьба — умереть, так и не поняв, чего на самом деле хочешь.

— Возможно, что так оно и есть, отец…

В этом мире тела мертвецов не хоронили в земле, а сжигали или, как зверолюды, отправляли в последнее путешествие на объятой пламенем лодке в день смерти. Красивая традиция,

корни которой во многом соприкасаются с теорией зарождения монстров. Не буду вдаваться в подробности, но труп любого существа имеет ненулевые шансы ожить и подняться в виде нежити — опасной и предельно агрессивной по отношению ко всему живому твари. Конкретных видов нежити немало, но тут важен сам факт. Как избежать самопроизвольного поднятия мертвеца? Избавиться от тела через сожжение. Единственный вариант, ведь все иные способы захоронения так или иначе оставляют тело в более-менее целом состоянии.

Потому сейчас, спустя три часа после обнаружения тела, монах, исповедующий религию Клавана, поднёс факел к окруженному сухой древесиной гробу, начав нараспев читать речь вперемешку с молитвами. Но только к моменту, когда огонь целиком охватил последнее пристанище Глассовера, до меня донеслись показавшиеся сознанию важными слова монаха. Обычная похоронная речь, но в ней присутствовало обязательное упоминание имени и всех заслуг погибшего. И то, что я услышал, слабо вязалось с моими представлениями об учителе.

— … провожаем Глассовера Лестри, крестоносца второго ранга и рыцаря великой церкви, в связи с ранами отошедшего от дел. Дважды награждённый орденом Святого Зена, принявший участие в уничтожении множества логовищ еретиков, он заслужил достойного погребения, но отказался ото всех почестей…

Что? Как? Когда? Глассовер — крестоносец? Второго ранга?! Но он же МАГ! Я сам видел, что он пользовался самой разнообразной магией, арсеналом таких масштабов, что ни в один из существующих артефактов не впихнуть! Но крестоносцы все, от самого бесполезного до самого сильного, пользуются праной! Церковь даже чисто теоретически не может назвать мага — крестоносцем! Или может, и Глассовер — уникум…?

Теперь я совсем по-другому посмотрел на присутствующих на похоронах людей. Моя семья, ещё одна из тех, чьего ребёнка Глассовер учил раньше, и — крестоносцы со служителями местной церкви вперемешку.

Уже зная, что делать дальше, я дождался окончания церемонии, и на выходе с кладбища, на котором хоронили урны с прахом, предельно вежливо обратился к одному из крестоносцев, выглядящему относительно молодо, и потому, вероятно, наиболее дружелюбному. Среди народа не просто так ходили слухи о том, что служба в боевых отрядах церкви быстро превращает людей в бесчувственных чурбанов…

— Простите, не могли бы вы ответить на один мой вопрос?

— Да, мальчик? — Крестоносец окинул меня взглядом, после

чего улыбнулся: — Ты учился у господина Глассовера, верно? Я видел тебя на похоронах.

— Да, он обучал меня с малых лет. Но он никогда не рассказывал о себе многого, а сейчас я услышал, что он был крестоносцем.

— Был. С самого детства он служил на благо церкви, посвятив этому сорок лет. Он… своего рода человек-легенда. Даже страшная травма не смогла подкосить его. — Стоит ли лезть ещё глубже в прошлое учителя, если он сам не посчитал нужным ничего мне рассказывать? И нужно ли мне это…? — Тебя что-то гложет? Какой-то вопрос?

— Да. Учитель был магом, но я точно знаю, что в крестоносцы посвящают только тех, кто пользуется праной, которая с маной несовместима. — И всё-таки я принял решение. — Но сейчас, уже разговаривая с вами, я подумал, что мне не стоит лезть в его прошлое. Он сам не решил мне рассказать, и я должен уважать это его решение.

— Ты принял правильное решение, мальчик. — Крестоносец искренне мне улыбнулся. Была бы эта улыбка такой, если бы он знал, что я демон? — Да осенит тебя благословлением Клаван.

— Благодарю.

Крестоносец, чьего имени я не узнал и вряд ли когда-то узнаю, развернулся и ушёл вслед за своими товарищами, оставив меня… нет, не в одиночестве — отец, подперев собою стену близлежащего дома, терпеливо ждал, пока я наговорюсь. Как-то я не подумал о том, что демону начинать беседу со служителем церкви, пусть мягко, но проповедующей превосходство человека надо всеми остальными расами, может быть опасно.

— И как? Узнал, что хотел?

— Нет. — Хотел этим и ограничиться, но всё-таки добавил: — Решил, что не стоит вот так узнавать то, что сам Глассовер хотел сохранить в тайне.

— И правильно. Многие знания — многие печали. — Философски заметил отец, похлопав меня по плечу. Что примечательно — для этого ему уже не надо было наклоняться. Спасибо природе за то, что я выгляжу хотя бы чуточку старше… или выше — тут как посмотреть. Лицо-то у меня всё равно детское, а с тщедушностью разобраться удастся ещё не скоро. Я крепкий и жилистый, но нарастить мышцы, чтобы полнее раскрывать потенциал физического усиления, ребёнку невозможно. — Когда собираешься к Залии?

— Ну, вчера мы уже обсудили ситуацию, так что спешки не требуется. Кстати, сразу предупреждаю — внуков в ближайшие годы можешь не ждать…

Мастерски уклонившись от подзатыльника, я набрал дистанцию и развернулся, перейдя на шаг спиной вперёд.

— Ты у меня ещё пошути тут! Наворотил — сам чёрт ногу сломит, а разбираться со всем всё равно мне.

— Я могу и сам обойти те семьи, о которых ты упоминал…

— О да, выглядеть будет шикарно! — Отец скривился, произнеся не своим, писклявым голосом: — Здравствуйте, у меня тут есть девочка шести лет, не хотите её удочерить? И как, по твоему, это будет звучать из уст мальца лишь чуть старше той, кого он пытается пристроить? Ты, Зол, не забывай, что к твоему уровню интеллектуального развития привычны только те, с кем ты достаточно долго общался.

— Ага, а остальные шугаются, как от чумы…

— В нашем мире много разных вещей и существ, которых стоит опасаться. Ничего не скажу про что-то, выглядящее как слишком умный и, местами, наглый ребёнок, но бояться всё равно есть чего. Да будто ты сам не знаешь!

Знаю, конечно, но только в разумных пределах. Монстры и существа, перечисленные в нескольких книгах, мне запомнились хорошо, но занимать свободный слот навыка справочниками про травки, скотину и рыб мне как-то не хотелось. Да и, на самом деле, выбирать мне пока было банально не из чего. Магия — есть в полном объеме. Тренировка тела тоже, имеется даже спасательный круг на случай встречи зверочеловека, эльфа или дворфа в лице навыка [Языки и культуры]. Алхимию, реально полезную, кстати, вещь, я и с отцом могу выучить — благо, основы заложены ещё в детстве, и в случае полного абзаца из-под моих рук даже кое-какие путные настои могут выйти. Лекарства там, противоядия… Знай себе — копи рецепты да набивай руку, вот и вся алхимия, если не претендовать на титул Мастера, как у Волана. Подобные ему алхимики могут такого устроить — только ингредиенты подноси, да под рукой не болтайся.

— Знаю. Как думаешь, пап, какие ещё навыки, серьезные и глубокие, мне могут пригодиться?

— Алхимия?

— Ты уже дал мне базу, а для дальнейшего прогресса, боюсь, мне не хватит усидчивости. — Поймав хитрый, брошенный через плечо взгляд отца, я добавил: — Это правда. Алхимия интересна и полезна, но я не могу себе представить варку чего-то реально сложного в полевых условиях. А просиживать штаны в лаборатории… Это не по мне.

— Пока молодой, тебе такое, конечно, нравиться не будет, но годам к тридцати ты поймёшь, насколько нужным может быть источник дохода, интересный источник, между прочим, который

не требует от тебя шляться по пещерам, подземельям и степям вдали от семьи. Часто бы ты меня видел, зарабатывай я как авантюрист где-нибудь в провинции?

— Сомневаюсь, что особенно часто, если не делать запасов с молодости. Но перед тем, как остепениться, авантюрист может заработать достойную сумму…

— В зависимости от ситуации и самого человека. Сынок, не забывай о том, что ты прямо сейчас по магическим силам равен тридцати, а то и сорокалетнему магу-человеку со средними способностями. Или не ты убил мастера меча один-на-один, выступая в заведомо проигрышной позиции?

— Я выжил только за счёт глаз, пап. Я просто знал, как он сражается и какие приёмы использует.

— Хочешь сказать, что этого достаточно для компенсации необходимости защищать кого-то, кто самостоятельно даже сместиться в сторону не может? Нет, Зол. Сражайся ты в честном поединке, и с большой вероятностью победил бы, без ран и истощения.

— … возможно.

— Это кто там так смущенно пищит? Что, нечасто тебя хвалили в последнее время? Да? Да?

Отец резко остановился и присел на корточки, в процессе развернувшись и захватив меня в удушающий захват. Только использовался этот боевой приём не для убийства, а для протирания шикарной плеши на моей макушке. Потеряв всякую надежду освободиться без нанесения отцу несовместимых с жизнью травм, я сдался, покорно повиснув на его руках.

— За что мне это, а? Вроде уже и здоровый лоб, а со мной всё ещё играют, словно с ребёнком!

— Но-но, рановато ты себя взрослым считать начал! Сначала… да хотя бы в росте до моего плеча дотянись, а там посмотрим.

— Главное — не рост, а интеллект. Но вызов я принимаю!

— Давай-давай. — Волан меня наконец-то отпустил, подмигнул — и вернул на лицо донельзя серьезное выражение. — А теперь послушай, что я тебе скажу. Ты говоришь, что авантюрист может много заработать до того, как остепениться — тобишь, встретит ту, с кем решит осесть в городе. Но ты уже влюбился, верно? А тебе, на секундочку, семь лет. Среди нас, демонов, распространена практика начала самостоятельной жизни в четырнадцать, но ты находишься где? Правильно — в людском царстве. Начать зарабатывать именно как авантюрист ты сможешь в лучшем случае с шестнадцати. До этого ты можешь хоть десяток С-рангов в гильдии на арене положить, но работу это

тебе не обеспечит. Произведешь впечатление на нанимателя — и что? Это одноразовая работа, а на постоянные контракты уже ты сам соглашаться не хочешь. Каждый раз будешь демонстрировать своё превосходство, избивая других? Прости, но тебя быстро лишат лицензии. Твои выводы?

— … - Я молчал. То, как всё расписал отец, полностью соответствовало реальному положению дел, но это был взгляд лишь с одной стороны. Заработать реально много, будучи ребёнком, официально невозможно, но я планировал параллельно с работой над репутацией заниматься охотой на редких магических тварей и добычей ингредиентов. Не одними «защити-разыщи-сопроводи» живы авантюристы, но, конечно, эти варианты максимально безопасны. Примет ли отец моё видение, и стоит ли его скрывать? Сложный вопрос. Запретить становиться авантюристом он мне что так, что так не сможет, а переубедить… Какие у меня варианты-то? Как алхимик я — полевой новичок, ничего не стоящий в обычной лаборатории, и за несколько лет изменить это вряд ли удастся. Профессия сия не на одно десятилетие освоения рассчитана, и то не факт, что тебе удастся стать мастером. А ведь этот титул — далеко не вершина искусства зельевара. Варить смерть, закупоривать удачу и всё такое прочее, как глаголил один интересный персонаж, невозможно без полной концентрации на задаче. Я или алхимик, или авантюрист. Третьего не дано. — Ингредиенты, отец, покупать будут независимо от того, кто их приволок — хоть сам церковный епископ, хоть новичок, удачно наткнувшийся на свежий труп.

— Это опасно. Но я услышал, что хотел, и понял твою точку зрения. Просто знай: для того, чтобы обеспечить себе крышу над головой и запас хотя бы на десять лет с учётом одного-единственного ребёнка в Рилане, тебе понадобится минимум семьсот тысяч эфир. Небольшой домик на окраине, простая одежда, простые продукты, обычное образование в обычной школе — вот, что ты получишь за эти деньги. Десять лет жизни, после чего тебе понадобится ещё тысяч четыреста, если в семье не появится второй ребёнок.

— А… сколько, если не секрет, ты зарабатываешь как алхимик?

Хмыкнув, отец покрутил в воздухе пальцем:

— Здесь, в Рокстоуне, за год у меня выходит что-то около двухсот тысяч. Но я — мастер-алхимик, у меня есть связи и выходы на нужных людей по всей стране. В конце концов, за моей спиной годы опыта. А поначалу, в первые годы, эта цифра колебалась в районе двадцати-пятидесяти тысяч.

Негусто, прямо скажем. Но алхимия — это стабильный, востребованный способ заработка для тех, кто любит спокойствие и безопасность. То, чего от отца хотела мама, выходя за него замуж. Но я точно не откажусь от перспективы посмотреть этот мир, попутно зарабатывая деньги и приобретая опыт. Ведь в противном случае что я смогу, если уже за моей головой придут те же убийцы? Я — не четырнадцатилетняя девушка, на которую и одного мастера меча хватит с головой. Посылая за мной, враги определённо озаботится тем, чтобы убийца был равным мне или даже сильнее. А уж уровень сил сидящего на попе ровно человека определить проще простого — достаточно пары случайных встреч, если не простого наблюдения…

— И всё-таки, пока я останусь при своём мнении.

Ну и что, что я никогда не жил как обычный взрослый человек, довольствуясь реализацией трофеев с врагов моего бога? Тогда я в принципе о деньгах не задумывался, а тут всего-то и надо, что переработать в ингридиенты побольше монстров. С моими силами это будет несложно.

— Это твоя жизнь и твой выбор, Золан. Но не игнорируй мои слова, не отказывайся от помощи того, кто гораздо опытнее.

— Разве я игнорирую, пап? Ты же не ожидал, что я сейчас скажу что-то вроде «Ты же всегда прав! Я буду алхимиком!», и пойду зарываться в книги по этой тематике, провонявая одежду дымом от сожжения серебряного вяза?

— Все-таки воняет, да…? — Попытался было пошутить отец, быстро поняв, что получилось не очень. — Нет, Зол. Я уже понял, что с тобой обычные методы, которые меня заставила выучить твоя мать, не работают совершенно. Но это не освобождает меня от обязанности подготовить тебя к взрослой жизни. Хотя бы попытаться дать выбор между безопасной профессией… и тем, чего ты хочешь чуть ли не с пелёнок. — Отец горько ухмыльнулся. — Вышло не очень, так что твоя мама будет сильно недовольна.

К этому моменту мы как раз добрались до дома, сразу последовав в гостиную.

Но там, помимо мамы, обнаружилась фамилия Лоссов в полном составе. Гертерт Лосс, отец Залии, Мастия Лосс, её мать, и она сама. Все — в солидных нарядах, так что наши с отцом официальные облачения оказались как нельзя кстати. Да, на похороны мы ходили в парадном, а не повседневном, пусть то и отличалось лишь в незначительных мелочах.

— Господин Гертерт, госпожа Мастия, Залия.

Я поочерёдно поприветствовал всех троих, идеально исполнив все положенные по этикету движения. Так или иначе,

но в домашней обстановке это была моя первая встреча с родителями девушки. И — да, четыре месяца мы просто общались, но в гости друг к другу не ходили.

Отец так же поприветствовал гостей, после чего мы все устроились за одним столом. С одной стороны — Лоссы, и с другой — мы. Намечающийся разговор несколько напрягал, но одновременно позволял разобраться со столькими проблемами разом, что облажаться мне категорически не хотелось.

— Итак, мы хотели обсудить с вами сложившуюся ситуацию.

— Дети с этим и сами прекрасно справляются. — С улыбкой сказал отец, решивший перевести общение в менее формальную плоскость. — Вы не против, если мы опустим лишние расшаркивания?

— Не против. — Отец Залии, высокий, широкоплечий и мускулистый мужик куда как больше напоминал этакого классического кузнеца, нежели начертателя. Вёл себя он, как оказалось, примерно так же, сразу после предложения отца ослабив стягивающую шею удавку в виде галстука и сменив позу на более расслабленную. — Спасибо за предложение. Мне официальщины и в ратуше хватает. Будем ходить вокруг да около, или сразу перейдём к делу?

— К делу, дорогой, им ещё рано переходить… — Мастия окинула меня ОЦЕНИВАЮЩИМ взглядом, пробудившего во мне желание забиться под стол и особо не отсвечивать. А её слова? Определённо, приёмная мать моей Залии — страшная женщина! — … Лет девять-десять. Что? Я неправильно говорю?

— Кхм. Просто, жена моя, в этом доме к твоим шуткам ещё никто не привык. — Гертерт сложил руки на груди, отчего ткань пиджака заметно натянулась, грозя порваться. — М-да.

— Я так понимаю, что вы — не люди, верно?

— А у вас глаз намётан, Волан. — Мастия широко улыбнулась, и я опять испытал то самое ощущение. На всякий случай, решил в её сторону вообще не смотреть — что-то с ней явно не то. — Это — одна из тем, которые мы хотели сегодня поднять.

— Мне сделать чаю?

— Если вам не сложно, миледи. — Гертерт изобразил что-то вроде благодарного полупоклона, что в сидячем положении, да в его комплекции выглядело совсем не так, как планировалось. — А мы пока поболтаем с этим маленьким сердцеедом. Золан, верно?

— Да, господин Гертерт. Мы с вами встречались на приёме…

— Не только на нём, но ладно. Не мал ты ещё, что б шашни с моей дочерью крутить, м?

— Папа!

— Цыц! Это чисто мужской разговор! — Мужчина отвёл взгляд. — Тем более, я ж его пока не убиваю.

Осторожно уточняю, прикидывая, какова доля шутки в его словах:

— Мне послышалось, или вы сказали «пока»?

— Послышалось, послышалось. — Поспешил он меня успокоить. А ведь я, кажется, знаю, у какой расы демонов тела как у амбалов. Да и уникальная возможность сопротивляться любым ментальным воздействиям вроде обаяния суккубов или атак созерцателей, этаких пучков тентаклей, перемешанных с глазами, присутствует. Дискомфорт от взгляда на Мастию, кстати, частично соответствует описанному в прочтённых мною книгах… — Тебя пока не за что. И ещё… сколько тебе годков-то?

— Семь. Но умом я немного старше. Развиваюсь не по годам, да…

Что это? Нервы — или я сам по себе такой тупой? Видимо, стоило всё-таки порепетировать ответы заранее, а не рассчитывать на авось и собственную непробиваемость, от которой сейчас вообще ничего не осталось.

— Ну, значит, годика четыре ещё можешь ни о чём не волноваться.

— Отец, мне кажется, в своих шутках ты заходишь слишком далеко.

Залия, честное слово — вот за это ты мне и нравишься…

— Кхм. Не дальше, чем Золан — в своих. Да, сынок? — … а тебя, папа, иногда хочется прибить. Но вот отец предвкушающе на меня посмотрел, и я понял — сейчас он будет мстить. — Когда ты там внуков обещал?

Вопреки моим ожиданиям Залия не засмущалась, а посмотрела на меня такими глазами, что я понял — лучше вот прямо сейчас собирать чемоданы и иммигрировать куда-нибудь на континент зверолюдей. Или на северный полюс, для надёжности. Схоронюсь во льдах — глядишь и не настигнет меня праведная месть… Но если отец считает, что я вот так ему проиграю — то он глубоко заблуждается! Пусть не сейчас, но я отомщу! А пока — максимально серьезное выражение лица, собранная поза и холодный взгляд.

— Дословно — не в ближайшие годы. Стоит помнить, что дети — это, в первую очередь, ответственность. Кому как не тебе, отец, знать, насколько сложно воспитать что-то приличное. — Тихо поблагодарив маму за так вовремя принесённый чай и выгаданную за счёт этого паузу, продолжил: — Сомневаюсь, что мне тоже так повезёт, и моим первым ребёнком будет такой вежливый, красивый и скромный гений.

— Действительно, скромный. — Хохотнула Мастия, на которую я опять посмотрел — и словил, на этот раз, озноб. Да как с этим бороться-то? — И всё-таки, как ты относишься к Залии? И что планируешь, раз уж считаешь себя достаточно взрослым?

— Как отношусь…? — Я нахмурился, но быстро взял мимику под контроль. Сложный вопрос, но я, пожалуй, отвечу на него максимально честно. Если им не понравится, то… плевать. Никакие запреты не абсолютны. — Как к человеку, который мне близок и которого я хочу защищать. Как вы заметили, я слишком юн, чтобы говорить о той любви, обычно имеющейся ввиду, но за прожитые мною годы я не встретил ни одного постороннего человека, которого я действительно не хотел бы потерять, кроме Залии. Если это не то, что зовётся любовью, то что же тогда?

— Точно не страсть, обычно толкающая молодых на глупые поступки. — Мастия отпила немного из принесенной мамой кружки, после чего поставила её на блюдце и нечитаемым тоном произнесла: — При всех твоих достоинствах, Золан, ты молод, а молодости свойственна ветреность. Допустим, что вы с Залией продолжите общение в в Рилане. Ты будешь взрослеть и учиться, а она — десять лет ждать, пока тебе исполнится, скажем, шестнадцать. И все эти годы, случись тебе изменить своё мнение о ней, окажутся растрачены впустую. Практически вся юность.

— Ма…

Женщина щёлкнула пальцами, и Залия замолчала. Поразительная уникальная сила манипуляции живыми разумными существами, позволившая мне точно определить — она и вправду суккуб из высших. Сколько ей лет — загадка, но по такому уровню контроля ауры можно предположить, что никак не меньше сотни. И вот она — возможно, моя будущая тёща? Да не приведи Всевышний мне как-то Залию обидеть! Не то, чтобы я собирался, конечно, но теперь — точно нет.

Искренне надеюсь, что Мастия умеет держать себя в руках, так как промолчать сейчас я просто не могу.

— Прошу меня извинить, миледи, но не могли бы вы не затыкать Залию столь бесцеремонно? — Секундная игра в гляделки стоила мне непередаваемого коктейля ощущений. Меня сначала словно в проруби искупали, а после — пропустили через адскую печь, не забывая на протяжении всего этого пути постукивать по хребтине шипастым молотом. Неприятно, но Залии способность говорить она всё-таки вернула. — Залия, пожалуйста, пока дай нам спокойно поговорить. Потом, если захочешь, в красках мне всё выскажешь.

Не перегибаю ли я для, как бы, семилетнего пацана? Да нет, бред какой-то.

— Так вот. Я понимаю, что моё слово, обещание или клятва для вас не имеют никакой цены. Так же я понимаю и то, что Залия — девушка, которая уже может выбирать себе будущего мужа и, скорее, даже должна это сделать, дабы, как вы выразились, впустую не растрачивать годы своей юности. Но молодым свойственна ветреность — тоже ваши слова. Я очень сомневаюсь, что хотя бы в первый год учёбы у студента группы высокого ранга есть возможность заниматься налаживанием своей личной жизни. А это, вместе с дорогой, уже от пятнадцати до восемнадцати месяцев. На мой взгляд, этого времени будет более чем достаточно для проверки наших отношений.

— Считаешь это решением?

— Да. — Трудно держаться, когда на тебя оказывается такое давление, но долго так сидеть не потребовалось — вмешался муж этой прелестной женщины, от одного взгляда которой у любого мужика вскипят мозги. А не ослабила ли она контроль над собой, идя сюда? Ведь она посещает приёмы и работает в гильдии начертателей, контактируя с людьми, которым трудно ничего не заподозрить, когда даже импотентов рядом с этой суккубой под прикрытием бросает в дрожь. Демонов же, напомню, люди сильно не любят, и уж точно не позволили такой колоритной парочке официально находиться в столичном регионе. — Думаю, мне стоит сказать спасибо.

— Да тут особо и не за что. Изначально мы договаривались на значительно меньшее давление…

— Давление? — Теперь уже напрягся мой отец, который, похоже, и не подозревал, что меня тут пытает суккуб. Ну, правда пытал, а не делал вид, кхм. — Золан?

— Всё нормально. — Пожал я плечами как можно равнодушнее. Излишне накалять отношения с пусть приёмными, но родителями Залии я не решился. Хватит и того, что я у них дочь почти стащил, ага. — Я продолжаю?

— Что?

— Что?

Ответили Гертерт и Мастия Лоссы почти одновременно, а после — обменялись взглядами. С памятью у них беда, что ли?

— Вторая часть вопроса. Что я планирую в отношении дальнейшей нашей жизни. Я ведь правильно понял вопрос?

— Правильно.

— Отлично. Ну, в первую очередь я хочу сказать, что по достижении хотя бы двенадцатилетнего возраста я планирую проверить и отточить приобретённые за последующие годы навыки боевой магии на практике, заработав кое-какие деньги охотой на монстров и добычей редких ингридиентов. Недалеко от

Рилана, буквально в полусотне километров от берега, тянутся дикие острова — там я и планировал свою, так сказать, практику. — Отец тайком посмотрел на меня восхищенным взглядом, в котором читалось что-то вроде «Ты это настолько продумал?!». Мама наоборот, смотрела осуждающе. Но тут ничего не поделать, вечно сидеть в безопасности — это не про меня. — Чередуя походы с учёбой, я хочу дождаться шестнадцати лет, обеспечить себе некую финансовую независимость и поступить в академию. Возможно, до двенадцати лет я попробую себя ещё и в роли наставника для юных магов, но однозначно сказать тут ничего нельзя.

— Достойные мужчины планы!

Отлично, плюс балл у главы семейства… А, нет — с выводами я поспешил. Мастия так посмотрела на мужа, что мне почему-то вспомнились уже мои отец и мать. Волан вроде как и за главного, но вроде и нет. Как-то так, да.

— И на каком ты сейчас ранге?

— Продвинутые вода и огонь, начальные земля и воздух.

Говорить, что я не слишком активно стремился к следующему рангу, не стал — всё равно воспримут как оправдание, и выглядеть это будет просто жалко.

— Для демона это неплохой результат, но тебе придётся хорошо потрудиться, если ты хочешь хотя бы нагнать нашу дочь. — Только сейчас замечаю, что Гертерт слишком уж широко улыбается. А у его жены, кстати, глаза сменили оттенок со вполне обычного серого на насыщенный фиолетовый. Вместе с чёрными прямыми глазами выглядит красиво, но… Ох, вашу ж мать! Это что, хвост?! — Тот, кто слабее собственной супруги, явно её недостоин.

Наверное, стоит сказать, что далеко не все демоны во всём походят на человека, но практически все их них могут скрывать свои отличительные черты. Это не полноценное преобразование, как у драконов, но нечто похожее. Можно сравнить исчезновение всяких хвостов-рогов-когтей-шипов с появлением моих крыльев за одним весомым отличием. Если я манипулирую маной и уже из неё создаю крылья с нуля, то изменяющие свой облик демоны раскладывают то, что хотят скрыть, на непонятной природы частицы, хранящиеся в их же резервах. Соответственно, если такому демону отрубить хвост, новый он уже так просто не создаст — потребуется целитель. Спрятать рога с хвостом, изменить цвет кожи, волос или глаз демоны ещё могут, но если им потребуется, например, замаскировать лишнюю пару рук, то тут они потерпят фиаско.

И раскрытие истинного внешнего вида в культуре демонов —

это признак доверия, так что мне пришлось выпускать крылья, а отцу проявлять татуировки. Каким таким образом последние сюда затесались я не знал, но предполагал, что так было нужно.

Итак, подытожим. Залия — вейри, что похожи на людей ровно как иллити. Об этой расе я толком ничего не знаю, но, похоже, их магические таланты не уступают нашим. Мастия — высший суккуб, у которой, внешне, от демона только хвост — тонкий и эластичный с поблескивающим металлом наконечником, да необычный цвет глаз. С силами всё одновременно проще и сложнее, так как суккубы могут контролировать других разумных, но в каких пределах мне, опять же, неизвестно. Повышенные в истинной форме физические параметры с восприятием сами собой разумеются. Ну и, наконец, Гертерт из расы титанов — одних из немногих, кому под силу игнорировать очарование суккубов. Полный иммунитет к ментальным воздействиям, способности к магии выше средних по палате среди демонов, физические кондиции с самого рождения соответствуют скорее мастеру меча, нежели человеку или рядовому демону. В совокупности, титаны — машины смерти и разрушения, но эта же мощь не способствует межвидовому скрещеванию. Даже у сильной партнёрши от титана-мужчины в девяти случаях из десяти родится нечто нежизнеспособное, а слабые женщины просто умирают ещё на первых месяцах беременности. И под слабыми я подразумеваю на обычного человека, а, например, мага в ранге эксперта, или короля, — следующий посте мастера ранг, — меча. Неудивительно, что семейство Лоссов когда-то лишилось ребёнка. Это ещё надо додуматься испытывать судьбу, рискуя не только ещё нерождённого ребёнка потерять, но и мать угробить…

Грустно это.

— Я непременно достигну уровня Залии, а после — перегоню её.

Суккуба улыбнулась, и тихим, певучим голосом произнесла:

— Мы верим тебе, Золан, и доверяем свою дочь.

А вторил ей громоподобный бас титана, одним голосом внушающего всем присутствующим трепет.

— Оправдай наше доверие.

Всем — но точно не своей дочери…

— Устроили тут цирк! Зол, у тебя как, голова не болит?

— Да было бы, чему болеть… Всё в порядке, честно.

Отец рассмеялся, а следом — залилась смехом и мама. Только я и Залия сидели за столом, будучи не в силах найти, куда пристроить взгляд. Вроде и не подросток уже, а эта неловкость…

Определённо, это — проделки Всевышнего. Так и запишем…

Глава 11. Скромный подарок

Часть I.

Я, наверное, уже в десятый раз проверял свой небольшой, но нафаршированный по самое «не могу» рюкзак. Там было всё то, что должно быть у путешественника в личной поклаже: пара простейших бытовых артефактов, свиток с запечатанным в нём двойным заклинанием исцеления ранга эксперта, некоторая сумма денег, документы(!), о существовании которых в этом мире я даже не вспоминал, и ещё внушительная куча всякой всячины от спичек до питательных, но несъедобных пластинок сомнительного внешнего вида. Отправлялись в дорогу мы завтра, ранним утром, вместе с караваном, чей путь частично совпадал с нашим. С одной стороны, с такой компании мы проведём аж две недели, а с другой — не преодолеем и пятой части пути. Несомненным плюсом такого путешествия был тот факт, что я смогу тренироваться по наставлениям системы, отвлекаясь только на сон и еду. Аудиторией будет всё вокруг дороги, а наставником — сконцентрированные знания самого мира. Залия тоже отправляется вместе с нами, чтобы, находясь под присмотром взрослых, с гарантией успеть прибыть в Рилан к третьему месяцу лета. Сейчас, между прочим, начало марта, а погода уже вполне себе. К месту назначения, по предварительным прикидкам, мы должны добраться к середине-концу июля, так что до поступления Залии в академию даже останется приличный запас по времени…

— Золан, спускайся! Попрощаешься с Лилиан!

Отложив рюкзак и поспешно поднявшись с пола, я спустился в прихожую, где стояла мама, Лилиан — и Гертерт с Мастией. Семейство Лоссов, отправляя дочь на долгую учёбу в другой регион немаленькой страны, решило, что просто ждать Залию в течении десятка лет слишком нерационально, а тут, как по заказу, есть девочка, которой нужна семья… Так как Лоссы официально были людьми, проблем с удочерением Лилиан не возникло. Единственным минусом оказалось то, что она заметно расстроилась, узнав, что я уезжаю, но новые игрушки с книгами и яркими впечатлениями от прогулок с будущими родителями вытеснили всё плохое, как это и должно быть в случае с нормальным ребёнком.

— Пока, Золан!

— Пока, Лилиан. Хорошо учись, ладно?

— Да!

Ни слова спокойным тоном. По правде говоря, от одного лишь нахождения рядом с этой гиперактивной малявкой в течении всего одного дня можно было основательно поехать кукухой — до того шумной и громкой она была…

Но проводы, затянувшиеся где-то на четверть часа, подошли к концу, и дверь за обрётшим семью ребёнком захлопнулась. Беспокоился ли я за Лилиан? В какой-то мере да, но не потому, что её родителями стали Лоссы. Многим людям стоит поучиться адекватности у этих демонов, таких непохожих друг на друга, но сумевших найти общий язык. Они точно дадут малышке хорошее образование и окружат её любовью, чего я бы не смог обеспечить при всём желании. Дети… я их не не люблю, но считаю их воспитание слишком большой ответственностью, чтобы подходить к этому спустя рукава. Знакомы мне примеры, где взрослые люди хотели как лучше, а получалось как всегда. Плохо, тобишь.

— Итак, что теперь? Со своими вещами я разобрался… в который уже раз.

— Проверь снова.

— Может, хватит? О! — Взгляд зацепился за конверт, сиротливо валяющийся рядом с опустошённым трюмо. Потоком ветра подтянув его к себе, я бегло пробежался по тексту… и не поверил своим глазам. В графе отправителя значилось имя человека, похороненного почти две недели назад. Глассовер Лестри, маг, крестоносец второго ранга и мой учитель. И он, судя по указанной дате отправления, оставил это письмо за несколько дней до своей кончины. При этом датой отправления значился вчерашний день, а причиной такой задержки — отдельное завещание, обязывающее кого-то доставить мне это письмо через десять дней после его, Глассовера, смерти. Правда, с вручением лично в руки у тех, кому учитель доверил доставку, не задалось, но хоть сам конверт оказался нетронутым. — Пап, это от учителя.

— Что?

Уняв дрожь в пальцах, я распечатал конверт и достал оттуда письмо, принявшись жадно вчитываться в аккуратные строчки. Даже в таком состоянии Глассовер не растерял способности к каллиграфическому почерку — умению, мне так и не давшемуся. Вот руны я чертить мог, а буквы нет.

«Моему дорогому и последнему ученику — Золану.

Если ты читаешь это, то я, должно быть, уже мёртв, а мои друзья из великой церкви покинули город. Знаешь ли ты, что в молодости я не только служил церкви, но и был крестоносцем? Теперь — точно знаешь. Ответы на возникшие только что вопросы

тебе даст труд короля меча Фордрика Стеррангши, человека, проделавшего такой же путь, что и я. А теперь я хочу рассказать о том, для чего мною было оставлено это письмо.

Среди многих моих учеников ты, Золан, оказался особенным. Быстро переняв всё, что я мог тебе дать, ты продолжил развиваться, с огнём в глазах изучая магическое искусство. Это твоё упорное стремление поразило меня, и я, тщательно всё обдумав, решил оставить тебе один предмет, который обязательно пригодится тебе, какой бы путь ты не избрал. Защищать свою жизнь приходится и авантюристу, и мастеровому, и отшельнику — и для этого мой тебе подарок должен прекрасно подойти.

Надеюсь, ты помнишь о «крестах на холме», про которые я тебе рассказывал. Ведь именно там, под вторым крестом из белого мрамора, я оставил твой подарок. Тебе обязательно понравится. На том заканчиваю письмо,

И благословляю тебя, мой лучший ученик».

Прости, учитель. Прости за то, что я подумал, будто ты мне никогда не доверял.

— Папа, мне нужно за город. Срочно, но, я думаю, ненадолго.

Я помнил те холмы с крестами. Помнил и то, как я к нему отнёсся поначалу. Как посчитал бесполезным знание о «примечательном месте, о котором ты не должен забыть». Теперь-то понятно, чего в нём такого важного… Но подарок от учителя? Что это будет? Книга? Скорее всего, она — Глассовер всегда любил книги, уделяя чтению много времени. Меня к литературе приучать не пришлось, так как тогда я хватался за любую бумажку с текстом, а полноценные тома проглатывал, словно заправский книжный червь. Но я уверен, что учитель сумел бы привить любовь к чтению даже полному идиоту.

— И что там?

— Последний подарок учителя мне, его лучшему ученику. — Показывать письмо отцу я не собирался, посчитав, что Глассовер этого не хотел бы. Иначе письмо было бы на имена родителей, а не на моё с печатью «лично в руки». — Можно?

— Только если недолго. Письмо почитать не дашь?

— Нет. — Повинуясь моей воле, призванный огонь обратил бумагу в ничто. — Так будет лучше.

Хмыкнув, отец отступил в сторону, освобождая дорогу в прихожую.

— Иди уж, «лучший ученик».

Часть II.

Времени у меня оставалось совсем немного — близился вечер, а от меня ещё требовалась кое-какая помощь в сборах. Из-за этого медлить я не стал и, сменив одежду на ту, что попроще, вылетел в сторону тех самых «крестов на холме», расположившихся в получасе полёта от Рокстоуна. Вроде и немного, но лес и единственное болотце на сотню километров вокруг для простого человека превращали прямой путь в нечто нереальное. А если делать крюк, то пешком сие путешествие могло растянуться на весь день в одну сторону. Весьма забавно, что о крестах знали практически все, но лично бывали считанные единицы. На то намекали и заросшие тропы, тянущиеся от креста к кресту, и их общий пошарпанный внешний вид. Памятники? Не смешите — даже за удалёнными мемориалами ухаживают лучше.

Сделав три круга над холмами, перемежающимися с каменными проплешинами, и как следует всё осмотрев, я пошёл на снижение, решив, для начала, хотя бы ознакомиться с достопримечательностями как следует. Учитель, конечно, рассказывал об этом месте просто для того, чтобы я о нём помнил на такой случай, но нельзя сказать, что нотки восхищения в его словах были неискренними. Значит, что-то его всё-таки привлекло…?

Что из себя представляли эти кресты? Высокие, вырубленные из самых разных видов камней, от обычного булыжника до обсидиана, они выглядели… ну, как кресты, да. Палка, палка — вот и крестик. Большой, тонны полторы весом, и реально монолитный. Ни надписей, ни чего-то ещё мне обнаружить не удалось и за сорок минут внимательного разглядывания этих валунов. То ли я ничего не понимаю в искусстве, толи учитель таким образом надо мной тонко посмеялся. Но шутки — шутками, а оставленную Глассовером книжку надо всё-таки раскопать. Второй крест из белого мрамора. Посчитал я их, встав лицом на север, так, как положено ориентироваться на местности. Но под вторым крестом мне не удалось обнаружить ни намёка на что-то закопанное, хоть я и углубился на два метра в сырую почву. Сам крест, между прочим, был закопан ещё глубже, но рыть до него… М-да. Я и правда дурак…

Закопав яму и почистив себя от грязи, прочитал простенькое, предназначенное для поисков в почве заклинание, но и оно не дало результатов. Засомневавшись в собственном интеллекте, аналогичным образом удостоверился в том, что ни под одним из одиннадцати крестов ничего нет. Мне понравится, да? Загадка это, что ли? Буквально — под вторым крестом из белого мрамора. Так почему там ничего нет? Или «под» нужно понимать как-то иначе?

Вновь выпустил крылья и сместился чуть в сторону от холмов, активировав полноценное физическое усиление и принявшись рассматривать раскинувшиеся внизу пейзажи. Так как зима закончилась совсем недавно, а осень только начала вступать в свои права, кое-где всё ещё виднелись белые плеши снега. Лысые скелеты деревьев тоже практически не блокировали обзор, но ответа за, возможно, существующую только в моей голове задачку всё не было. Ну, в моём исполнении радиус земляной ищейки равен примерно двадцати метрам, так, может, учитель зарыл подарок ещё глубже? Он точно хотел мне что-то оставить, а не поиздеваться…?

Один за одним нарезая круги вокруг холмов, я пытался высмотреть хоть какую-то подсказку, но за это время солнечный диск уже начал уверенно крениться к горизонту, погрузив заросший деревьями холм в мир теней. И в момент, когда у меня начало заканчиваться всякое терпение, и я решил перекопать вообще весь этот холм, попробовав себя в роли крота, глаза зацепились за очень гармоничную картину. Тени от крестов, сгруппированных в две группы по четыре и одну в три, превратились в три, но очень больших — солнце садилось как раз за ними.

— Если моя догадка окажется правдой, учитель, то вам определённо не светит стать сочинителем загадок. Хоть бы намекнули на тень, что ли…

Выждав ещё немного и дождавшись момента, когда дальняя часть второй по счёту тени разольется по белому камню, — может, и правда мрамор, но я далеко не геолог. Камень и камень, — я начал поиски, практически сразу обнаружив полость, в которой, к слову, вообще ничего не ощущалось. Вот просто пусто — и всё. Даже воздух в центре этой полости отсутствовал… А так быть, определённо, не могло, так как любая пустота должна быть хоть чем-то заполнена. У нас тут, чай, не космос, а я — не на Роджер Янге лечу арахнидов отстреливать…

Меня понесло, но не туда. Тут копать надо, чем я и занялся, стараясь особенно не уродовать рельеф. Оставлять яму мне совесть не позволит, так что всё порушенное придётся заделывать, тратя силы и время. И — нет, тут надо не просто пихнуть внутрь подходящий по форме камень.

Но вот, наконец, я добрался до полости, вытащив на поверхность прямоугольный сверток. Говорил же, что книга. А засуну её в специальное крепление за па… Чего?

Медленно, переживая целый коктейль эмоций и строя десятки предположений, я вытащил из-за пазухи книгу. Печати, обложка, текст на титульном листе… Копия труда, написанного

Соу Мареком, четвёртым иллити и первым Палачом. Но я точно помнил, как ещё с неделю назад убрал эту книгу в один из сундуков, решив начать чтение этого жизнеописания уже в Рилане. Между тем, эта книга со мной, оказавшаяся в одежде, которая должна быть постирана. Тут или у меня шиза, или кто-то из домашних решил, что книга должна быть у меня. Но в полёте-то, да и во время работы, я не чувствовал, что б она со мной была! А книга в полтора кило весом это отнюдь не свиток, о котором можно забыть!

— Вот так, тихо и незаметно, подкрадывается северный пушной зверёк. Зачем ты мне здесь нужна, а? — Книга исчезла из моих рук, а я почувствовал, как в резерв вернулась крупица маны. Прямо как с крыльями! — Серьезно, что ли?

Проведя ещё несколько экспериментов, я убедился, что книга каким-то образом стала частью меня наравне с крыльями. И первой мыслью стала вознесённая Всевышнему хвала — крыша меня всё-таки не оставила, а это значит, что жить можно. Следом я вспомнил, что рядом вот уже с минуту лежит подарок учителя, а потому не стал тянуть кота за самое дорогое, приступив к распаковке надёжно упрятанной в артефактную не то ткань, не то мягкий металл, книги. Но количество упаковки в моих руках росло, «книга» уменьшалась, сначала достигнув размера обычной книжки, после — блокнота, а под конец, когда я, наконец, всё размотал, в руках осталась маленькая плоская коробочка из серебра. И — нет, меня не жгло, как клишированного демона, но базовые знания алхимии позволили мне быстро определить этот материал. Что забавно, именно серебро экранировало магию, отчего было намного ценнее золота. Его наносили на оружие и броню, его использовали в тех частях артефактов, куда магия попасть не должна — словом, применений было много. И то, что нечто в коробочке учитель спрятал и в серебре, и в явно непростой ткани, мне говорило о многом…

Со звонким щелчком крышка коробки распахнулась, и моему взгляду предстал лежащий на алом бархате диск чёрного, с бледно-голубыми прожилками, цвета. Сами прожилки большую часть времени были незаметны, но время от времени их свечение образовывало символику Клавана. Не церкви, а самого как бы бога, которому поклонялись люди. Считалось, что смертные не имеют ни малейшего права использовать символ своего покровителя, и потому в обиход среди последователей этой религии вошли… кресты. Да, одного из известных святых прошлого в этом мире тоже распяли — надоел он демонам, вот те его и прикончили с особой жестокостью. Потому существование такого предмета, открыто демонстрирующего вписанный в круг

треугольник без одной грани, перечёркнутый параллельной отсутствующему основанию линией, меня немало удивило. Церковники прознают — сожгут, и ты им вряд ли докажешь, что ты эту безделушку просто на земле нашёл. В общем, я бы поостерёгся дарить такое даже худшему из своих учеников, если, конечно, у предмета нет какой-то особой функции.

Немного потыкав в диск пальцами, я перешёл на следующую стадию, став теперь уже активно его ощупывать в поисках активатора или чего-то, что поможет разобраться с возможностями полученного предмета. Если смотреть, то лучше всё-таки здесь, подальше от города. Ведь это вряд ли простой подстаканник с подсветкой, верно? Но физических органов управления обнаружить не удалось, так что я быстро перешёл к попыткам как-то воздействовать на артефакт маной, подаваемой через руки. Вот ниточка силы цепляется за диск, и… успех! Моя сила начала плавно перетекать в предмет, а очертания того поплыли. Слегка увеличив напор, мне удалось зайти дальше, позволив диску стать прямоугольной палкой, но тут я уже наткнулся на физическую невозможность подать больше силы через руки. Немного подождав, решил подключить к делу и крылья тоже… и вот тогда невнятной формы кусок металла окончательно превратился в сомнительного внешнего вида меч. Во-первых, лезвие для меня было слишком длинным — почти полтора метра длиной. Таким орудовать может только взрослый человек, а я со своим телом пролетаю даже с учётом физического усиления. Во-вторых, что само лезвие, что гарда — всё было покрыто церковными узорами, которые использовать могут только те же церковные служители. Ну и в-третьих, я, самую капельку, маг, и напирать на изучение железомахания не планировал. Да, Целестия весьма недурственно орудовала воплощенным оружием, но придать хоть сколько-то сил маг может лишь оружию из пластичного адамантита, являющегося редким и довольно дорогим металлом. Учитель говорил, что обычный одноручный меч из такого материала будет стоить миллионов так сорок эфир при весе в двести граммов, — а металл этот был весьма лёгким, — но накопить такую сумму просто чтобы начать тренироваться светит только реально бессмертным ребятам… или детям правителей.

В любом случае, это слишком дорого для оружия, которое можно стащить или забрать с трупа.

Но самая капелька наивной веры заставила меня взять меч в руки и, потыкав им в камень, — неплохо, кстати, режет — пара сколов осталась, а ведь я даже не бил! — подать в него ману. Надежда, обычно, умирает последней, но этим прекрасным

вечером лапки протянула моя жаба, а хомяк, если он есть, должен был словить инфаркт от счастья! Меч впитывал ману, словно губка, а в камне буквально утонул, словно тот был не прочнее воды! Но только этого было бы слишком мало для того вау-эффекта, который мне довелось словить; в моих руках оружие вновь поплыло, стало холодным, словно лёд, и послушным моей воле материалом, из которого можно было лепить что угодно. Получается, в первый раз я его распечатал, а теперь запитал и привязал к себе? Как говаривал один небезызвестный персонаж — щикарно!

Кинжал, копье, здоровый кухонный тесак, изящная катана, нунчаки, парные лезвия, кувалда… Я перепробовал всё это, нащупав максимум доступного адамантита только после того, как цепь у копии оружия Целестии растянулась на тридцать метров. Весило всё это богатство столько, что у меня появились некоторые сомнения по поводу происхождения этого артефактного оружия. Учитель что, этот диск у церкви стащил? Но почему тогда они на него не вышли, раз уж после его смерти на похороны заявился целый отряд? Адамантита в игрушке явно больше полутора килограмм. Лезвия, которые я создал, плюс тонкая, но крайне прочная цепь — вот и накапало на двести миллионов эфир. Огромная сумма. Кто в здравом уме столько потратит на оружие? Разве что те самые бессмертные короли демонов…

От перспективы обладать такой вещью мне стало… не дурно, нет — грустно. Допустим, с физической формой у меня всё обстоит более-менее нормально. Учиться двигаться в противостоянии что с мечниками, что с магами жизненно необходимо. Примеры в лице убитого ассасина и множества тренировочных боёв с Целестией как бы намекают на то, что соляные столпы из себя в бою никто воображает, а тех, кто пытался, давно похоронили. Но если я попадусь на глаза человеку знающему — как он отреагирует? Мало замаскировать металл, нужно ещё и следить за тем, чтобы в бою не показать его истинную суть. Например, зарубку на другой ковырялке из того адамантита оставить…

И хочется, и колется, и мама не велит… Да, вот уж кто-кто, а она точно будет против. Убивают и за меньшее, а тут чуть ли не два кило драгоценного металла, продав который можно выкупить если не весь Рокстоун, то половину — точно. Вот только никто не покупает такие вещи, так как их или делают для себя, или снимают с трупа, и уже следующий хозяин холит и лелеет драгоценность.

Уменьшив цепь до приемлемой длины, — такой, чтобы я,

перекинув цепь через спину, держал цепи в руках, а до лезвий оставалось где-то сантиметров девяносто, — я создал мишень в лице каменной стены толщиной три метра, вдобавок покрыв его трёхсантиметровым слоем стали. Отойдя от цели на пару метров, замахиваюсь — и наношу размашистый… ну… пусть будет удар — польщу себе. Клинок, дважды прокрутившись вокруг своей оси, врубился в камень обратной стороной. Естественно, разреза не получилось, но отколоть кусок и оставить пару трещин я смог. Ещё пару раз повторив «подвиг», мне наконец-то удалось как следует ударить, и результат превзошёл все мои ожидания: адамантитовое лезвие, погрузившись на всю длину, оставило в камне глубокую «рану» длиной в пару метров, даже не заметив какого-то там слоя металла. Ну, тут я умываю руки: замаскировать ТАКОЕ не удастся даже при всём желании. Если только совсем не тратить маны на подпитку оружия, что реально, но не слишком-то приятно. Да, прочность не снизится, да и способность резать-рубить останется на уровне отличного немагического оружия, но… как мне смотреть в глаза тем, кто прознает о том, как я использую эти полтора-два килограмма адамантита? С другой стороны, это лучше, чем просто его хранить. Компактно, опять же — подпитав оружие маной, я заставил его превратиться в жидкую каплю размером со всё тот же диск, разместив её на спине, между лопаток. Отваливаться та не спешила, даже если я переставал её подпитывать тем мизерным количеством маны, которое требовалось для управления. Но, скорее всего, в автономном режиме расходовались ресурсы самого диска — всё то, что ему удалось накопить…

Жезлы? Посохи? Спасибо, но нет — у меня есть холодняк!

Вдосталь наигравшись с подарком, — знал учитель, что мне точно понравится, и чем я всё равно начну пользоваться! — я закопал все вырытые мною ямы и хотел было уже уходить, как от одного из крестов послышались голоса. Спрятав крылья, я убедился в том, что при мне нет ничего особенного, — а каплю адамантита ещё попробуй найди! — и вышел посмотреть, кто решил посетить эти кресты на холмах. Я и незнакомый мне крестоносец церкви увидели друг друга одновременно, но на моё появление он отреагировал малость неадекватно — замер, крепко схватив рукоять висящего на поясе меча. Чует моё сердце, предстоят объяснения…

— Здравствуйте. С вами, совершенно случайно, нет высокого крестоносца с чёрными волосами и добрым взглядом? Так будет проще объяснить, что я тут делаю.

Крестоносец, мужчина постарше, чем мой прошлый

собеседник, кивнул:

— Есть такой. Смотри только, не убегай. Мы — крестоносцы великой церкви, зла тебе не причиним.

Вот как раз мне вы всякое причинить можете, а я терпеть не буду — начну отвечать… А что получится в итоге я даже предположить не могу. Крестоносцы могут быть как и чуть более сильными, чем обычный человек, бойцами, относясь к четвертому рангу, так и королями меча, что равно второму рангу. На третьем находились мастера меча, а на первом — императоры, которых было мало, и вряд ли церковь послала хотя бы одного в такую дыру, как Рокстоун. В случае начала схватки я смогу сбежать от мастера, но уже король меня догонит и сделает очень больно. Разница в силах между этими рангами колоссальна, и это я ещё опыт не учитываю, которого у высокоранговых мечников-долгожителей весьма и весьма немало…

— Кёльн, тут парнишка — говорит, что тебя знает!

Я был готов разразится градом заклинаний и резко набрать высоту, а мечник — просто меня схватить. Ну, я бы тоже не стал убивать ребёнка, попытавшись его просто поймать при необходимости… Но вот так угрожающе держать меч точно не стал бы. Дети всякие могут попасться, и нервные в том числе. А кроме меня в городе есть как минимум Гериан и ещё парочка детей-иллити, способных так со страху вдарить, что останки и не найдешь потом.

— Кто? — Повезло. Тот же самый крестоносец… Но как меня угораздило с ними здесь пересечься? А всё просто — долго провозился с экспериментами, хоть и мог хотя бы отлететь подальше от объекта, потенциально представляющего интерес. Ну, весьма призрачный, конечно, но всё-таки. — О, это ты, мальчик. Что ты здесь делаешь? — Я покосился на и не думающего принимать расслабленную позу крестоносца-номер-один. — Графит, не пугай ребёнка.

— Прошу извинить. — Мужик с мужицким именем — Графит — вытащил что-то из сумки на поясе. — Хочешь конфетку?

— Спасибо, но я сыт. — Весело киваю. Столь разительные перемены в одном и том же человеке просто не могут не вызывать улыбки. — Господин крестоносец, что вы тут делаете?

— Ищем наследие твоего покойного учителя. У него должен был храниться один довольно редкий предмет, но среди его имущества ничего похожего не обнаружилось. Об этом же месте он много писал в своих дневниках. Тебя ведь зовут Золан?

— Верно.

— И ты — демон… — Я напрягся, что, очевидно, не укрылось ото взгляда крестоносца. — Не беспокойся, без причины я

никогда не подниму руку на того, о ком столь лестно высказывался человек-легенда.

— Да и дети — просто дети, независимо от расы. Я не хотел тебя пугать. — Повинился Графит. — Просто удивился, что тут, так далеко от человеческого жилья, повстречал ребёнка.

— Завтра мы с родителями уезжаем в Рилан, и я решил хоть раз посетить место, о котором так много говорил учитель. — Тем временем к нам вышло ещё трое крестоносцев, но в разговор они не вступали — просто посмотрели на нас, а после разбрелись по округе, принявшись прочёсывать местность. — Вы думаете, что учитель оставил нужную вам вещь здесь?

— Да. Он слишком часто упоминал это, казалось бы, обыкновенное место.

— Очень часто. — Утвердительно киваю. — Но здесь нет ничего, кроме крестов, скал и леса.

— Думаю, только на первый взгляд. Глассовер любил загадки, так что, возможно, он оставил подсказки для своего преемника. — Кёльн прошествовал мимо меня, опустившись перед одним из крестов на колено. — Может, ты видишь здесь что-то необычное?

С такими пейзажами несложно было сделать вид, будто присматриваешься — я просто огляделся, насладился пейзажами и собирался уже сказать нет, когда подал голос один из крестоносцев…

— Здесь ткань-блокиратор!

…ть! Про тряпочку-то я и забыл, увлёкшись самим подарком…! Вот взгляд Кёльна возвращается ко мне, его всегда широко распахнутые, добрые глаза превращаются в узкие, холодные бойницы… А потом силуэт крестоносца смазывается столь резко, что я не успеваю даже толком шевельнуться. Но звон столкнувшейся стали раздался не где-то ещё, а позади меня, что позволило мне выйти из ступора, выпустить крылья и приготовиться разразиться каскадом заклинаний. Благо, тут было, по кому бить — из дрожащего меж деревьев воздуха выходили люди с разным оружием, но неизменно в броне тёмных оттенков с грубой, но узнаваемой эмблемой — змеиный глаз в лапе ястреба. Символ, в царстве людей вызывающий ярость и гнев у воинов, и внушающий страх и трепет рядовым обывателям. Символ ордена идущих вслед за смертью, подчинённых Королю Демонов, что правит демоническим континентом…

Пока Кёльн сражался с кем-то равным себе высоко в воздухе, остальные крестоносцы так же вступили в бой. Враг, я надеюсь, показался всем своим составом, так как даже этих двенадцати воинов с учётом того, что бился с Кёльном, для пятёрки

крестоносцев явно многовато. В какой-то момент проскользнула мысль, требующая от меня скорейшего побега, но она была быстро отброшена в сторону. Пока я стоял, не решаясь вступить в бой, одного крестоносца ранили, а Графита, бросившегося демонам наперерез и попытавшегося не подпустить их ко мне, вдвоём начали теснить.

Враги. Опасные, стремящиеся убить любой ценой. Те, кто находится сейчас по другую сторону баррикад, подчиняясь восставшему Королю Демонов. Я мог бы посчитать их нейтральными, но моя защита уже приняла на себя явно смертельное заклинание, брошенное одним из двух магов нападавших.

Что ж, пусть так; стоять и смотреть на то, как гибнут честные, отчаянно защищающие меня люди, я не собирался.

Поднявшись в воздух, я смог в подробностях рассмотреть строй врага, состоящий из трёх групп атаки формата два-два-два, тройки защитников, пары магов и одного крайне сильного мечника, сражающегося с Кёльном. Отголоски их битвы в виде ударных волн и пучков концентрированной праны доносились даже досюда, и при достаточном невезении от них можно было умереть. Следовательно — забывать о любителях подраться в воздухе было нельзя.

После раздумий длиной в секунду я избрал своей целью одного из магов, сосредоточившегося на поддержке своих товарищей, сцепившихся с крестоносцами. Его заклинания были точны, моменты для удара — отлично подобраны, и своих он не задевал совершенно. Я так вряд ли смогу, так что мне остаётся только бить по отдельным группам врагов.

Взмахнув рукой, создаю в воздухе чуть больше полусотни ледяных копий, посылая их в сторону демонов-защитников, сосредоточенно наблюдающих за моими действиями. Сверху приправляю блюдо потоком воздуха, несущим в себе целую прорву снега, окончательно лишая врага обзора. Смещаясь в сторону на несколько метров, начитываю вслух комбинированное заклинание воды и земли — топкое болото, а невербально повторяюсь, запуская туда же ещё больше ледяных осколков. Тут бы больше подошло заклинание огня, но вот беда — их массовых вариаций у меня в арсенале как-то не завалялось…

Использовав свою базовую связку, «переключаюсь» на режим поражения одиночных целей, поднимаясь ещё выше и быстро смещаясь вперёд — так, чтобы оказаться прямо над головами врагов. Но ударить или как-нибудь ещё навредить врагу не успеваю, уходя в вынужденный штопор. Сразу оба мага бросили все свои дела, попытавшись сбить такого из себя неожиданного

меня. Эффект — как от полноценной точки ПВО, так что пришлось мне падать на землю. Благо, сделать это получилось с пользой — рухнул я чуть ли не на голову пытающимся добить Графита демонам, единственным взмахом крыла перерезав шею чрезмерно сосредоточенному на крестоносце противнику. Графит же на все сто воспользовался предоставленным мною шансом, отточенной связкой отвернув чужой меч в сторону и стремительно поразив врага в грудь. Раненый ещё пару секунд постоял, а после завалился набок, оказавшись не в силах жить с рассечённым сердцем.

— Ну ты и… пацан. Помоги Дестильде, а я — к Рорху! Налево!

Во-от, а то будто я знаю, кто тут из вас… нет, девушку я бы отличил, но точно не в горячке боя, покуда ещё моя почти-дымовая завеса не рассеялась. Совершаю рывок вперёд, одновременно разгоняя витающие в воздухе снежинки — и замечаю сражающихся в считанных метрах от меня мечников. Тут уровень уже заметно выше, и, на глазок, что женщина, что двое её оппонентов были мастерами меча. Держалась крестоносец лишь за счёт превосходства в росте и длине рук, заставив меня заподозрить её в родстве с какими-нибудь оградами. Росту в ней точно больше двух метров, а её двуручный меч, ото взмахов которого по земле волны расходятся, весит как бы не полста килограмм. Впрочем, это меня сейчас волнует в самую последнюю очередь — куда важнее тут то, что она не ранена и не находится в смертельной опасности, что позволяет мне подготовить удар, а не влететь в гущу боя на авось.

Секунда, вторая — и под ногами девушки вырастает стена, отделяющая её от врагов и заставляющая отступить на шаг назад. Демоны, потерявшие цель из виду и не решившиеся ломиться сквозь возведённое явно врагом препятствие, только начали разворачиваться ко мне, когда я уже закончил создание сильнейшего из доступных мне невербальных атакующих заклинаний. Вот уж что-то, а его я прочувствовал со всех сторон, ибо не единожды Целестия пыталась меня в нём запечь. Воздух вокруг мечников обратился в огонь и начал бешено вращаться, постоянно сжимаясь, а я устремился к только отыскавшей меня взглядом женщине. Каким-то образом оба мастера умудрялись не пускать моё пламя к себе, истощая вложенную ману множественными ударами. А это значило, что убить их самостоятельно мне вот так не удастся, и нужна поддержка со стороны…

— Через четыре секунды огонь спадёт, и они вырвутся. Того, что будет справа, возьму на себя.

Произношу скороговоркой, и мечница кивает. Параллельно я демонстрирую руку с ежесекундно сжимающимися пальцами, что она тоже замечает. Три, два, один — так гораздо удобнее синхронизировать действия, чем просто называя время. Особенно когда фраза — длинная, и на её произнесение уходит половина отмеренного срока…

В этот раз я не стал лететь вперёд, словно танк, но предоставил это мечнице. Демона, которому не повезло оказаться справа, сбиваю потоком воды, быстро превращающейся в лёд. И несмотря на то, что он прикладывал для освобождения все свои силы, предотвратить разделение своего товарища на две неаппетитные половинки он не смог. Но в момент, когда Дестильда подошла к последнему, зафиксированному врагу, с неба что-то рухнуло, попутно разрубив женщину на множество кусочков. Миг — и с этим чем-то уже сцепился Кёльн. Он всего на секунду упустил этого, без сомнений, Короля меча, а одного крестоносца мы уже потеряли. И потеряем ещё больше, если в кратчайшие сроки не вывести из игры магов. Они не эксперты, но продвинутый ранг точно имеют. Снова сунуться к ним в одиночку, но уже без эффекта неожиданности? Можно было бы попытаться, но их ещё и мечники охраняют. Даже отбросы вроде тех, с которыми сражался Графит, могут попортить мне много крови. Значит, добивать этого? Проблемы его убийство не составит, но сделать это нужно быстро. Значит, опять ближний бой. А резерв, тем временем, исхудал где-то на четверть. Лучше, чем раньше, но это — закономерный итог наработки контроля и использования продвинутой магии, эффекта которой раньше я достигал комбинированием нескольких начальных.

Но из боя выбыло только трое демонов врага при том, что у нас один боец серьезно ранен, а один мёртв. Не считая Кёльна, в строю остались Графит и некий Рорх, которым сейчас должно быть очень весело…

Бросаю восстанавливать ледяные оковы, кое-как удерживающие демона, и начинаю сближение, попутно выдав прямо во врага струю пламени. Тот попытался уклониться, но я довернул управляемое заклинание, заставив его вскинуть меч и воспользоваться праной для защиты. В течении полутора секунд поддерживаю огонь, а после — отпускаю, подобравшись достаточно близко. Ответный рубящий удар мастера меча вязнет в моей наполовину замороженной воде, а в следующую секунду я делаю шаг назад, в одно мгновение испаряя почти весь объем жидкости, в которой увяз оппонент. Стихия воздуха послушно направляет пар, и демон взвывает от боли и ярости — то, что не смог сделать огонь, взял на себя раскаленный пар. Запустив в

раненого врага несколько ледяных снарядов разом, опять бросаюсь вперёд, но понимаю — уже не надо. Половинку черепа демона как бритвой срезало, расплескав содержимое его головы по земле. Плюс многочисленные ожоги и пара ран, оставшихся ещё от погибшей женщины — картина получается преотвратная, я вам скажу. Даже если очень захочешь, таким видом не насладишься, так что я развернулся и направился на подмогу…

Вот только помогать больше было некому. Снег давно осел, и потому я смог без особых проблем охватить взглядом перепаханное поле боя. В небе всё ещё бьётся Кёльн, по моему скромному мнению доминирующий над противником, но на земле из своих остался только я. Графит в неестественной позе лежит под сухим деревом, ещё одного его товарища активно расчленяет один из демонов, в то время как второй держит труп насаженным на копьё, а остальных я просто не вижу. В то же время, у демонов живо двое мечников, — увлечённых уродованием трупа, — и двое магов. Все они потрёпаны, так что шансы у меня есть.

Главное теперь — не поддаться куражу и не переоценить себя. Ведь это не тренировка, где всё заканчивается усталостью и болью. Это бой, в котором есть я — и есть противник. А противника, как известно, положено убивать…

Глава 12. Жадность… не застилает глаза?

Часть I.

Чем думает враг, начинающий глумиться над трупом врага? Даже если он делает это после боя, то его ведёт или ярость, или безумие. В первом случае такого врага стоит убить сразу же, воспользовавшись его временной слабостью, а во втором о нём можно забыть. Сейчас то, что я созерцал, являлось именно безумием; эти демоны-мечники лишь издалека походили на людей, вблизи же — чистые монстры, радостно пожирающие потроха «последнего» убитого врага. Меня они таковым просто не считали, и потому игнорировали крики их же магов, которые умоляли товарищей им помочь.

— Мелкий Дьяволёнок! Гнилая предательская кровь…!

Словно в танце, я не поднимая рук избежал бесприцельно пущенных магами снарядов. Весьма скромных, я вам скажу, снарядов — я бы такие стал использовать только в случае критического недостатка маны. Но вот обстрел прекратился, и я, перекатившись влево, хлопнул обеими руками по земле, вздыбив почву и отправив этот громыхающий вал в сторону магов. Мечники-трупоеды, заслышав это, вскинулись, но побежали ко мне с такой скоростью, что мне даже стало их жалко. Скорее всего, Графит сотоварищи перебили самых сильных, или попались в ловушку этих падальщиков…

С крыльев срываются перекрёстные волны, и в мире становится на одного демона меньше — попытавшемуся заблокировать мою магию своим крайне жалким потоком праны демона просто перемололо, разворотив ему грудь. Второй, увидев последствия попадания всего одного невербального заклинания попытался убежать, но я смог нафаршировать льдом его спину до того, как маги пришли в себя после миниатюрного землетрясения и попытались продлить срок жизни своего живого щита. Как можно понять, ничего путного у них из этого не вышло, и мы остались наедине.

— Постой! Ты же демон! — Один из магов стянул с лица маску, прежде его скрывающую, и — оказался миловидной девушкой-демоном с пурпурной кожей. — Помоги нам убить крестоносцев, и мы возьмём тебя с собой, на континент демонов! Наш новый господин велик, под его напором люди не устоят!

— Мой ответ — нет. — Меня уже очень давно перестала заботить необходимость выбирать. Я повидал столько войн и смертей, что давно уже понял — сторона, на которой я буду сражаться, это та, за которую выступают те, кто мне дорог, и в помощи которой я заинтересован. Нет смысла кричать об идеологии, о тиранах и освободителях — кто бы ни пришёл к власти, кто бы ни победил в войне, последствия для людей, для меня будут одинаковы независимо от того, чью сторону я приму. Естественно, если победят мои союзники, то я приобрету больше, нежели при поражении, но это — естественные риски. Я уже определился со стороной. Здесь, в людском царстве — моя семья, иллити, — как бы плохо я не относился к деду, но он всё равно мой родственник и человек, который по-своему желает мне лучшего. А дядю и брата я искренне люблю и уважаю, — Залия и просто огромное количество знакомых людей. Покуда меня будут устраивать условия, я буду поддерживать эту сторону конфликта. — Защищайтесь.

— Ублюдок…!

Никогда не понимал людей, что кричат вместо того, чтобы занять свой рот чем-то более полезным. Прочесть заклинание, когда твой владеющий невербальной, читай — почти мгновенно формируемой магией оппонент находится в двадцати метрах? Не, это для слабых. Лучше возмущённо лупать глазами и пытаться вылечить себя, глядя на ну совершенно неожиданно оказавшийся в брюхе ледяной шип. Думала, что я её пожалею из-за половой принадлежности? Увы и ах — мы не в романе живём, а во вполне себе реальном мире меча и магии, где человеческая жизнь ценится ну оч-чень невысоко. Был бы я постарше, и была бы эта девушка в моём вкусе, то ещё можно было бы что-то придумать. А так… Ступая в битву, стоит помнить, что убивать будешь не только ты.

Второй маг, тот, что работал поддержкой мечникам и обладал заметно большим опытом, всё это время молчал, готовя заклинание. Когда я разделался с магичкой, он как раз закончил создание своего ответа. Меж двух ладоней мужчины что-то сверкнуло, а в следующую секунду мне в лицо, порвав в лоскуты защитный водяной барьер, ударил искрящийся заряд электричества, лишь ненадолго увязший в судорожно выставленном щите твёрдого воздуха. Было больно, но это была боль телесная. Совсем не то, что могло меня пронять как следует, чтобы вывести из боя. И противник, явно переживший не один бой и многое повидавший, даже не расслаблялся после того как понял, что попал. Он читал площадное огненное заклинание, когда я пустил вперёд пару перекрёстных волн и воздушный серп,

добавив сверху десяток снарядов изо льда и, как вишенку на торте, россыпь небольших огненных стрел. Ну, если я не вырубился от такой боли, то это не значит, что я её чувствую как-то иначе. Просто привык, но мне всё равно больно! Так что — глаз за глаз, маг, которого сейчас и за монстра бы не приняли, до того туго пришлось его телу под градом заклинаний.

Пополнив запасы воды в барьере, — а молния, кстати, просто испарила его часть, остатками вдарив мне по лицу, — я, не переставая активно перемещаться по полю боя и проверив, нельзя ли помочь крестоносцам, убедился, что все враги мертвы. Только тогда я позволил себе не просто в пассивном режиме присматривать за сражающимися королями меча, чтобы в случае чего отреагировать на угрозу, а в подробностях рассмотреть их бой. И это… было прекрасно. Каждый удар — произведение искусства, каждое движение — демонстрация мастерства. Я кое-что понимал в мечном бое этого мира за счёт памяти о преступлениях ассасина, и потому прекрасно себе представлял, насколько немощными выглядят мастера меча на фоне этих королей. Буквально, там, где мастеру нужна концентрация и напряжение сил, король просто наносит кажущийся самым обычным удар. И только лишь рассекающая всё на своём пути волна, раскалываемая на две части встречным взмахом клинка, напоминает о том, что перед тобой — короли, элита этого мира. Каковы же тогда императоры? Выходит, что не в качестве художественного преувеличения говорят о том, что один-единственный человек, достигший этого ранга, стоит десятков тысяч простых солдат…?

Определённо, в этом мире я рос среди монстров.

На небе не тучки, но гром разносится над холмами ежесекундно. Кёльн, ранее доминировавший, теперь больше защищается, нежели нападает. Всего одного пропущенного удара будет достаточно для того, чтобы завершить схватку, но ни одна из сторон пока не может этого достичь. «Пока» — сейчас ключевое слово. На таких скоростях единственным, чем я могу попробовать попасть в цель, является молния. Я могу прочитать её невербально. Не моментально, а за несколько секунд, полностью сконцентрировавшись. Единственное, что меня останавливает, это опасение порушить план крестоносца, если у него такой есть. Но и просто смотреть, как проигрывает союзник, точно не выход. Рискнуть? В случае неудачи против короля мне глаза Палача ничем не помогут, ведь враг сейчас не преступник, а солдат. Солдаты убивают, идут против норм морали, но что-то мне подсказывает, что этого для моей силы маловато. Резерва, тем временем, сорок процентов. Обычная молния отнимет у меня

где-то пять процентов, но для короля этого будет мало. Двадцать… Нет — двадцать пять процентов придётся вложить, если я хочу не просто почесать ему спинку, а содрать кожу и обуглить мышцы. К слову о мышцах — я прикоснулся к лицу, тут же поморщившись от боли и отдёрнув руку. Ладно, глаза видят, а кожу наверняка можно восстановить у целителя. Ну а больше, кроме глаз, мне в голове повреждать нечего — мозгов то всё равно тю-тю, раз уж я регулярно попадаю в такие передряги.

Пошире расставив ноги и заняв более устойчивую позу, я задрал глаза к небу, следя взглядом за мечниками, и начал читать заклинание. Сейчас — это не тогда, чёрные, клубящиеся тучи набежали уже к концу третьей секунды, а к шестой над нами уже закручивалось нечто, похожее на кадры из фильмов про природный апокалипсис. Огромный вращающийся массив туч, в котором то и дело сверкали молнии, не мог не привлечь внимания в Рокстоуне, но сейчас меня больше заботил демон, которого Кёльн с отчаянием загнанного хищника удерживал на расстоянии от меня. Демон намеревался со мной покончить, не дав завершить заклинание, и было видно, что долго мой защитник так не протянет. Но мне нужно было ещё три, две, одна…

Молния.

На долю секунды небо очистилось от сверкающих разрядов, а после все они ударили в одно место, где, объединившись, устремились к цели. Демон неестественно мощным пинком откинул крестоносца в сторону и, взмахнув мечом, поймал им мою молнию, на долгую секунду замерев в борьбе с воплощённой стихией…

Мне показалось, что я даже здесь, в двух сотнях метров от него, услышал смачный «чавк», когда брошенный Кёльном на манер копья меч насквозь пробил грудь нашего врага. Но вот молния иссякла, тучи начали крайне стремительно рассеиваться, а застывший подобно статуе демон опустил меч, повернул голову к безоружному и побитому крестоносцу — и улыбнулся, камнем устремившись к земле. Когда мы с Кёльном, — а в одиночку я подходить даже к недобитому королю откровенно опасался, — подошли к месту его приземления, выяснилось, что демон окончательно и бесповоротно мёртв. Как и все из семнадцати разумных существ, сошедшихся в битве на усеянном крестами холме. Кроме меня и Кёльна, конечно же — мы выжили, и помирать в ближайшее время никак не собирались.

— Сколько тебе лет, Золан?

Задал первый вопрос, — да и в принципе произнёс первые слова с момента нашей победы, — крестоносец, окинув меня

внимательным взглядом.

— Семь. Но я смышлёнее своего возраста.

Кёльн подтянул к себе брошенную рядом сумку, выудив оттуда упакованный в тубус свиток. Окинув его внимательным взглядом и проверив на целостность, он подозвал меня к себе.

— Иди сюда. Это свиток исцеления. — Примерно себе представляя, насколько паршиво я выгляжу с ожогом на половину морды лица, я решил не спорить. Всё равно Кёльн сделает по-своему — слишком уж он добрый. — Со скольки тебя учили сражаться?

— С пяти. Я не обычный иллити, как можно заметить.

Я пошевелил крыльями, ощутив что-то необычное. Словно к спине что-то прицепилось. Но тут Кёльн нацелил на меня свиток и активировал его, вызвав появление яркой бледно-зелёной вспышки. Ощущения ничем не отличались от обычного заклинания лечения, — а так как я и травмы — близкие друзья, то и ощущал на себе исцеление я довольно-таки часто, — и я, пару раз ткнув в оставшуюся на лице корку, принялся очищать от неё кожу. Мелкие раны на руках, ногах и торсе я в расчёт особо не брал, так как под сменённой одеждой их видно не будет, но с лицом крестоносец мне сильно подсобил.

— Ты очень способный парень. Я даже рад, что вы, иллити, на нашей стороне. Кто учил тебя сражаться? Глассовер?

— Нет. — Я покачал головой. — Учитель никогда не рассказывал мне ничего о своём прошлом, как и не учил сражаться. Он вообще говорил, что сражения — от недостатка ума. А учили меня наставники рода.

— Не всегда от недостатка оного именно у тебя, но, в целом, верно. Фух. — Кёльн быстро перевязал руку, которой ему пришлось бросать меч, и перешёл к длинному, но неглубокому разрезу на ноге. Меч короля меча вспорол латы крестоносца, словно бумагу, и только чудом не достиг чего-то важного. — Хотел бы я, чтобы детям вроде тебя и вовсе не приходилось учиться убивать. Ты ведь уже убивал раньше.

Он констатировал факт, а не спрашивал, так что я просто согласился.

— Да. Но это были исключительно плохие люди. Преступники.

— В Рокстоуне снесли суд?

Усмехнувшись этой неловкой попытке пошутить, я качнул головой:

— Пока нет. Но человека, попытавшегося изнасиловать мою служанку, я отпустить не смог. Как не смог простить и того, кто пытался убить мою подругу просто из-за того, что она демон.

— Демон… Союзу с иллити уже не один век, вы не единожды проливали кровь, сражаясь бок о бок с людьми, но всё равно находятся те, кто считает врагами вообще всех демонов. — С грохотом на землю упали покореженные и неподлежащие восстановлению части лат, и Кёльн приступил к обработке раны. — Иногда мне кажется, что мы что-то делаем не так.

— Не знаю. Не могу судить… пока.

Крестоносец улыбнулся:

— Ты ведь направляешься в Рилан, верно?

— Да. Буду там учиться, стану постарше — поступлю в академию.

— Академия — это неплохо, но атмосфера там… достаточно напряжённая для всех, кто сильно выделяется, и у кого нет покровителя. Ну-ка, повернись. — Не совсем понял, зачем, но повернулся — и почувствовал, как меня потянули за спину… нет, за артефакт, который я спрятал между лопаток! — Хорошо засел. Тебе сильно повезло — видимо, бросал кто-то не слишком опытный. Или даже не мастер…

Я обернулся, и Кёльн тут же вручил мне небольшой, но острый метательный кинжал. Получается, что в состоянии капли адамантит — не адамантит, раз уж в него такая железка смогла воткнуться? Даже интересно, из чего этот кинжал… Ох, ё-моё!

— Что?! Дай-ка… — Кёльн забрал у меня кинжал, тут же воткнув его в обломок своих лат. Естественно, напитанный вытеснившей мою ману праной адамантитовый кинжал вошёл в него, словно в масло. — У тебя что, броня из адамантита?

— Не совсем. — И всё-таки, с подарком учителя придётся расстаться. Скрыть наличие у себя такого оружия будет слишком трудно, и то, что произошло сейчас, это такой намёк от самой судьбы. «Ой, а почему твоё оружие выдержало такое заклинание?! Оно ведь даже не артефактное!» — вполне реальный вариант в условиях обучения в академии магии. Ведь я не смогу показать артефакт из адамантита даже учителям, так как от тех информация наверняка уйдёт дальше, а без этого о тренировках с ним можно забыть. А сколько в стране сторонников церкви? Демон с их реликвией — чем не мишень? И под удар попаду не только я, но и родители, и Залия, и все, с кем я когда-то пересекался. Выйдут и на чету Лоссов… Так что — спасибо, учитель, но это слишком дорогой подарок, который лучше вернуть тем, кому он принадлежал изначально. — Я… соврал. На самом деле, сегодня мне пришло письмо от учителя, в котором он сообщил, что оставил мне подарок. Я прибыл сюда и обнаружил этот артефакт.

Стёкшая по моей правой руке капля послушно приняла

форму диска. Глаза крестоносца подёрнула пелена, и он коснулся артефакта так, словно тот был какой-то святыней.

— Это… не просто артефакт. Вернее, не только он. Глассовер никогда не рассказывал тебе о реликвиях великой церкви? Дарах Создателя — человечеству?

— Среди иллити избегают даже упоминаний вашего бога, и потому учитель старался избегать этой темы. Мои родители были против.

Да, я сам был и не прочь тогда узнать о местном боге побольше, но — увы, отец твёрдо стоял на своём, ругаясь даже на маму, когда та поминала Клавана. А потом у меня просто руки не дошли до религиозных текстов, которые требовалось разыскивать где-то помимо семейной и родовой библиотеки.

— Дары Создателя — человечеству появились очень давно. Изначально их было ровно пятнадцать, но шли века, и многие из них бесследно исчезали. До нас дошло только пять таких артефактов, которыми владели сильнейшие из последователей церкви. Глассовер… Он не был крестоносцем второго ранга — он занимал первый, и владел Диском Создателя до тех пор, пока в предыдущей человеко-демонической войне не схватился с Королём Демонов. Он смог серьезно ранить его, но и сам не ушёл невредимым… лишившись возможности пользоваться праной. — Учитель — один из тех, кто был достаточно силён, чтобы сражаться с Королём Демонов? — Уже после войну закончили, одолев Короля Демонов, и Глассовер сложил с себя полномочия, предпочтя, чтобы о его вкладе умолчали.

— И он, лишившись праны, смог начать осваивать ману…?

— Да. Когда он погиб, наш отряд послали сюда, чтобы забрать реликвию, доставить её в церковь и найти следующего крестоносца, достойного ею владеть. — Говоря это, Кёльн не сводил взгляда с диска, словно боясь, что он исчезнет. — Проблем не ожидалось, наш отряд не был боевым. Но мы всё равно столкнулись с врагом, в такой близости от столицы…

— Если всё действительно обстоит именно так, то у меня нет иного выбора, кроме как вернуть вам диск. — Я протянул крестоносцу диск, но тот не взял его.

— Подожди минуту.

Поднявшись на ноги, Кёльн довольно быстро ушёл в направлении мёртвого короля меча, совершенно не опасаясь моего возможного побега. Впрочем, я убегать и не собирался, так как проблемы с великой церковью в мои планы вписывались слабо.

Но вот крестоносец вернулся, неся на плече свёрток, основой которому послужил срезанный с трупа демона плащ.

Непритязательный на вид дар, стоило мне его развернуть, вызвал множество вопросов, которые я каким-то образом сумел вместить в один-единственный взгляд.

— Без твоей помощи мы проиграли бы, Золан. И я, забирая у тебя диск, оставленный Глассовером именно тебе… не чувствую себя правым. Хотя бы так я хочу компенсировать твою потерю

— Это правда нормально?

Передо мной лежал полуторный меч, три кинжала и перчатка. Всё из адамантита, а последняя — ткань, с закреплёнными поверх тонкими пластинами.

— Да. Бери, и улетай — скоро сюда подойдут мои товарищи, оставшиеся в городе. — И иллити — подумал я про себя, сгребая в охапку полученные дары. С ними как-то поспокойнее, нежели с диском. Весят всего-то грамм пятьсот, да и переплавить можно, нанеся руны и придав металлу дополнительные свойства. — Спасибо, Золан. Да осенит тебя благословлением Клаван…

И я, распахнув крылья, улетел, по большому радиусу направившись домой. Мне нужно было решить что-то с адамантитом, а после — отдохнуть перед началом путешествия. В пути нам предстояло провести почти полгода…

Часть II.

К счастью, я сумел незамеченным пробраться в свою комнату и сменить одежду. Состояние вещей, в которых я прошёл эту битву, оказалось заметно более плачевным даже после того, как я постирал их старым-добрым вращением в водяном вихре. Слишком характерны повреждения, чтобы можно было принять их за что-то иное. Потому-то мне и пришлось паковать весь комплект, пряча его среди своей поклажи. Вроде бы что-то вышло, но меч с кинжалами таким образом укрыть точно не выйдет. Перчатку можно засунуть куда угодно, но вот с колюще-режущим так поступать нельзя. Тем более адамантитовым. Кинжалы, допустим, я закреплю в перевязи — могут и пригодиться, но меч… Маловат я для него, а переплавить такой металл у незнакомого кузнеца, это всё равно, что объявить всему городу о наличии у тебя весьма дорогой вещицы. Далеко не все люди могут и готовы молчать в таких ситуациях. Но меня не мог не радовать тот факт, что «на глазок» адамантит нельзя отличить от других металлов. Ведь король меча, вроде Кёльна, не мог не разбираться в оружии, но кинжал он поначалу принял за обычное одноразовое метательное оружие, которое не жалко потерять во время боя.

Следовательно, внешне и меч будет неузнаваем? Тогда для

него можно попытаться подобрать ножны в городе… Но кто ж меня туда пустит, да ещё и позволит неизвестно что и неизвестно откуда вести в багаже? Что так, что так, но мне придётся информировать отца о… пусть подарке Глассовера. Меч, три кинжала и перчатка — чем не наследство, оставленное крестоносцем второго ранга?

Приняв такое решение, я с мечом на плече и закреплёнными в специальных кармашках мантии кинжалами спустился вниз. О, эти глаза отца, когда я молча, с серьезным, как у самой смерти, лицом, взял меч за рукоять и пустил по нему ману… Единственный вопрос — откуда — был мгновенно парирован заготовленным ответом.

— Наследство Глассовера.

— Грозу в той стороне ты устроил? — Ну, не стоило особо рассчитывать на то, что родители окажутся слепыми и глухими. Заметили таки. — Зол?

— А, прости, задумался. И — нет, гроза — не моих рук дело. Хотя происходило это недалеко от меня, и кто-то создал молнию за считанные секунды. Хорошая работа. — Сам себя не похвалишь, как говорится… — Я встретил там отряд крестоносцев, что-то ищущих, так что это вполне могли быть они. Может, тренировались?

— Вполне может быть. Но я очень надеюсь, что искали они не этот меч. Они тебя видели?

— Я заметил их первым, так что успел спрятать подарок Глассовера и просто с ними поболтал. Там, кстати, был король меча — Кёльн. Добрый, почти как учитель.

— Ох, сынок… Сколько можно повторять — подавляющее большинство церковников демонов недолюбливают, и вполне могут воспользоваться возможностью убить того, кто слабее. Пока слабее.

— Я понимаю. Но эти люди были на похоронах учителя, а после Кёльн рассказал, что читал его дневник, и знает, что меня, демона-иллити, обучал Глассовер.

— И что в итоге?

— Мы разошлись, а после где-то рядом с крестами на холме загрохотало. Я решил, что ввязываться во что-то накануне путешествия неблагоразумно… — Что такое благоразумие и с чем его едят? — … и вот он я.

— А в комнату ты тайком для чего пробирался, позволь узнать?

— Решал, стоит ли тебе говорить о мече.

— Ну, хотя бы решение ты принял правильное — и на том спасибо. Давай, под душ и спать. Завтрашний день будет не из

простых…

Первый том — всё.

Я даже как-то удивлён тому, насколько быстро всё вышло, но останавливаться не собираюсь. Ваш интерес, дорогие читатели, весьма неплохо мотивирует на усердную работу;) Во втором томе нас ждёт дорога и, наконец, Рилан — первый по-настоящему крупный город, в котором окажется Золан. Выкладку я начну в ближайшие два-три дня, так что не пропадайте с горизонта, оставляйте обратную связь в лице комментариев — и вместе мы напишем действительно годный РУ-исекай.

Всем спасибо — и продолжаем;)

(Зарезервированное место для вашей рек… для ссылки на второй том).